

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVIII.

Августъ.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1887 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го іюля 1887 года.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ.

(*Продолженіе*) [1].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Итакъ, мы вдвоемъ съ пріятелемъ, то бишь съ родичемъ, поѣхали въ гости къ новобрачнымъ, оставивъ мнимо больную кузину дома обдумывать на досугѣ, какъ ей вести себя съ выскочкой, очаровательной сосѣдкой. Выѣхавъ изъ села и потомъ изъ липовой темной рощи, мы очутились на извилистомъ живописномъ проселкѣ, вьющемся по открытому полю, изрѣдка уставленному огромными суховерхими дубами. Проѣхавъ легкой рысью версты двѣ, родичъ мой велѣлъ кучеру остановиться у колоссальнаго сухаго дуба, положившаго свои обнаженные сухіе корни, какъ длинныя безобразныя ноги, поперегъ дороги.

— Хотите, сказалъ родичъ, обращаясь ко мнѣ, я вамъ покажу темную историческую букву? Вы человѣкъ ученый, не намъ чета, можетъ быть, вы ее и прочитаете.

Я просилъ родича показать мнѣ эту историческую темную букву. Онъ указалъ мнѣ на круглую не большую дыру въ стволѣ дуба, изъ которой въ это мгновеніе вылетѣла сова.

— Вишь ты куда спряталась, сказалъ кучеръ, глядя на улетающую сову.—А родичъ спросилъ меня, знаю-ли я это дупло. Я отвѣчалъ, что не знаю.

— Такъ отгадайте, если вы мудрецъ, продолжалъ онъ таинственно.

— Дятелъ, думаю, выдолбилъ на досугѣ, сказалъ я, ни о чемъ не думая.

— Дятелъ, только не простой, а чугунный; посмотрите хорошенько, да пощупайте, такъ и узнаете, какой тамъ сидитъ дятелъ, проговорилъ онъ самодовольно.

---

1) См. „Кіев. Стар." 1887 г. за іюнь и іюль, стр. 269—334.

Я вышелъ изъ экипажа, посмотрѣлъ въ загадочное дупло, и какъ-бы вы думали, что я тамъ увидѣлъ? Величины съ добрый кулакъ чугунное ядро.

— Каковъ дятелъ, а? спросилъ родичъ, смѣясь.

— Хорошъ, отвѣчалъ я, подходя къ экипажу.

— Какимъ-же родомъ и когда онъ сюда залетѣлъ? спросилъ я своего спутника.

— А это уже ваше дѣло. Мы люди темные, какъ и эта историческая буква.—Стало быть, и вы не прочитаете? продолжалъ онъ иронически.

— Не прочитаю, сказалъ я, садясь въ коляску.

— Полагать надо, что здѣсь происходило когда-то, въ старину большое сраженіе, проговорилъ онъ значительно и подумавши прибавилъ: а можетъ быть и артиллерійская мишень гдѣ нибудь близко стояла.

— И то быть можетъ, сказалъ я, и мы пустились далѣе.

Его пустая догадка разомъ разрушила мои мрачныя историческія предположенія на счетъ засѣвшаго въ дуплѣ ядра, и я взглянулъ веселѣе на едва позеленѣвшее поле, уставленное изрѣдка суховерхими дубами. И какое могло быть сраженіе на этой райской мѣстности? спросилъ я самъ себя простосердечно, забывъ, что и въ самомъ даже раю зарѣзалъ братъ брата. Едва успѣлъ я вспомнить это первое братоубійство, какъ на горизонтѣ райскаго поля вырисовались два кургана, и на одномъ изъ нихъ торчалъ какой-то пирамидальный маякъ. За двумя большими курганами открылось еще нѣсколько могилъ меньшаго размѣра, а у самой опушки темнаго лѣса, въ которомъ прятался нашъ извилистый проселокъ, показалось небольшое земляное четыреугольное укрѣпленіе. Точно такой формы и величины, какъ на полѣ около Листвена, близъ Чернигова, гдѣ Мстиславъ Удалой рѣзался съ единоутробнымъ братомъ своимъ Ярославомъ, съ тою разницею, что лиственское укрѣпленіе засѣвается хлѣбомъ, а въ этомъ забытомъ исторіей бастіонѣ, догадливый хозяинъ сложилъ въ скирды собранный съ поля хлѣбъ. Прежде боевая ограда теперь служитъ оградою плодовъ трудолюбиваго земледѣльца. Отрадное превращеніе!

— А мой дуракъ экономъ, небось, не догадается устроить и у себя такой же фольварокъ, проговорилъ мой спутникъ, глядя на укрѣпленіе, украшенное скирдами прошлолѣтняго хлѣба.

— У васъ развѣ есть такое-же гнѣздо? спросилъ я его.

— Есть, только поросшее лѣсомъ, отвѣчалъ онъ.—А знатная выдумка! Непремѣнно велю вырубить лѣсъ и устроить у себя такую-

Я не сказалъ ему ни слова на эту геніальную агрономическую затѣю, и мы безмолвно въѣхали въ темный безмолвный лѣсъ.

Отъ береговъ тихаго Дона до кремнистыхъ береговъ быстро текущаго Днѣстра—одна почва земли, одна рѣчь, одинъ бытъ, одна физіономія народа, даже и пѣсни однѣ и тѣ же, какъ одной матери дѣти. А минувшая жизнь этой кучки задумчивыхъ дѣтей великой славянской семьи не одинакова. На поляхъ Волыни и Подоліи вы часто любуетесь живописными развалинами древнихъ массивныхъ замковъ и палатъ, нѣкогда великолѣпныхъ, какъ напримѣръ въ Острогѣ или Корцѣ. Въ Корцѣ даже церковь, хранилище бальзамированныхъ труповъ фамиліи графовъ Корецкихъ, сама собою въ развалину превратилась. Что-же говорятъ, о чемъ свидѣтельствуютъ эти угрюмые свидѣтели прошедшаго? О деспотизмѣ и рабствѣ! О хлопахъ и магнатахъ! Могила или курганъ на Волыни и Подоліи—большая рѣдкость. По берегамъ-же Днѣпра, въ губерніяхъ кіевской, полтавской, вы не пройдете версты поля, не украшеннаго высокой могилой, а иногда и десяткомъ могилъ, и не увидите ни одной развалины на пространствѣ трехъ губерній, кромѣ развѣ у богатаго затѣйника помѣщика нарочно развалившійся въ саду, деревянный, размалеванный храмъ Весты, à la ротонда Тиволи. Что-же говорятъ пытливому потомку эти частыя темныя могилы на берегахъ Днѣпра и грандіозныя руины дворцовъ и замковъ на берегахъ Днѣстра? Онѣ говорятъ о рабствѣ и свободѣ. Бѣдныя, малосильныя Волынь и Подолія, онѣ охраняли своихъ распинателей въ неприступныхъ замкахъ и роскошныхъ палатахъ. А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украйна туго начиняла своимъ вольнымъ и вражимъ трупомъ неисчислимые огромные курганы. Она своей славы на *«поталу»* не давала, ворога деспота подъ ноги топтала и свободная, нерастлѣнная умирала. Вотъ что значатъ могилы и руины. Не напрасно грустны и унылы ваши пѣсни, задумчивые земляки мои! Ихъ сложила свобода, а пѣла тяжкая одинокая неволя.

Пока я разоблачалъ эту мрачную археологическую задачу, темный лѣсъ, которымъ мы ѣхали, сталъ еще темнѣе. Верхушки высокихъ старыхъ кленовъ и ясеней, недавно блестѣвшихъ на свѣтло-фіолетовомъ фонѣ неба, потемнѣли, значитъ, солнце закатилось. Не мѣшало-бы и шагу прибавить. подумалъ я. Да прибавить то его трудно: на каждомъ шагу или выбоина, наполненная жидкой грязью,

или древесный корень, какъ бревно, растянулся поперекъ дороги и ждетъ, какъ-бы доброму человѣку колесо сломать, или иначе какъ-нибудь напакостить.

Случится иногда шаговъ десятка два и хорошей дороги; за то какъ нарочно сухой пень выйдетъ изъ лѣсу, какъ разбойникъ Гаркуша, и станетъ по срединѣ бархатной дороги. Что хочешь, то и дѣлай. Нѣсколько поколѣній чубатыхъ земляковъ моихъ ломаютъ оси о подобнаго разбойника, а онъ стоитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, только бѣлые бока его немного выпачканы смолою, и ничего больше. Хоть-бы зарубка, хоть-бы тѣнь намѣренія уничтожить этого сокрушителя осей. Ничего, ни малѣйшаго знака. Пускай стоитъ себѣ, гдѣ его Богъ поставилъ, говорятъ наивные земляки, и преспокойно продолжаютъ ломать свои крѣпкія грабовыя оси. Это еще ничего. Въ лѣсу не штука сломать одну другую ось: сказано—лѣсъ. А попробуйте-ка вы доказать эту удаль среди бѣла дня и среди гладкой шумной степи. Вотъ это такъ штука, и нѣмцу, пожалуй, не ухитриться. А землякъ мой ухитрился. Онъ, изволите видѣть, ѣхалъ столбовой дорогой, везъ сѣно продавать москалямъ уланамъ. Это было утромъ рано. Волы двигались тихо впередъ, а землякъ мой, лежа на сѣнѣ, тоже тихо пѣлъ пѣсню, вѣроятно панегирикъ своимъ круторогимъ товарищамъ. Пѣлъ, пѣлъ да, не кончивши пѣсни, и уснулъ. А круторогіе товарищи шли, шли себѣ потихоньку, да и остановились, задѣвъ осью за размалеванную версту, какъ нарочно поставленную край дороги. Подъ вліяніемъ ароматическаго сѣна и плотнаго «снидання», т. е. завтрака, землякъ мой таки порядочно всхрапнулъ. Проснулся онъ въ самый полдень, благодаря палящимъ лучамъ солнца. Проснулся и видитъ, что его круторогіе братья лукавятъ, остановились. Онъ взмахнулъ на нихъ длиннымъ батогомъ своимъ; братья тронулись, и передней оси какъ не бывало, а изумленный землякъ мой, съ мягкой душистой постели, скатился на жесткую сухую землю, лѣниво поднялся, осмотрѣлся вокругъ себя и, увидя размалеванную причину катастрофы, съ разстановкою проговорилъ:

— Проклятая нимота що наробила, доброму чоловикови и въ степу тисно стало!

О мои милые, непорочные земляки мои! Если-бы и матеріальнымъ добромъ вы были такъ богаты, какъ нравственной сердечной

прелестью, вы были-бы счастливѣйшій народъ въ мірѣ! Но увы! Земля ваша, какъ рай, какъ садъ, насажденный рукою Бога человѣколюбца, а вы только безмездные работники въ этомъ плодоносномъ, роскошномъ саду. Вы Лазари убогіе, питающіеся падающими крупицами отъ роскошной трапезы вашихъ прожорливыхъ ненасытныхъ братій.

— Напрасно, сказалъ я, обращаясь къ родичу, вы взяли коляску, въ бричкѣ мы-бы скорѣй пріѣхали.

— Думали, что и барыня поѣдетъ съ нами, отвѣтилъ кучеръ за безмятежно храпѣвшаго своего барина.

— А далеко еще до Курнатовки? спросилъ я у кучера.

— А Богъ его знаетъ, отвѣчалъ онъ. Если-бы вырубить этотъ проклятый лѣсъ, да поставить версты, то можно-бы ихъ сосчитать и тогда сказать. А такъ, какъ его скажешь, не долго до грѣха, пожалуй и соврешь. А если не вырубить лѣсъ да наставить версты, такъ я вамъ скажу и версты ничего не помогутъ: сказано—лѣсъ, прибавилъ онъ, обращая ко мнѣ лице. Пустыня непроходимая! Того и смотри, экипажъ сломаешь, да и простоишь сутки, другія. Вотъ тебѣ и версты! Онѣ только помѣха въ лѣсу, ничего больше.

— Какая-же помѣха? спросилъ я его.

— А такая помѣха. Заглядишься на его Ирода размалеваннаго, а пень или ухабина какъ тутъ. Будто самъ сатана, не при насъ будь сказано,—и онъ перекрестился,—подсунетъ подъ экипажъ. Вотъ вамъ и версты! Вамъ-то, разумѣется, ничего. Вы любуетесь ею, сколько хотите, читаете себѣ цыфру и ничего больше, а нашему брату такъ не подъ стать этимъ дѣломъ заниматься. Слава Богу, что я неграмотный, а то-бы часто доставалось мнѣ за эти иродовыя версты. И кто ихъ повыдумывалъ? Вѣрно москали, чтобы въ походъ идти было веселѣе. Больше некому выдумать такую штуку.

Проговоривши остроумное заключеніе, кучеръ досталъ изъ-за пазухи трубку и огниво и сталъ высѣкать огонь.

Густыя, темныя пустыни мало по малу начинали рѣдѣть. проясняться и наконецъ совсѣмъ разступились. Остались только черные великаны дубы по сторонамъ дороги, какъ заколдованные пастухи вокругъ заколдованнаго чернаго стада.

Дорога была ровная, гладкая. Коляска однако-жъ двигалась также медленно, какъ и въ лѣсу. Осторожный философъ кучеръ

покуривалъ трубочку и не давалъ воли своему кнуту, а разумные кони и подавно не давали воли своимъ быстрымъ ногамъ. Мы двигались, что называется, ощупью. Черезъ нѣсколько минутъ лошади укоротили свой и безъ того короткій шагъ и я почувствовалъ, что мы спускаемся съ горы.

— Не нужно-ли затормозить? спросилъ я кучера.

— Не нужно. Гора не крутая и дорога хорошая, отвѣчалъ онъ, не вынимая изо рта трубки. И мы продолжали спускаться по тихонько. Спустившись съ горы, мы опять очутились въ лѣсу. Только тутъ дорога уже была замѣтно шире и ровнѣе. Въ право показались коническія, черныя верхушки тополей. Подъѣхавъ къ тополямъ, кучеръ взялъ круто на право, и мы очутились въ широкой тополевой аллеѣ. Ва горизонтальной линіи показались огоньки, не въ ровномъ одинъ отъ другаго разстоянія.

— Вотъ вамъ и Курнатовка, проговорилъ кучеръ, по прежнему не винимая трубки изо рта.

— А гдѣ это огни видно? на фабрикѣ какой? спросилъ я его, глядя на разной зеличины свѣтящіяся пятна.

— Какое на фабрикѣ! Это въ господскомъ домѣ, отвѣчалъ онъ насмѣшливо. Тамъ такія палаты, что вы только ахнете. У нашего пана кошары лучше будутъ, прибавилъ онъ тѣмъ же тономъ и медленно махнулъ кнутомъ.

Лошади фыркнули отъ этой нечаянности и пошли едва замѣтной рысцей. Изъ широкой тополевой аллеи мы выѣхали на широчайшій дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ одноэтажнымъ приземистымъ зданіемъ. Въ углу на лѣво горѣли два фонаря надъ растворенной небольшой дверью. Не ужели это парадный подъѣздъ? Не успѣлъ я задать себѣ этотъ вопросъ, какъ коляска остановилась именно у этой двери, освѣщенной двумя фонарями.

II.

Не безъ труда разбудилъ я своего любезнаго спутника, и мы выгрузились изъ экипажа. Въ дверяхъ насъ встрѣтилъ колоссальный великолѣпный швейцаръ съ булавою и чистѣйшимъ моимъ нарѣчіемъ спросилъ, какъ мы прикажемъ о себѣ доложить *панови.* Доложеніе оказалось лишнимъ, потому что самъ панъ выбѣжалъ въ корридоръ и принялъ насъ въ свои широкія объятія. Послѣ неодно-

кратныхъ лобзаній, хозяинъ вывелъ насъ изъ узенькаго корридора въ большую, но низкую и грязную комнату, освѣщенную одной зеркальной солнцеобразной лампой. Въ комнатѣ пахло подваломъ. Мы отдали верхнее платье заспанному и тоже колоссальному лакею и послѣдовали за хозяиномъ. Вошли въ длинную, узкую и тоже низкую, въ родѣ корридора, комнату, обитую красными подъ штофъ обоями, освѣщенную великолѣпной лампой съ бумажнымъ разноцвѣтнымъ колпакомъ. Кромѣ овальнаго стола и краснаго атамана, мебели никакой не было въ этой уродливой комнатѣ и также въ слѣдъ за хозяиномъ проникнули мы въ потайную, иначе назвать нельзя, узенькую и низенькую дверь, покрытую такими же обоями, какъ и стѣны комнаты, въ безконечно длинный узкій корридоръ, освѣщенный двумя солнцеобразными лампами. Не пройдя и половины корридора, хозяинъ открылъ такую же потайную дверцу, и впустилъ насъ въ большую четыреугольную комнату, уставленную разноманерными, не домашней, а чуть ли не Замбковой работы кушетками, и также освѣщенную столовой лампой съ какимъ-то бородатымъ оруженосцемъ, поднявшимъ на копье разноцвѣтный бумажный колпакъ.

— А что же ваша милѣйшая Агата къ намъ не пожаловала? спросилъ хозяинъ у моего родича, пожимая ему руки.

— Она что-то не совсѣмъ здорова, отвѣчалъ мой спутникъ, запинаясь.

— Жаль, очень жаль! проговорилъ хозяинъ трогательно и тоже запинаясь. А мы бы составили преферансикъ; жаль, очень жаль!

— Прошу садиться, господа, сказалъ онъ развязно, указывая на разноманерныя кушетки и, лукаво улыбаясь, прибавилъ: «на какомъ угодно инструментѣ».

Въ слѣдъ за симъ онъ хлопнулъ въ ладоши, и на этотъ султанскій зовъ явился мальчикъ въ красной гусарской курткѣ.

— Чай и трубки! сказалъ хозяинъ, и гусарикъ исчезъ.

Изъ этой самой двери, въ которой скрылся миніатюрный гусаръ, вылѣзла высокая, тощая, лысая, съ огромными усами, довольно грязная фигура въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ.

— Рекомендую, сказалъ хозяинъ, указывая на представшую фигуру, однополчанинъ, однокашникъ, Иванъ Ивановичъ поручикъ Бергофъ.

Незнакомецъ молча поклонился и протянулъ намъ свои длинныя, костлявыя руки. Мы отвѣтили тѣмъ же, и тощая длинная фигура молча отошла въ уголъ и расположилась на одномъ изъ инструментовъ. Тишина была нарушена миніатюрнымъ гусарикомъ, явившимся съ безконечными чубуками и безконечнымъ, какъ чубуки, лакеемъ, принесшимъ на огромномъ серебряномъ подносѣ чай въ стаканахъ и ромъ въ рѣповидномъ зеленомъ графинѣ, не миніатюрнаго размѣра. Хозяинъ безцеремонно долилъ ромомъ нарочито неполный стаканъ моего родича и передалъ графинъ мнѣ.

— Гелена моя... сказалъ хозяинъ и остановился; Гелена моя, продолжалъ онъ, усаживаясь на кушетку съ ногами, сегодня тоже не совсѣмъ здорова.

— Что съ нею? спросилъ я съ участіемъ.

— Такъ, ничего... я на эти вещи совершенный философъ: пускай ихъ, что хотятъ, то и говорятъ. Собаки полаютъ да и перестанутъ.

Я совершенно ничего не понялъ изъ сказаннаго хозяиномъ-философомъ. Родичъ мой значительно кивалъ головой и улыбался, изъ чего я заключилъ, что и онъ понялъ не больше моего.

Послѣ трехъ стакановъ чая съ прибавкою рѣчь зашла о лошадяхъ, о собакахъ и наконецъ о сосѣдяхъ и сосѣдкахъ; въ числѣ послѣднихъ нѣсколько разъ произносилась фамилія мадамъ Прехтель, и всякій разъ съ какимъ нибудь додаточнымъ, напримѣръ «каракатица» или «кубическая».

Вѣрно, эта мадамъ Прехтель порядочная женщина, а иначе они съ уваженіемъ-бы о ней говорили. Разговоръ становился оживленнѣе, безтолковѣе и грязнѣе и кончился тѣмъ, что хозяинъ велѣлъ подать столъ, карты и просить панну Дороту. Въ одну минуту все было исполнено, а въ довершеніе явилась и панна Дорота. Она молча, кокетливо присѣла и подошла къ столу. Не безъ удивленія узналъ я въ паннѣ Доротѣ ту самую старую дуэнью, у которой я такъ нецеремонно отнялъ свой чай на почтовой станціи. Игроки усѣлись по мѣстамъ, и я остался ни при чемъ.

Въ обществѣ картежниковъ, занятыхъ своей профессіей, самая жалкая и пошлая фигура—это зритель. А кузина моя, не тѣмъ будь помянута, не знаетъ въ своей жизни ничего пріятнѣе и сладостнѣе, какъ безмолвно созерцать чужія двойки и тройки. Это

для нея выше всякой картинной галлереи, все равно, что для скотины свинарникъ, если не сладостнѣе. Но увы! она не предвидѣла блаженства, случайно выпавшаго на мою долю, и съ дуру повязала щеку и осталась дома. Простофиля! а я дурень не отесанный! Чтобы не играть роли автомата, любимой роли моей красавицы кузины, я оставилъ равнодушно сонмище картежниковъ и вышелъ изъ кабинета или гостиной,—чортъ его знаетъ, что оно такое,—въ эту самую дверь, изъ которой выползла безмолвная панна Дорота, и пройдя узенькій не длинный корридорчикъ, очутился въ большой круглой комнатѣ, раскрашенной синими и красными полосами, на манеръ турецкой палатки. Круглый большой по серединѣ столъ и красный турецкій диванъ около стѣнъ составляли украшеніе и мебель комнаты, да еще о четырехъ рожкахъ висячая лампа ярко освѣщала затѣйливую залу и длинновязаго лакея, убиравшаго со стола чайные аттрибуты. Простакъ, не видя меня, приложилъ горлышко зеленаго рѣпообразнаго графина къ своимъ огромнымъ губамъ, но увы! вотще, хозяинъ и гости ничего не оставили.

Изъ мнимой турецкой палатки было четыре выхода, и я выбралъ противуположный тому, изъ котораго я вошелъ въ мнимую палатку. Новое и совершенно новое явленіе! Длинная галлерея, освѣщенная нѣсколькими, тоже солнцеобразными, лампами, раздѣлялась съ одной стороны деревянными перегородками на небольшіе чуланы, заномерованные римскими золотыми цыфрами. Чулановъ было десять, и каждый изъ нихъ украшался горбатой кушеткой и топорной работы картиной отвратительнаго содержанія. Это ничего больше, какъ домашній гаремъ господина Курнатовскаго,—открытый и лампами освѣщенный вертепъ разврата! Гнусно! Отвратительно гнусно! Не это-ли та самая всевозможная роскошь, которою окружилъ онъ теперешнюю жену свою и о которой мнѣ говорилъ мой простодушный родичъ? Еще гнуснѣе и отвратительнѣе! Посмотримъ, что дальше откроется. Изъ возмутительной галллереи, вошелъ я въ осьмиугольную большую комнату, размалеванную въ китайскомъ вкусѣ и освѣщенную китайскими фонарями. Комната имѣла тоже четыре выхода, украшенные надписями красными буквами. Надъ дверью, изъ которой я вышелъ, было написано: *Наслажденіе*, надъ противуположной дверью *Движеніе*, на право *Отрада*, а на лѣво *Награда*. Со стороны *Отрады* и *Награды* несло конюшней и псар-

ней; я выбралъ фирму *Движеніе*, и очутился въ темномъ ароматическомъ саду.

III.

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ по узенькой дорожкѣ, какъ услышалъ звуки шарманки, наигрывавшей какой-то вальсъ. Звуки неслись съ лѣвой стороны и казались недалеко отъ меня. Я сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ и остановился. Влѣво тянулась длинная и узкая тополевая аллея, а въ концѣ ея свѣтился красный фонарь. Я направился къ красному фонарю. Пройдя аллею, я остановился въ изумленіи: передо мной нарисовался ярко-освѣщенный павильонъ или что-то въ родѣ сарая, и въ немъ-то визжала неугомонная шарманка и двигались какія-то бѣлыя фигуры. Шарманка играла вальсъ, а фигуры не крутились, какъ-бы этого слѣдовало ожидать, а двигались взадъ и впередъ, звучно притопывая ногами. Странная дисгармонія, подумалъ я, подходя тихонько къ павильону. Осторожно, какъ кошка, подкрался я къ одному окну и увидѣлъ... Какъ-бы вы думали, что я увидѣлъ? Толпу пре хорошенькихъ деревенскихъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ свиткахъ, преусердно танцующихъ «метелицю». А мой великодушный однорукій герой еще усерднѣе играетъ на шарманкѣ вальсъ.

Изъ толпы прекрасныхъ наивныхъ танцовщицъ бросилась мнѣ въ глаза одна, прекраснѣе и граціознѣе своихъ подругъ, съ барвинковымъ вѣнкомъ на головѣ. Это была сестра моего героя, мадамъ Гелена Курнатовская. Я прильнулъ къ окну такъ плотно, что чуть стекла не выдавилъ своимъ лысымъ портретомъ. Танцовщицы такъ искренно, чистосердечно дѣлали свое дѣло, что я не опасался за свою нескромность. Онѣ не только меня, и пожару не замѣтили-бы въ эти блаженныя минуты.

Это впрочемъ меня нисколько не извиняетъ. Я все таки немного смахивалъ на волокиту Актіона. Не доставало только быстроглазой Діаны, чтобы увѣнчать меня вѣнцомъ, недовѣрчивымъ мужьямъ приличнымъ.

Вчера пышная прекрасная невѣста богатаго пана, а сегодня крестьянка, подруга своихъ бѣдныхъ подругъ. Сегодня она прекраснѣе и великолѣпнѣе вчерашней пышной невѣсты. И какъ она искренно обнимаетъ и цѣлуетъ своихъ подругъ...... Я замиралъ отъ

умиленія, глядя на этотъ просторъ непорочнаго и высокоблагороднаго сердца.

Панъ Курнатовскій значитъ совралъ. Его Геленочка здорова и совершенно счастлива. Она и не думала приглашать къ себѣ своихъ высокомѣрныхъ и пустыхъ сосѣдокъ. Она, какъ вѣрная любящая подруга своихъ такихъ-же вѣрныхъ и любящихъ подругъ, простосердечно и весело празднуетъ съ ними свое необыкновенное *весилля* (свадьба).

Неутомимый виртуозъ усталъ наконецъ вертѣть шарманку, отнялъ свою единственную руку отъ блестящаго завитка и медленно опустился на стулъ. Танецъ кончился. Первая изъ танцовщицъ подошла къ нему его сестра, поклонилась ему чуть не до земли, заплакала, зарыдала, судорожно обвила его широкія плечи своими бѣлыми руками и прильнула къ его суровому лицу своимъ нѣжнымъ прекраснымъ лицемъ. Суровый оборонитель Севастополя не устоялъ. Какъ жемчугъ свѣтлый, заблестѣли крупныя слезы на его смуглыхъ щекахъ и покатились на расплетенныя черныя косы счастливѣйшей сестры.

Если это не полное счастье, такъ полнаго счастья нѣтъ между людьми. Я прильнулъ еще плотнѣе къ стеклу, а она, измѣнница, отскочила отъ своего всхлыпивавшаго брата и скрылась въ толпѣ тоже всхлыпивающихъ подругъ. Подруги одна за другою чинно подходили къ своему обязательному музыканту, кланялись въ поясъ и благодарили за труды. А между тѣмъ явилась и она, зардѣвшаяся, съ огромнымъ подносомъ въ рукахъ, заваленнымъ разнородными сластями и съ припрашиваньемъ потчивала своихъ во истину дорогихъ гостей.

Неутомимый виртуозъ, принявшій должную дань трудолюбію и искусству, спокойно всталъ со стула, пощупалъ шарманку съ другой стороны и принялся вертѣть. Шарманка вмѣсто вальса запищала полонезъ Огинскаго, а танцорки, завернувъ торопливо въ платочки не оконченныя лакомства, стали одна противъ другой въ прежнемъ порядкѣ и дружно пріударили прежнюю «метелыцю».

Послѣ продолжительнаго танца была отдана таже честь трудолюбивому музыканту и тоже угощеніе неутомимымъ танцоркамъ. Окончивъ потчиванье, хозяйка поставила тяжелый подносъ на шарманку, сказала что-то шопотомъ брату и, обратившись къ подругамъ, проговорила въ слухъ:

— Ну-мо, сестры, вечерять.

— Ну-мо, отозвались подруги въ одинъ голосъ.

Я разсудилъ за благо оставить свой обсерваціонный постъ и убраться во свояси съ миромъ, дивяся бывшему. Да и что интереснаго въ жующихъ людяхъ, а тѣмъ болѣе въ дѣвушкахъ? Плотоядныя, травоядныя животныя и только. Даже въ зоологическомъ отношеніи не интересно.

Какъ ловкій воръ, невидимкою нырнулъ я въ какой-то колючій кустарникъ, пробрался къ красному фонарю и выползъ на знакомую тополевую алею.

Только что почувствовалъ я себя внѣ опасности быть открытымъ, какъ передо мной показались два мужика, съ большими корзинами на головахъ. Нечаянная встрѣча эта меня такъ ошеломила, что я совершенно растерялся, остановился среди аллеи и не зналъ, что съ собою дѣлать. Мужики проходили мимо меня, и одинъ изъ нихъ, забывъ о своей ношѣ, вздумалъ поклониться. Корзина потеряла равновѣсіе и звонкія тарелки съ громомъ посыпались на землю и окончатально меня уничтожили. На этотъ предательскій громъ выбѣжала изъ павильона сама хозяйка и за нею нѣсколько дѣвушекъ, а я сдѣлалъ три шага имъ на встрѣчу,—глупѣе я ничего не могъ сдѣлать,—и остановился. А вѣжливый виновникъ всей этой суматохи, на вопросъ хозяйки, что сдѣлалось, подбирая битыя тарелки и бережно ихъ складывая въ корзину, проговорилъ едва слышно: паныч (такъ звали они Курнатовскаго). Хозяйка взглянула вокругъ и, увидя меня, бросилась ко мнѣ, обхватила руками мою преступную голову и принялася цѣловать, восторженно приговаривая: Сердце мое! дружино моя!—и я почувствовалъ ея теплую слезу у себя на лицѣ.—Ты приходилъ посмотрѣть на мою свадьбу, на мою радость?

Тутъ я догадался, въ чемъ дѣло. Она приняла меня за своего мужа.

Съ сожалѣніемъ, правда, я отвелъ ея лице отъ моего лица и мы взглянули другъ на друга.

— Боже мой, что я сдѣлала! воскликнула она, закрывъ лице руками.

Черезъ минуту она открыла лице и, обращаясь ко мнѣ, сказала:

— Простите мнѣ, я приняла васъ за своего мужа, я думала, онъ пришелъ посмотрѣть мою деревенскую свадьбу.

— Вы меня простите-ли за мою нескромность? сказалъ я и тутъ же открылъ ей все свое похожденіе.

— Такъ вы гость нашихъ добрыхъ сосѣдей? сказала она съ разстановкой и, взявъ меня за руки, прибавила: такъ будьте-же и моимъ дорогимъ гостемъ. Зайдите хоть на минуточку, хоть только взгляните на мою свадьбу и на моего единаго друга, на моего милаго брата!

Едва она кончила фразу, какъ братъ ея стоялъ уже передъ нами и неловко кланялся. Какъ старому знакомому, я протянулъ ему руку, хозяйка взяла меня за другую, и мы пошли къ павильону. У самаго входа у меня зародилась оригинальная мысль. Я остановился, просилъ сестру и брата оставить меня за дверью, и выслать ко мнѣ мужика—виновника суматохи. Мужикъ тотчасъ вышелъ. Я не безъ труда уговорилъ его надѣть мой фракъ, а самъ нарядился въ его праздничную бѣлую свитку. Преобразившись такимъ образомъ и взявшись за руки, вошли мы въ павильонъ. Братъ и сестра послѣ мгновеннаго недоразумѣнія съ восторгомъ обняли меня и, взявши подъ руки меня и моего товарища, подвели къ тѣсно скучившимся дѣвушкамъ въ другомъ концѣ залы. Дѣвушки сначала молчали, но взглянувъ на своего Гарасыма во фракѣ и безпредѣльно широкихъ шароварахъ, фыркнули и звонко захохотали во весь дѣвичій молодой хохотъ.

— Майстеръ! майстеръ! Гарасымъ майстеръ! повторяли онѣ сквозь хохотъ. А Герасимъ, майстеръ тарелки бить, не въ шутку разсердился и началъ было снимать съ себя смѣхотворный фракъ, чего ему однако-жъ не позволили, а когда угомонились и меня осмотрѣли дѣвушки, то въ одинъ голосъ назвали настоящимъ «гречкосіемъ», чѣмъ я былъ сердечно доволенъ. Простодушныя, онѣ не знали, что сказали мнѣ любезнѣйшій комплиментъ, какъ актеру. Послѣ этого сердечнаго комплимента я такъ вошелъ въ свою роль, что, не говоря о гостяхъ, сама хозяйка и ея братъ, оставивъ принужденное великороссійское нарѣчіе, заговорили со мной по своему, т. е. по малороссійски.

Сколько я былъ веселъ, развязенъ и счастливъ, столько бѣдный Герасимъ-майстеръ угрюмъ, связанъ и несчастливъ. Насмѣш-

ницы не давали ему покоя и довели его бѣднаго до того, что онъ снялъ съ себя фракъ и если-бъ не хозяйка удержала его мощныя руки, то не рисоваться-бы мнѣ больше на свадьбахъ и крестинахъ въ моемъ долговѣчномъ, неизносимомъ фракѣ. Онъ разорвалъ-бы его и бросилъ, какъ тряпку, негодную даже на онучи, чѣмъ, между нами будь сказано, Трохимъ былъ-бы очень доволенъ, а мнѣ пришлось-бы продолжать роль «гречкосія» до возвращенія къ родичамъ. Кончилось однако-жъ тѣмъ, что по настоянію хозяйки майстеръ Герасимъ натянулъ на себя снова фракъ и до того повеселѣлъ и развернулся, что когда послѣ ужина вынесли столъ изъ павильона, и шарманка загудѣла снова какой-то вальсъ, майстеръ Герасимъ, взавшись въ боки, такъ ударилъ козачка, что только окна зазвенѣли. Хозяйка, гостьи, я и даже молчаливый защитникъ Севастополя залились самымъ чистосердечнымъ смѣхомъ.

И, правду сказать, было чему смѣяться. Если бы мертвый всталъ изъ гроба да взглянулъ на земляка моего, какъ одѣтъ былъ теперь Герасимъ, въ добавокъ отплясывая казачка, то увѣряю васъ, если-бы онъ не захохоталъ, то по крайней мѣрѣ улыбнулся-бы. Такое смѣшное превращеніе и самому Овидію въ голову не приходило.

Хозяйка и гости уже устали хохотать и только усмѣхались, поглядывая другъ на друга, а неутомимый майстеръ Герасимъ, казалось, только что началъ входить въ душу своихъ безконечно выразительныхъ *па*. Рѣзвыя насмѣшницы наконецъ и улыбаться перестали, и только нѣкоторыя изъ нихъ отъ избытка удивленія восклицали: «Оце то такъ!»—«Настоящій панъ въ кургузому жупани!» прибавляли другія. Но Герасимъ, ничего не видя и не слыша, продолжалъ съ усмѣхомъ начатое дѣло.

— Та цуръ тоби, Гарасымъ! сказали дѣвушки въ одинъ голосъ.

— Якій ты тамъ у чорта панъ! ты нашъ настоящій майстеръ Гарасымъ! замѣтила одна изъ нихъ.

Танцоръ, услыхавъ, что съ него снято позорное названіе пана, остановился, выдернулъ изъ-подъ рукава фрака широкій рукавъ своей бѣлой рубашки, вытеръ имъ мокрое лице свое и, начиная съ хозяйки, перецѣловалъ всѣхъ насмѣшницъ, приговаривая: «отъ вамъ и панъ! отъ вамъ и панъ»! Потомъ снялъ съ себя фракъ и, подавая мнѣ, поклонился и сказалъ: спасыби за позычки.

— И вамъ спасыби, пане майстре Герасиме! сказалъ я, передавая ему свитку.

Онъ надѣлъ свою свитку, поклонился хозяйкѣ и вышелъ изъ павильона. Тогда я обратился къ одной изъ дѣвушекъ и спросилъ:

— Какой Гарасымъ майстеръ?

— Всякій, отвѣчала она; що схоче, то те й зробить.

Немного-же узналъ я о настоящей профессіи Герасима.

Гостьи, почувствовавъ, что лучшаго финала имъ не придумать, поблагодарили звонкими поцѣлуями свою счастливую подругу за угощеніе и вышли въ слѣдъ за Герасимомъ.

Хозийка велѣла другому мужику, товарищу Герасима, погасить огни и ложиться спать, гдѣ ему заблагоразсудится; потомъ взявъ меня и брата за руки, вывела насъ въ садъ. Въ саду сказала она брату:

— Иди ты, Осипе, приготовь квартиру нашему дорогому гостю въ новомъ домѣ и приставь къ ней стараго Прохора для услуги.

— А вы, мой дорогой гость, прибавила она, дружески пожимая мою руку, проводите меня въ покои.

Разставшись съ моимъ героемъ, мы тихо молча пошли вдоль аллеи.

IV.

Проходя молча знакомую тополевую аллею, мы нѣсколько разъ останавливались и слушали, какъ рѣзвыя подруги моей прекрасной грустной спутницы пѣли свадебныя пѣсни, удаляясь отъ павильона. Въ послѣдній разъ мы остановились у самой двери, ведущей въ домъ подъ фирмою «Движеніе», и долго слушали исчезающіе звуки; наконецъ они затихли, а спутница моя все еще стояла молча, какъ-бы прислушиваясь къ роднымъ сердцу милымъ звукамъ.

— По хатамъ разошлись мои подруги, едва слышно проговорила она и, какъ ребенокъ, зарыдала.

Малѣйшимъ движеніемъ я не смѣлъ нарушить ея глубокаго тихаго стенанія. Она искренно, чистосердечно прощалась со своими подругами, со своей бѣдной дѣвичьей волею. Она теперь только сознавала свое тѣсное рабство, теперь только она почувствовала надъ собою волю немилаго и чуждаго ей человѣка во всѣхъ

отношеніяхъ. Бѣдная, что ждетъ тебя впереди? Что встрѣтишь ты на избранной тобой дорогѣ?

— Неправда ли я совершенно счастлива? сказала она, утирая слезы и судорожно пожимая мнѣ руку.

Я недовѣрчиво взглянулъ на нее, а она продолжала:

— Вы не вѣрите? Скажите-же, друже мой добрый, имѣла-ли хоть одна на всемъ свѣтѣ сестра такого брата, какъ я имѣю? И какъ я виновата передъ нимъ, прибавила она въ полголоса. Мнѣ-бы надо идти въ черницы и молиться за него Богу, а я что сдѣлала?

И она снова заплакала.

Минуты счастія минули, настали годы испытаній! говоритъ какой-то поэтъ, а я, глядя на мою героиню, сказалъ: если останешься навсегда такою чистою и непорочною, какъ теперь, то минута твоей свѣтлой радости продолжится до гроба. Она, какъ будто подслушала мою мысль, вдругъ оставила слезы, перекрестилесь, кротко взглянула на меня, улыбнулась, и мы молча вошли въ китайскую комнату.

— Видите, какое у насъ сегодня праздничное освѣщеніе въ домѣ, сказала она, снимая съ головы своей барвинковый вѣнокъ. Онъ, мужъ мой, ждалъ къ себѣ гостей, а гости, кромѣ васъ, и не пріѣхали. Значитъ, я на половину угадала. Да и кто теперь поѣдетъ къ нему? Никто, кромѣ Прехтелей, а онъ ихъ чуждается.

— Скажите мнѣ, Бога ради, что за люди эти Прехтели? прервалъ я ее.

— Наши близкіе сосѣди, добрые люди. Онъ искусный докторъ, а она лучшая женщина во всемъ околодкѣ.

Значитъ, я не ошибся, выводя заключеніе изъ словъ моей милой кузины и ея благороднаго друга.

Молча и быстро прошли мы галлерею о десяти незагадочныхъ чуланахъ и очутились въ круглой комнатѣ, разукрашенной подъ палатку, передъ лицемъ самой панны Дороты.

Панна Дорота стояла у круглаго стола, покрытаго бѣлой чистой скатерью, засучивъ рукава и повязавъ салфетку вмѣсто фартуха; она глубокомысленно приготовляла къ ужину кресъ-салатъ съ душистымъ огурешникомъ.

— Моя кохана панна Дорота, витай моего дорогаго гостя, пока я

переодѣнусь, сказала по-польски моя спутница и сама мгновенно скрылась.

Панна Дорота медленно подняла голову, неопредѣленно взглянула на меня и едва замѣтно кивнула головой. Я сдѣлалъ тоже. Она прошептала: прошу садиться. Я сѣлъ, чувствуя, что мое положеніе самое незавидное, если не самое глупое. Въ критическихъ обстоятельствахъ, въ такихъ, напримѣръ, какъ теперь, я тупо не находчивъ, да и панна Дорота, кажется, не острѣе меня. Долго молча сидѣлъ я и смотрѣлъ на старую идіотку и наконецъ подумалъ:

— Такъ это твоя мать, наставница и гувернантка? Хороша, нечего сказать! Отъ кого-же ты, моя милая героиня, выучилась русскому и польскому языку? А главное, отъ кого ты приняла и такъ глубоко усвоила этотъ нѣжный тактъ и эти милыя сердечныя манеры? Отъ Бога, отъ природы! Такъ; но и помощь людская тутъ необходима.

Такіе и подобные вопросы и задачи вертѣлись въ головѣ моей до тѣхъ поръ, пока тихо, какъ ласковая кошечка, вошла въ комнату моя прекрасная спутница, одѣтая изящно и просто. Между тѣмъ, какъ я удивлялся ея превращенію, она, приложивъ пальчикъ къ губамъ, на цыпочкахъ зашла въ тылъ паннѣ Доротѣ и быстро закрыла ея опущенные глаза своими дѣтски маленькими ручками. Пока панна Дорота вытирала салфеткой свои мокрыя руки, шалунья отняла свои руки и быстро, какъ кошечка же, отпрыгнула ко мнѣ и, падая на диванъ, звонко засмѣялась.

— Сваволишъ, Гелено! ворчала недовольная панна Дорота, поправляя свой измятый чепецъ.

— Не буду, не буду, моя добрая, моя любая мамочка! говорила Гелена и, подойдя къ старой ворчуньѣ, нѣжно поцѣловала ее въ лобъ. Старуха улыбнулась и, возвративъ шалуньѣ поцѣлуй, спросила ее о чемъ-то шопотомъ. Та отвѣчала тѣмъ-же тономъ. Вѣроятно рѣчь шла обо мнѣ. Пока все это происходило, я продолжалъ удивляться превращенію рѣзвушки; ни тѣни бывшей крестьянки. Отъ волоска до ноготка барышня, да еще и барышня какая! самая элегантная. Въ какой школѣ, въ какомъ институтѣ она выучилась такъ къ лицу, такъ изящно-просто одѣваться? Удивительная вещь чувство изящнаго! На ней было темно-сѣрое шелковое

платье съ такими широкими прекрасными складками, какими щеголяютъ только однѣ Рафаэлевы музы. Въ темной роскошной косѣ, съ нѣсколькими листочками зелени, какъ яхонтъ блестѣлъ яркій синій барвинковый цвѣтокъ. Узенькій воротничекъ и такіе-же рукавчики довершали ея изящный нарядъ. Кому-бы въ голову пришло, глядя на эту четвертую грацію, спросить у нея, читаетъ-ли она русскую грамоту. Вотъ-же мнѣ пришелъ въ голову такой, и скажу, основательный вопросъ.

— О чемъ вы такъ тяжко задумалися, мой драгоцѣнный гость? проговорила она, подходя ко мнѣ.

— О томъ... о томъ, говорилъ я, глядя въ ея прекрасные умные глаза, и чуть не проговорился.

— О чемъ-же, скажите? спросила она вкрадчиво.

— Завтра скажу, а сегодня не могу; или вотъ что, прибавилъ я нерѣшительно, надѣньте опять барвинковый вѣнокъ, тогда скажу.

— Скажете?

Не успѣлъ я произнести: *да*, какъ она выпорхнула въ галлерею съ отвратительными чуланами и, пока я поднимался съ мягкаго отомана, она впорхнула опять въ круглую комнату съ барвинковымъ вѣнкомъ на головѣ.

— Муза Терпсихора! воскликнулъ я отъ изумленія.

— Гдѣ музыка? спросила она наивно.

— Вы муза гармоніи! Вы самая вдохновенная, самая возвышенная музыка! отвѣчалъ я восторженно.

Я восхищался ея замѣшательствомъ, ея восхитительно живописной юной головкой въ барвинковомъ вѣнкѣ съ яркими синими цвѣтами. Иной хватъ тутъ-же-бы упалъ на колѣни, какъ передъ богиней, и въ любви объяснился. Я сдѣлалъ иначе. Налюбовавшись досыта моей музою, я усадилъ ее на отоманѣ и, полюбовавшись еще немножко, сказалъ:

— Вы прекрасно объясняетесь по русски и по польски, читаете-ли вы хоть на одномъ какомъ языкѣ?

— Читаю, отвѣчала она безъ малѣйшаго смущенія, и даже писать начинаю. По польски меня учитъ панна Дорота, а по русски старый Прохоръ, тотъ самый, что будетъ вамъ прислуживать.

— Простите-же мнѣ мой грубый, но дружескій вопросъ, мадамъ Гелена, прибавилъ я почтительно.

— Какъ хотите, такъ и называйте, только полюбите меня и моего единственнаго брата, прибавила она, сквозь слезы улыбаясь.—А за вопросъ вашъ я вамъ сердечно благодарна...

Она хотѣла еще что-то сказать, какъ вошелъ въ комнату длинный лакей и, подойдя къ безмолвной слушательницѣ нашего разговора, спросилъ:

— Не пора-ли на столъ накрывать?

Панна Дорота отвѣчала тихимъ наклоненіемъ головы и, обращаясь къ намъ, проговорила по русски:

— Не угодно-ли будетъ пожаловать въ кабинетъ?

— Не угодно-ли вамъ самимъ пожаловать въ кабинетъ? сказала ей Гелена. Я буду за порядкомъ смотрѣть, я теперь хозяйка.

— И прекрасно, сказалъ я дружески и послѣдовалъ за непрекословною панною Доротою въ кабинетъ.

Молча, какъ безобразныя привидѣнія въ облакахъ табачнаго дыма, сидѣли пріятели и рѣзались въ штосъ, или, какъ выражается мой немногоглаголивый родичъ, недоимку собирали.

Такъ какъ талія была въ ходу, а она лилась изъ искусныхъ костлявыхъ рукъ Ивана Ивановича Бергофа, то наше присутствіе въ кабинетѣ и не было никѣмъ замѣчено. Пользуясь неизвѣстностію, я отошелъ въ темный уголъ и кое-какъ усѣлся на горбатой кушеткѣ. Панна Дорота тоже воспользовалась неизвѣстностію и поморщившись отошла въ сторону отъ немилосердно курящихъ рыцарей зеленаго стола и тоже кое-какъ опустилась на горбатую кушетку и призадумалась. Полно, такъ-ли? Она, кажется, просто безсмысленно смотрѣла на густой табачный дымъ и совершенно ничего не думала. Глядя на ея жалкую фигуру, я въ первый разъ спросилъ себя, кто она и что она у господина Курнатовскаго. Дальняя-ли родственница шляхтянка безпріютная? Нянька-ли его и тоже шляхтянка безпріютная? Можетъ быть и то и другое, кромѣ порядочной женщины. Порядочная женщина не совмѣстна въ домѣ у человѣка, даже ближайшаго родственника, который заводитъ гаремъ изъ собственныхъ крѣпостныхъ крестьянокъ и, женившись на одной изъ одалисокъ своихъ, не думаетъ сдѣлаться ея другомъ, ея заступникомъ. Онъ попрежнему ея владыка, онъ настоящій султанъ, гусаръ: на второй день свадьбы понтируетъ себѣ молодецки и знать ничего не хочетъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, да и въ

сторону. Она, простодушная, съ восторгомъ встрѣчаетъ его въ саду, думаетъ, что онъ, добрый, идетъ раздѣлить съ нею ея непорочную радость, хотя въ окно взглянуть на ея счастье, на ея задушевный праздникъ! А онъ... животное! Самое отвратительное животное! А что-же панна Дорота? Тоже грязное животное! Порядочная женщина скорѣе протянетъ руку во имя Христа за гнилымъ огрызкомъ хлѣба, чѣмъ станетъ приготовлять салатъ для роскошнаго стола сластолюбца и развратителя.

Не слишкомъ-ли я прогулялся на счетъ панны Дороты? Она, если не любитъ, по крайней мѣрѣ не презираетъ бывшей невольницы, а это много; развращенная женщина этого не сдѣлаетъ.— Кузина моя? Но это дѣло другаго рода. Что-же наконецъ такое эта безмолвная панна Дорота? Гіероглифъ пока, таинственный гіероглифъ, надъ которымъ самъ Шамполіонъ призадумался-бы. Но время открываетъ истину. Время и прилежное изслѣдованіе открываетъ возмутительныя дѣла сильныхъ міра сего, давно уже забытыхъ великодушнымъ потомствомъ. Время, надѣюсь, и мнѣ объяснитъ эту, пока загадочную, жалкую панну Дороту.

А пока не войдетъ лакей и не возвѣститъ объ уготованной трапезѣ, нарисую вамъ, благосклонные слушатели, картину самаго задорнаго штоса, а въ особенности штосмейстера, т. е. банкомета. Нѣтъ, не могу!... Я не живописецъ пошлыхъ, отвратительныхъ сценъ и блѣдныхъ, деревянныхъ физіономій. Да и что новаго, оригинальнаго въ этой безнравственной, гнусной картинѣ? Содержаніе ея одно и въ Санъ-Франциско, и въ кабинетѣ Курнатовскаго, и на любой ярмаркѣ. Декорація только не одна. Въ Санъ-Франциско, напримѣръ, тамъ содержатель игорнаго вертепа нанимаетъ женщину, т. е. подобіе женщины, чтобы она, какъ адская царица Прозерпина, на тронѣ присутствовала при состязающихся шулерахъ.

Нѣтъ худа безъ добра. Хорошо, что моя милая кузина ничего не читаетъ, иначе она прочитала-бы записки Ротчева о Калифорніи и заставила-бы своего тетерю ограбить крестьянъ и ѣхать прямо въ Санъ-Франциско для того только, чтобы самой покрасоваться въ интересной роли Прозерпины. Шепнуть ей развѣ когда нибудь объ этой назидательной роли? Да она меня расцѣлуетъ за эту новость, забудетъ всѣ нанесенныя мною ей оскорбленія, забудетъ даже, что

я первый сообщилъ ей извѣстіе объ уничтоженіи ея идола—эполетъ, забудетъ все; но все таки усумнится о такомъ неслыханномъ блаженствѣ на землѣ.

Впрочемъ не о ней и рѣчь,—она нечаянно подъ перо подвернулась, а рѣчь о томъ, гдѣ у насъ въ Россіи та великая академія, которая образовываетъ такихъ бездушныхъ автоматовъ, штосъ и банкмейстеровъ, какъ напримѣръ Иванъ Ивановичъ Бергофъ? Нигдѣ больше, я думаю, какъ въ кавалеріи. Хотя и пѣхотинецъ иной при случаѣ лицемъ въ грязь не ударитъ, но все таки далеко не то, что кавалеристъ, далеко не то. Не даромъ моя милая кузина благоговѣетъ передъ кавалеристами, въ особенности передъ гусарами.

Наконецъ длинный лакей явился и смѣлымъ басомъ возгласилъ объ уготованной трапезѣ. Картежники не шевельнулись; они какъ будто ничего не слыхали, а мы съ панной Доротой молча вышли въ круглую залу, она-же и столовая.

V.

По серединѣ залы стоялъ круглый, великолѣпно сервированный столъ, а по серединѣ стола возвышалась поставленная въ серебрянную вазу античной формы сосновая вѣтка, увѣшанная конфетами, пучками колосьевъ овса и повитая гирляндой изъ барвинковыхъ цвѣтовъ. Это была не нѣмецкая елка, а такъ называемое *гильце*, непремѣнное украшеніе свадебнаго стола у малороссіянъ.

Безмолвная панна Дорота взглянула на милую затѣю своей Гелены, улыбнулась и прошла къ дивану. Я тоже, безмолвный, остановился передъ наивнымъ украшеніемъ, возведеннымъ до изящества. Самъ Богъ тебя умудряетъ, моя прекрасная Елена. Самой прекрасной Елены не было въ залѣ, когда я такъ думалъ, любуясь ея милымъ произведеніемъ и, чтобы хоть съ кѣмъ нибудь раздѣлить свой тихій восторгъ, я обратился къ безмолвно улыбающейся паннѣ Доротѣ и сказалъ ей по польски какой-то современный ея юности комплиментъ за воспитаніе ея милой Гелены. Она вмѣсто улыбки сдѣлала гримасу и любезность ея тѣмъ кончилась.

Одинъ за другимъ вошли въ залу картежники и, ничего не замѣчая, молча, торопливо сѣли за столъ, не рядомъ и не одинъ противъ другого, а такъ, какъ попало.

— Подавай! сказалъ хозяинъ длинному лакею.

Лакей скрылся въ одну дверь, а изъ другой двери тихо, плавно, какъ лучезарная Аврора, вышла хозяйка въ бѣломъ шелковомъ платьѣ такого-же самаго покроя, какъ и прежнее. Я замеръ отъ восторга и едва могъ подняться съ отомана, чтобы благоговѣйно привѣтствовать восходящее свѣтило. Картежники не замѣтили ея торжественнаго появленія. Они мрачно погрузились въ свои серебряные приборы. Она, какъ испуганная бѣлая голубка, на мгновеніе остановилась, робко взглянула на гостей, тихо, едва слышно подошла къ мужу, поцѣловала его въ зардѣвшійся лобъ и молча сѣла возлѣ него, давая мнѣ знакъ, чтобы я садился рядомъ съ нею. Я повиновался. Панна Дорота сѣла съ другой стороны около своего фаворита. Тишина царила въ нашей разнообразной компаніи. Наконецъ хозяинъ возмутилъ ея мрачное владычество, сказавши, обращаясь къ женѣ.

— Я думалъ, ты сегодня не совсѣмъ здорова.

— Совершенно здорова, сказала она, принужденно улыбаясь, и совершенно счастлива, прибавила она, глядя ему въ очи.

— А я не совсѣмъ счастливъ, проворчалъ онъ.

— Что случилось? спросила она быстро.

— Ничего, другъ мой, продулся малую толику, отвѣчалъ онъ принужденно.

Она не поняла, въ чемъ дѣло и, минуту помолчавъ, сказала:

— А у меня сегодня были гости, мои подруги, и какъ мы танцовали! Какъ было весело! Особенно когда пришелъ къ намъ нашъ дорогой гость,—и улыбаясь она взглянула на меня.

— Кто-же это такой нашъ дорогой гость? спросилъ онъ ее, набивая свой широкій ротъ ароматическимъ патефруа.

— Мой сосѣдъ, сказала она, показывая на меня.

— Я думаю, вамъ было очень пріятно въ такомъ миломъ обществѣ? сказалъ хозяинъ иронически.

— Больше, нежели пріятно,—весело! сказалъ я.

— Правда, вы художникъ, это въ вашемъ вкусѣ, проговорилъ онъ, гложа кость.

Я не нашелъ нужнымъ подтверждать его справедливое замѣчаніе, и тишина снова воцарилась.

Прекрасная хозяйка растерялась и не находила словъ для своихъ мрачныхъ гостей. Какъ голодныя собаки, они молча грызли

кости и запивали какимъ-то виномъ. Гости торопились и давились костями: имъ былъ недосугъ. Изумленная и оскорбленная хозяйка, какъ овечка, кроткая, робко поглядывала на своихъ волковъ-гостей и не знала, чему приписать эту мрачную торопливость. Послѣ жаркаго картежники выпили по стакану шампанскаго, налили по другому, переглянулись межъ собой, встали изъ-за стола, молча поклонились хозяйкѣ и вышли въ кабинетъ вмѣстѣ съ хозяиномъ и со стаканами въ рукахъ.

— А пирожное? а яблоки? сказала смущенная хозяйка.

— Пришли намъ въ кабинетъ, говорилъ ротмистръ, возвращаясь и, оскаляя свои бѣлые большіе зубы, прибавилъ, протягивая женѣ руку:

— Подай мнѣ на счастье свою руку.

Она молча подала ему свою руку и вскрикнула отъ нелицемѣрнаго пожатія, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, повернулся и вышелъ изъ залы.

Какъ бѣломраморная надгробная статуя, опустила она свою прекрасную голову на высокую грудь и неподвижно молча сидѣла оскорбленная, моя прекрасная Елена. Я смотрѣлъ на нее, прекрасную, поруганную и съ замираніемъ сердца чего-то ожидалъ. Она тяжело вздохнула, грустно улыбнулась, взглянула мнѣ въ глаза и едва слышно прошептала: весилля! и, какъ жемчугъ, крупныя блестящія слезы полились изъ подъ ея длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ.

Панна Дорота смотрѣла на нее и молчала. Я тоже не могъ выговорить ни слова, а она плакала, тихо и горько плакала. Я дыханіемъ не смѣлъ нарушить тишины, во время которой на олтарь семейнаго счастія приносилась великая таинственная жертва. Она, простая, бѣдная крестьянка, она пламенная, непорочная, любящая и такъ грубо оскорбленная, она глубоко и въ первый разъ въ жизни почувствовала эту ядовитую горечь оскорбленія и заплакала, не какъ обыкновенная женщина, но какъ женщина возвышенная, глубоко сознающяя собственное и вообще женское достоинство. Горе тебѣ, едва распустившаяся лилія Эдема! Тебя сорвала буря жизни и бросила подъ ногу человѣку грубому, сластолюбцу холодному. Теперь только ты узнала настоящее горе и, какъ надъ дорогимъ сердцу покойникомъ, ты заплакала надъ своимъ умершимъ счастіемъ.

— Отъ вамъ и весилля! сказала она, улыбаясь и вытирая слезы. Я думала, что не буду сегодня плакать, да и заплакала... А вы, моя милая панно Дорото, продолжала она дрожащимъ голосомъ, что-же вы не плачете? Вы моя мать, вы меня замужъ снаряжали, —и она снова зарыдала.

Панна Дорота посмотрѣла на нее пристально и принялась чистить яблоко. Я понималъ настоящую причину ея слезъ и, какъ могъ, растолковалъ ей, что значитъ картежникъ. Она поняла меня и непритворно успокоилась, а вскорѣ до того развеселилась, что налила себѣ, мнѣ и паннѣ Доротѣ въ бокалы шампанскаго.

— За здоровье вашего брата! сказалъ я, поднимая бокалъ.

Она медленно, сердечно, нѣжно посмотрѣла мнѣ въ глаза, молча подала мнѣ руку, мы чокнулись и дружно выпили вино.

— Гелена, сваволишъ! проворчала панна Дорота. А Гелена вмѣсто отвѣта въ полголоса запѣла:

Упилася я,
Не за ваши я,
Въ мене курка неслася,
Я за яйця впилася.

И кончивши куплетъ наклонилась къ своей старой ворчуньѣ и крѣпко поцѣловала ее въ нахмуренный лобъ.

— Сваволишъ, Гелена! повторила панна Дорота,—и мы встали изъ-за стола.

— Что-же намъ теперь дѣлать? сказала хозяйка, опускаясь на отоманъ.

— Спать, сказалъ я добросовѣстно.

— Я спать не хочу, я теперь-бы танцовала, до самого утра танцовала-бы, говорила она, смѣясь и лукаво поглядывая на панну Дороту.

— За чѣмъ-же дѣло стало? скззалъ я; пойдемъ опять въ павильонъ, я буду вертѣть шарманку, а вы танцуйте съ панной Доротой.

— Нѣтъ, не такъ! мы панну Дороту заставимъ играть, а съ вами будемъ танцовать.

— Мамуню моя! прибавила она, нѣжно цѣлуя свою дуэнью. Пойдемъ въ павильонъ.

— Сваволишъ, Гелена! проворчала невозмутимая старуха и отрицательно кивнула головой.

— А я вамъ не буду читать «Остапа и Ульяну», когда вы ляжете спать.—Я ей каждую ночь читаю, продолжала она, обращаясь ко мнѣ, а она одинъ часъ не хочетъ для меня повертѣть шарманку. Ей Богу, читать не буду! а завтра и цвѣты не полью до восхода солнца. Пускай вянутъ! Вамъ-же хуже будетъ: придется другіе садить; а я и другіе не полью.—Пойдемъ-же, моя мамусенько, хоть на одинъ часочекъ, сказала наконецъ Гелена и нѣжно прижалась къ паннѣ Доротѣ.

— Сваволишъ, Гелена! проговорила снова своимъ деревяннымъ голосомъ панна Дорота.

Гелена задумалась на минуту и потомъ сказала, обращаясь къ своей дуэньѣ:

— Пойдемъ лучше спать. Я васъ раздѣну, моя мамочко, накрою васъ и буду вамъ читать, до самого утра буду вамъ читать.

— Желаю вамъ короткой ночи, сказалъ я кланяясь.

— Подождите, я васъ проведу до швейцара, а то вы заблудитесь въ нашемъ Вавилонѣ, и передамъ васъ на руки старому Прохору, говорила она вставая и охорашиваясь.

Я не отнѣкивался отъ этой милой услуги и въ слѣдъ за хозяйкой вышелъ въ одну изъ четырехъ дверей. Пройдя узкій корридоръ и извѣстную уже читателю красную комнату, мы вышли опять въ корридоръ и очутились у выхода на дворъ. Она постучала въ дверь, и вмѣсто колоссальнаго швейцара явился маленькій жиденькій старикъ съ фонаремъ въ рукѣ.

— Отъ вамъ и Прохоръ, сказала она мнѣ и, обращаясь къ старику, продолжала: а ты, Прохоре, будь ласкавъ, якъ очей своихъ стережи сего пана.

— Прощайте! сказала она, подавая мнѣ руку.

Едва успѣлъ я выговорить: прощайте! какъ она уже исчезла въ глубинѣ корридора и только шумъ шелковаго платья долеталъ до меня.

Я стоялъ неподвижно и слушалъ этотъ гармоническій шумъ. Прохоръ, казалось, тоже былъ подъ вліяніемъ этой безгласной гармоніи. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Прохоръ первый очнулся и выпустилъ меня на дворъ.

Пройдя небольшое пространство за Прохоромъ, или вѣрнѣе за фонаремъ, мы очутились на лѣстницѣ и, взойдя во второй этажъ, вошли въ чистую, небольшую комнату, а потомъ въ большую, освѣщенную восковой свѣчкой. Я поблагодарилъ и отпустилъ Прохора, раздѣлся, погасилъ свѣчу и утонулъ въ чистой свѣжей постели.

VI.

Противъ обыкновенія я скоро заснулъ. Спалъ крѣпко, но не долго. Едва началъ проникать слабый свѣтъ сквозь бѣлыя прозрачныя сторы, какъ я проснулся. Отвернувшись къ стѣнѣ, попробовалъ было я заснуть снова, но напрасно и пробовалъ. Происшествія минувшей ночи разомъ завертѣлись въ моемъ воображеніи и не давали мнѣ покоя. Не припомню, которой ногой я всталъ съ постели и подошелъ къ окну, чтобы взглянуть на фасадъ этого безобразнаго лабиринта, въ которомъ я встрѣтилъ такую прекрасную волшебницу.

Приподнялъ стору, и первое, что мнѣ попалось на глаза, это старый Прохоръ. Онъ шелъ черезъ дворъ съ умывальной посудой въ рукахъ и съ полотенцемъ черезъ плечо. Ничего не могло быть для меня больше кстати. Стало быть Прохоръ не промахъ въ лакейской профессіи, а съ виду то онъ не похожъ на члена этого многочисленнаго, празднаго, растлѣннаго сословія. Онъ болѣе смахивалъ на скотника, дворника или огородника, но никакъ не на лакея. И что ей вздумалось назначить мнѣ такую не цеховую прислугу? Не сказалъ-ли ей кто нибудь, что я терпѣть не могу цеховыхъ мастеровъ лакейскаго дѣла. Сочувствіе, ничего больше! А между тѣмъ въ переднюю комнату тихо вошелъ мой личарда. Минуту спустя, онъ едва слышно кашлянулъ и, отворивъ тихонько дверь, показалъ мнѣ свою кроткую, тощую физіономію.

— Добрыдень вамъ! сказалъ онъ хриплымъ дискантомъ и, растворяя дверь, прибавилъ: чомъ-же вы не спите?

— Не спиться, Прохоре! отвѣчалъ я ему его же нарѣчіемъ.

— Не спиться? повторилъ онъ едва слышно. Диво, и въ карты не граете, и не спите; такъ будемъ умывттись, коли такъ, говорилъ онъ, ставя умывальный приборъ на стулъ.

— А развѣ паны все еще играютъ въ карты? спросилъ я его.

— Грають, отвѣчалъ онъ лаконически.

— Молодцы! подумалъ я тоже лаконически и, любуясь кроткой, грустно улыбающейся миной Прохора, спросилъ его, не былъ-ли онъ когда нибудь садовникомъ или пастухомъ чужаго стада.

— И садовникомъ, и пастухомъ бувъ, отвѣчалъ онъ, глядя на меня пытливо.

— А еще чѣмъ былъ? спросилъ я его.

— И паламаремъ, и бродягою, и кобзаря слипого водивъ колись ще малымъ; отъ и въ лакеяхъ Богъ веливъ побувать.

Послѣднія слова проговорилъ онъ едва слышно.

Послѣ омовенія, я наскоро, безъ помощи Прохора, одѣлся, взялъ шапку, палку и вышелъ въ переднюю.

— Вы мабуть такій самый панъ, якъ я вашъ лакей, сказалъ Прохоръ, оглядывая меня. Я еще и сапоги не вычистилъ, а вы вже и одяглись.

— Завтра вычистишь, Прохоре, сказалъ я и вышелъ за двери.

— Не заблудить въ нашихъ вертепахъ, сказалъ догадливый Прохоръ, притворяя дверь.

Вышелъ я на середину широкаго, покрытаго зеленой муравой двора и посмотрѣлъ вокругъ себя. И во снѣ не видѣлъ я безобразно оригинальнѣе зданія, какое увидѣлъ теперь на яву: ни тѣни стройности, ни малѣйшей симметріи. Двухъ оконъ во всемъ зданіи нѣтъ одной величины. Во всемъ зданіи какое-то умышленное безобразное разнообразіе. Окна, двери, крыша, труба—все ссорилось между собою, какъ пьяныя бабы на базарѣ. Изъ-за какого-то сарая, съ круглымъ окномъ и шестиугольной дверью выглядывали три старые вяза, точно три мужика подошли полюбоваться на свое пьяное неугомонное подружіе. Все, что я видѣлъ вокругъ себя, было дѣйствительно похоже на базаръ въ самомъ разгарѣ. Съ какой мыслью, съ какой цѣлью нагромождено это безтолковое безобразіе?

Необходимо войти въ ближайшія отношенія съ Прохоромъ: онъ долженъ знать хоть по преданію этого сумасшедшаго строителя. А интересно узнать такого чудака. Мнѣ кажется, тутъ есть что-то общее между панной Доротой и этимъ зданіемъ. Да нѣтъ-ли еще въ народѣ легенды или пѣсни про этотъ Вавилонъ? Ежели

есть, то Прохоръ ее навѣрно знаетъ. Рѣшено, во чтобы то ни стало, а я добьюсь толку въ этомъ безтолковомъ дѣлѣ.

А пока со двора вышелъ я на широкую тополевую аллею, по которой мы вчера въѣзжали въ этотъ лабиринтъ. Пройдя аллею, вышелъ я на пригорокъ. Посмотрѣлъ, вокругъ лѣсъ непроходимый, изъ лѣсу кой-гдѣ рядами въ разныхъ направленіяхъ торчали верхушки тополей и вился яркій голубой дымокъ по направленію къ дому. Не бывшій-ли это разбойничій притонъ? спросилъ я самъ себя и возвратился вспять, дивяся видѣнному.

Мнѣ хотѣлось пробраться какъ нибудь въ садъ; но какъ, этого я не зналъ и благоразумно предоставилъ это дѣло случаю. Случай не замедлилъ представиться. Изъ аллеи, по которой я выходилъ и теперь возвращался въ домъ, показалась мнѣ въ правой рукѣ узенькая дорожка или, какъ говорятъ земляки мои, волчья стежка. Я воспользовался волчьей стезей и вошелъ въ темный липовый лѣсъ. Пройдя шаговъ сотню, въ лѣсу показался фруктовый садъ безъ всякой ограды. Пройдя фруктовый садъ, я, какъ околдованный богатырь, остановился передъ тремя вѣтвями расходившейся дорожки. Подумалъ съ минуту и выбралъ крайнюю слѣва, ведущую, какъ мнѣ казалось, къ дому. Избранная мною дорожка вилась между старой лещиной (орѣшникъ), между которой торчали тоже старыя, толстыя, развѣсистыя липы и такіе-же суховерхіе грабы и клены. Все это было освѣщено теплымъ утреннимъ солнцемъ и, какъ пишется, само просилось подъ кисть живописца. Но мнѣ въ это время было не до живописи, меня занималъ вопросъ, куда приведетъ меня волчья дорожка. А чтобы разрѣшить эту задачу, я удвоилъ шаги, и только что я удвоилъ шаги, какъ наткнулся на толстый бѣлый корень, лежащій поперекъ дорожки. Я остановился, поднялъ голову. Смотрю и вижу, старый сухой огромный кленъ распустилъ свои обнаженныя вѣтви, какъ патріархъ сѣдой воздѣлъ дряхлѣющія руки надъ главами чадъ своихъ, моля о благословеніи Вездѣсущаго.

Какъ не былъ я занятъ результатомъ таинственной дорожки, но передъ дряхлымъ праотцемъ орѣшника остановился и чуть-чуть было не снялъ шапку. Такъ иногда случается встрѣтить на улицѣ благообразнаго старца, и рука невольно подымается къ шапкѣ. Это прекрасное чувство, я думаю, врожденное уже въ человѣкѣ,

а не воспитаніемъ усвоенное. Какъ-бы тамъ ни было, только я какъ передъ живымъ существомъ съ благоговѣніемъ остановился передъ усохшимъ величественнымъ кленомъ. Солнечные лучи, проскользнувши сквозь густыя вѣтви орѣшника, упали на его древнія, обнаженныя стопы, т. е. на корни и такъ эффектно, такъ ярко прекрасно освѣтили ихъ, что я сколько можно дальше отодвинулся назадъ, усѣлся въ тѣни орѣшника и, какъ настоящій живописецъ, любовался свѣтлымъ, прекраснымъ пятномъ на темномъ сѣрозеленомъ фонѣ.

Какъ долго я наслаждался этой картинкой, не помню. Помню только, какъ крупная капля росы упала съ листьевъ орѣшника на лице и разбудила меня.

Проснувшись, я разсудилъ, что тутъ мнѣ дѣлать нечего, потому что свѣтлое пятно исчезло. Остался только сухой кленъ и его самые обыкновенные корни. Лѣниво приподнялся я, стряхнулъ съ себя сухіе листья и, какъ ни въ чемъ не бывало, пустился дальше по волчьей дорожкѣ. Дорожка привела меня къ какому-то сараю безъ оконъ и дверей, примкнутому къ главному корпусу зданія съ разнокалиберными окнами. Сарай, вѣроятно, заключалъ въ себѣ какую нибудь фирму «Отраду» или «Наслажденіе», т. е. конюшню или псарню. Дорожка, коснувшись помянутаго сарая, повернула вправо. Я пошелъ далѣе. Кустарники орѣшника смѣнились кустарниками бузины, крыжовника и смородины. Значитъ, я добрался уже до настоящаго господскаго сада. Ладно, думаю себѣ, и продолжаю свой загадочный путь. Вскорѣ вошелъ я въ тополевую аллею. Смотрю, въ концѣ аллеи бѣлѣетъ какое-то зданіе. Не вчерашній-ли это павильонъ? Онъ-же и есть. Я прибавилъ шагу и черезъ минуту очутился у знакомаго павильона. Двери были растворены; вхожу и вижу безмолвную панну Дороту, сидящую за круглымъ столомъ передъ блестящимъ огромнымъ серебрянымъ кофейникомъ.

— Добраго рана, сказалъ я ей, кланяясь.

— Добраго полудня, отвѣтила она, кивнувъ головой, и почтительно улыбнулась.

Едва успѣлъ я нецеремонно сѣсть противъ панны Дороты, какъ вбѣжала или, лучше сказать, впорхнула въ павильонъ ранней птичкой моя прекрасная Елена и повисла у меня на шеѣ.

— Сваволишъ, Гелена! проворчала дуэнья и принялася разливать кофе.

— Гдѣ вы пропадали? быстро спросила у меня рѣзвушка Гелена и, не давъ мнѣ выговорить отвѣта, продолжала:

— А братъ хотѣлъ уже ѣхать за вами въ Будище. А бѣдный Прохоръ плачетъ отъ горя. Я тоже чуть-чуть не заплакала, прибавила она, улыбаясь.

— Да! сказала она, какъ-бы вспоминая что-то. Мнѣ нужно вамъ пріятную новость сказать по секрету.

И, наклонясь ко мнѣ, она прошептала:

— Вы понравились паннѣ Доротѣ!

— Радъ стараться, сказалъ я смѣясь и про себя подумалъ: убилъ бобра!

— Не смѣйтесь, сказала она серьезно; это большая рѣдкость. Ей даже братъ мой не нравится. Я не знаю, чтобы ей кто нравился, кромѣ меня и Прохора. А вы третій, вотъ что! прибавила она, взглянувъ на безмолвную панну Дороту.

— А когда такъ, сказалъ я шутя, такъ нечего напрасно время тратить, честнымъ пиркомъ да и за свадебку.

— Она не пойдетъ замужъ, пресерьезно сказала прекрасная Елена. Она давно уже черница, сестра кармелитка, и для меня только остается здѣсь и не ѣдетъ въ свой кляшторъ.

— Гелено! кофе стынетъ! сказала громко панна Дорота.

— Заразъ, моя мамочко, сказала нѣжно моя прекрасная собесѣдница и протянула руку къ чашкѣ.

Послѣ минутнаго молчанія она снова обратилась ко мнѣ и сказала:

— Я слышала, что вы умѣете рисовать портреты. Нарисуйте мнѣ мою мамочку, мою милую панну Дороту.

— Сваволишъ, Гелено! проворчала панна Дорота и едва замѣтно улыбнулась.

— Не сваволю, моя милая мамуню, не сваволю. Когда вы уѣдете въ свой кляшторъ, я буду смотрѣть на портретъ вашъ и буду ему книгу читать, какъ вамъ теперь читаю.—Нарисуете? прибавила она, быстро обращаясь ко мнѣ.

Я далъ слово исполнить ея желаніе.

— И брата нарисуете? спросила она наивно.

— И васъ, и брата, и всѣхъ нарисую.

— Какъ я рада! какъ я рада! сказала она, хлопая въ ладоши.

— А есть-ли у васъ краски? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Есть въ Будищахъ, сказалъ я.

— Такъ что все равно, что и здѣсь? сказала она и выбѣжала изъ павильона.

Черезъ полъ-часа она возвратилась назадъ и сказала:

— Братъ самъ ѣдетъ въ Будища и привезетъ вамъ все и даже вашего Трохима. Братъ мой его очень любитъ, а я его еще и не видала, прибавила она. Долженъ быть хорошій человѣкъ, когда братъ полюбилъ.

— Родной внукъ вашему Прохору, сказалъ я.

— Ну, такъ вѣрно хорошій. И грамотный?

— Грамотный, отвѣчалъ я.

— Какъ бы я была рада и счастлива, если бы мой братъ выучился грамоты, сказала она какъ-бы про себя и призадумалась, склонивъ свою прекрасную головку на плечи траурной и неподвижной панны Дороты.

— Я сама его выучу читать, сказала она, какъ бы отъ сна пробуждаясь. А кто же писать выучитъ? Прохоръ тоже писать не умѣетъ. Онъ читаетъ только одну псалтирь. Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать? прибавила она, обращаясь ко мнѣ.

— Не только посовѣтую, даже помогу вамъ въ этомъ добромъ дѣлѣ, сказалъ я, и тутъ же предложилъ своего Трохима въ наставники моему однорукому герою.

Теперь уже не по привычкѣ и не напрасно проворчала панна Дорота: «сваволишъ, Гелено!» потому что ея шалунья Гелена не дослушала моего предложенія, бросилась ко мнѣ на шею и принялась цѣловать меня со всею нѣжностью пламенно любящей сестры.

— Чѣмъ же мы съ братомъ заплотимъ вамъ за любовь вашу? сказала она, успокоившись.

— Любовью, отвѣчалъ я спокойно. Выслушайте меня, продолжалъ я. Вотъ мой планъ. Я вамъ оставлю моего Трохима на весь годъ, если только Прохоръ согласится оставить васъ.

При первыхъ словахъ панна Дорота взглянула на меня и какъ бы испугалась, а потомъ по прежнему опустила голову.

— О, навѣрно согласится. Я уговорю его.

Панна Дорота поморщилась и взглянула на свою Гелену. А та, понявъ ея взглядъ, со слезами на глазахъ бросилась передъ нею на колѣни и, цѣлуя ея руки, проговорила:

— Мамуню моя! сердце мое! Я сама возьму заступъ и буду копать твои гряды еще лучше Прохора. Только отпусти его, моя мамочко, мое серденько!

Панна Дорота, съ минуту помолчавъ, наклонилась къ ней, поцѣловала ее въ голову и едва слышно проговорила:

— Згода.

Въ это время робко вошелъ въ павильонъ Прохоръ и, увидя меня, перекрестился и сказалъ:

— Слава тебѣ Господи, Царю небесный! найшли таки! А я думавъ, що вы вже одъ насъ на Басарабію помандрували, прибавилъ онъ, улыбаясь и утирая потъ съ лица.

Подойдя къ Прохору, я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, не подозрѣвая его несогласія; но вышло иначе. Онъ выслушалъ меня внимательно, призадумался, а черезъ нѣсколько минутъ раздумья посмотрѣлъ на панну Дороту и лаконически сказалъ:

— Не пойду.

— Почему? спросилъ я тоже лаконически.

— А на чіи руки я ихъ покину? сказалъ онъ, указывая на панну Дороту.

— На ихъ руки, сказалъ я, указывая на хозяйку.

— Молоде! сказалъ онъ и вышелъ изъ павильона.

Рѣшительный отказъ этого полуубитаго бѣдняка мнѣ чрезвычайно понравился. Это задѣло за живое мою хохлацкую натуру. Вотъ человѣкъ, а не безотвѣтный рабъ, который умѣетъ только сказать: какъ прикажите! Я тутъ же далъ себѣ слово склонить его на свою сторину. Съ этимъ упрямымъ намѣреніемъ я обратился къ своимъ собесѣдницамъ, сказалъ имъ про отказъ Прохора и просилъ ихъ уговорить его ѣхать со мною въ Кіевъ, хоть-бы для того только, чтобы поклониться печерскимъ чудотворцамъ.

— Отъ васъ теперь зависитъ, прибавилъ я, привести мой проэктъ въ исполненіе.

Панна Дорота обѣщала свое содѣйствіе, я поцѣловалъ ее костлявую руку и предложилъ прекрасной Еленѣ прогуляться со

мной, но прекрасная Елена мнѣ, своему Парису, отказала. Я раскланялся и вышелъ въ садъ.

VII.

— А куда васъ теперь Богъ понесе? спросилъ меня стоявшій за дверями Прохоръ.

— Куда глаза глядять, отвѣчалъ я.

— Куда глаза глядять, повторилъ онъ шепотомъ. А де васъ тоди шукать, якъ заблудите въ нашому Вавилони?

На разумный его вопросъ я не зналъ, что сказать ему; а онъ глядя на меня, улыбался, поворачивая въ рукахъ свою шапку чабанку.

Я никогда не любилъ прогулки съ кѣмъ-бы то ни было, ни даже съ прекрасной и не сантиментальной женщиной. Прогулка самъ на самъ имѣетъ для меня какую-то особенную прелесть и потому я былъ въ душѣ доволенъ даже отказомъ прекрасной Гелены; но, сознавая истину словъ предусмотрительнаго Прокопа, я готовъ былъ просить его сопутствовать мнѣ по загадочному лабиринту или, какъ онъ сказалъ, по Вавилону. И оно было бы весьма кстати: во время прогулки я могъ бы завести рѣчь о паннѣ Доротѣ и узнать всю подноготную, а ея подноготная меня сильно интересовала.

— Не пойдешь ли ты, Прохоре, спросилъ я его, со мною погулять по вашему Вавилону?

— Ходимо, сказалъ онъ, улыбаясь и покрывая свою лысину чабанкой.

Въ это самое время выглянула изъ дверей очаровательная Гелена и позвала Прохора къ паннѣ Доротѣ. Я понялъ причину этой внезапной аудіенціи и, отложа розыскъ о паннѣ Доротѣ до другаго разу, пустился на удачу, куда глаза глядятъ.

Между заглохшими колючими кустарниками смородины и крыжовника выбрался я къ обветшалому жиденькому мостику, перекинутому черезъ буро-зеленую лужу безъ всякой надобности, потому что лужу скорѣе и безопаснѣе можно обойти. Я благоразумно обошелъ болото и по уступамъ между такими же колючими кустарниками поднялся на гору. На горѣ торчали въ безпорядкѣ старые полуусохшіе тополи и одна широкая, развѣсистая липа, какъ доб-

рая купчиха между тощими ассесоршами. Я прилегъ отдохнуть на горѣ, разумѣется около купчихи. Передо мною открылась панорама, на удивленіе не живописная въ этомъ живописномъ уголкѣ моей прекрасной родины. Прямо передъ глазами широкій сплошной черный лѣсъ, изъ-за котораго торчали кое-гдѣ коническія верхушки тополей и выглядывали широко и неправильно раскинутыя черепичныя крыши господскаго дома, уставленныя безобразными трубами, изъ которыхъ вился голубоватый дымъ. Въ правой сторонѣ лѣса блестѣлъ широкій прудъ, за прудомъ по косогору раскинулось сѣренькое село, а въ центрѣ села торчала тоже сѣренькая деревянная церковь, безъименной архитектуры. За селомъ, на отлогой возвышенности махали крыльями, какъ будто жаркій споръ вели между собою, двѣ вѣтряныя мельницы, а между ними по зеленому полю вилася темная дорожка и исчезала въ узкомъ однообразномъ горизонтѣ, украшенномъ двумя небольшими могилами.

Не отдаленный горизонтъ для меня имѣетъ, не скажу прелесть, но своего рода очарованіе. Меня всегда подмываетъ взойти на него и посмотрѣть, что за нимъ скрывается. Это неугомонное чувство мнѣ еще въ дѣтствѣ покою не давало. Такъ однажды, будучи лѣтъ шести или семи, смотрѣлъ я на подобный же горизонтъ, и мнѣ вообразилось, что за нимъ небо склонилось къ землѣ и непремѣнно уперлось на желѣзные столбы, а иначе какъ же бы оно держалось? Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи взглянуть на эту интересную колоннаду. Пошелъ и, къ невыразимой досадѣ, увидѣлъ на медленно открывшемся такомъ же горизонтѣ точно такое же село, какъ и наше. Такъ и теперь лежу подъ липою, а самого такъ и подергиваетъ посмотрѣть, что за картина откроется за этими неугомонными мельницами. Но философъ Бэконъ учитъ сначала удовлетворять необходимое, а потомъ уже и любопытное. И я послѣдовалъ его мудрому совѣту, тѣмъ болѣе, что желудокъ мой начиналъ уже хлопотать о необходимомъ.

Любопытное я отложилъ до другаго раза и тѣмъ-же путемъ возвратился къ павильону. Тамъ уже никого не было. Не измѣняя прежняго маршрута, я черезъ часъ времени благополучно прибылъ въ штабъ-квартиру. На дворѣ, какъ надо полагать, предъ окнами кабинета стояла коляска моего родича, а черезъ дворъ его-же кучеръ велъ лошадей къ экипажу.

— Поѣдемъ домой? спросилъ я кучера.

— Поидемо назадъ пятами, отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ, закручивая поводья около дышла.

Чтобы значилъ его замысловатый отвѣтъ? Неужели мой плоскій безстрастный родичъ не совсѣмъ плоскій и безкровный? Неужели онъ не устоялъ противъ искушенія и храбро загнулъ уголъ на свою капитальную движимость? Но прежде заключенія необходимо убѣжденіе, учитъ не Бэконъ, а какой-то другой философъ-юристъ.

Войдя въ свою комнату, я полураздѣлся, привелъ свою особу въ горизонтальное положеніе и задумался о видѣнномъ вчера и сегодня. Дума эта поселила во мнѣ непріятное оскорбляющее чувство. Одна она, моя прекрасная, непорочная Елена, она, какъ свѣтлая звѣздочка, горитъ въ этомъ густомъ, тлетворномъ мракѣ, и для контраста ей, точно Магелланово облако, эта темная, неразгаданная старая идіотка панна Дорота! Интересно-бы узнать, на чемъ она покончила съ Прохоромъ: ѣдетъ-ли онъ со мною въ Кіевъ или поставилъ на своемъ? Эта-ли мысль, или что другое заставило меня встать и подойти къ окну. Прохоръ медленно шелъ черезъ дворъ къ моей квартирѣ, а кучеръ моего родича тоже медленно шелъ на встрѣчу. Они встрѣтились, взялись за шапки, на минуту остановились и разошлись.

— Что проигралъ? спросилъ я входящаго Прохора.

— И кони, и коляску, и Корнія нашому Ивану Ивановичу. А до вечера, прибавилъ онъ, може Богъ поможе, и себе програе. Нашъ Иванъ Ивановичъ молодецъ!

— Да и родичъ мой, какъ видно, не промахъ, подумалъ я и спросилъ Прохора, чѣмъ онъ кончилъ съ панной Доротой.

— Повезу васъ въ Кіевъ, сказалъ онъ нехотя.

— И давно-бы такъ, сказалъ я, сердечно радуясь, что переупрямилъ стараго хохла. Полюбовавшись его кроткой физіономіей, я самодовольно возвратился въ комнату съ намѣреніемъ привести свою особу въ горизонтальное положеніе и достойно отпраздновать одержанную викторію. Въ слѣдъ за мною вошелъ въ комнату Прохоръ и своимъ присутствіемъ разрушилъ мое гордое намѣреніе. Онъ остановился у дверей и молчалъ, а я ходилъ по комнатѣ и тоже молчалъ. Онъ, кажется, ждалъ, пока я заговорю, а я ждалъ, что онъ мнѣ скажетъ. Наше нѣмое тетъ-а-тетъ могло быть очень

продолжительнымъ (это въ хохлацкой натурѣ), еслибы не нарушилъ его стукъ колесъ, раздавшійся подъ окнами моей квартиры. Этотъ неожиданный стукъ заставилъ Прохора открыть уста съ намѣреніемъ произнести: ахъ! но этотъ глубокомысленный проэктъ ему не удался. Стукъ колесъ еще отдавался въ ушахъ моихъ, какъ въ комнату вошелъ однорукій герой мой и послѣ привѣтствія отрапортовалъ мнѣ, что приказанія мои въ точности исполнены.

— А гдѣ-же Трохимъ? спросилъ я моего героя, усердно пожимая его руку.

— Они ѣдуть въ каретѣ, отвѣчалъ онъ.

— Трохимъ! въ каретѣ! восклицалъ я отъ удивленія.

— Разскажите мнѣ ради Бога, какъ это Трохимъ попалъ въ карету? спросилъ я улыбающагося моего героя.

— Весьма просто. Здѣшняя дорожная карета съ поста еще оставалась въ Будищахъ, а чтобы она тамъ не гнила на дворѣ, я разсудилъ привезти ее въ свое мѣсто.

— Прекрасно, прервалъ я его; значитъ, вы лошадей взяли у моего родича?

Вопросъ этотъ я сдѣлалъ для того, чтобы лошади сейчасъ-же воротились назадъ, а то какъ-бы мы не очутились на какой-нибудь шестеркѣ или четверкѣ.

— За чѣмъ напрасно гонять кони, отвѣчалъ онъ. Я позычилъ двѣ пары воловъ у отца Саввы, ее на волахъ и привезутъ сюда вмѣстѣ съ вашими вещами и съ Трохимомъ Сидор...

Послѣднее слово онъ почему-то не договорилъ.

Я внутренно смѣялся, воображая себѣ моего Трохима, величаво выглядывающаго изъ великолѣпнаго дормеза, влекомаго четырмя волами, поблагодарилъ моего героя за хлопоты и думалъ уже идти на встрѣчу Трохиму.

— Богъ знаетъ, кто о немъ хлопочетъ, сказалъ онъ кротко и выразительно хватая меня за руку. Я отдернулъ свою руку, тогда онъ схватилъ мою шею своей единственной рукой и каріе глаза его сверкнули слезою. Онъ принялся цѣловать мою голову. Безмолвно краснорѣчивая эта сцена была прервана входомъ стараго Прохора: онъ спрашивалъ меня, гдѣ я хочу обѣдать, съ панами-ли въ кабинетѣ, или съ панями въ саду.

— Ни тамъ, ни тамъ, сказалъ я, а ты принеси намъ сюда, мы будемъ обѣдать вмѣстѣ съ Осипомъ Ѳедоровичемъ.

— И такъ добре! сказалъ Прохоръ и скрылся за дверью.

Герой мой началъ было отнѣкиваться отъ моей импровизированной вѣжливости; но я увѣрилъ его, что его компанія интереснѣе для меня генеральской и даже адмиральской компаніи. Послѣднее выраженіе смутило простяка, и онъ скрылъ его въ пёстромъ бумажномъ носовомъ платкѣ.

А Прохоръ-то, старый, немощный Прохоръ, словно козачекъ покоёвый, тскъ и бѣгаетъ взадъ и впередъ. Не прошло и десяти минутъ, какъ уже все было готово—водка и закуска и серебрянная ваза съ супомъ дымилась на столѣ. А Прохоръ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ себѣ у дверей съ салфеткою въ рукѣ и только улыбался.

Едва успѣли мы сѣсть за столъ, какъ дверь растворилась и впорхнула къ намъ легкокрылой бабочкой сама очаровательная хозяйка.

— И я съ вами обѣдаю, сказала она, садясь между мной и братомъ; а панна Дорота, продолжала она, поцеремонилась, пускай одна обѣдаетъ.

— Ей, я думаю, совершенно все равно, сказалъ я.

— А нѣтъ! панна Дорота любитъ веселую компанію.

Едва успѣла она проговорить послѣднее слово, какъ вошелъ длинный лакей съ высокою серебрянною вазою и съ торчащею въ ней бутылкой шампанскаго. Ставя на столъ сію интересную посудину, лакей проговорилъ:

— Панна Дорота приказала...

— Поблагодари панну Дороту, а ты, Прохоре, принеси бокалы, прибавила она.

Въ продолженіе обѣда Прохоръ работалъ быстрѣе и ловчѣе французской камеристки. Я восхищался моимъ будущимъ слугою. Но когда дѣло дошло до шампанской бутылки, тутъ не только Прохоръ и мой благородный герой, я самъ призадумался: таинства сего гусарскаго искусства для меня закрыты. Но замѣтить меня было некѣмъ, и я принялся за дѣло. Послѣ долгихъ усилій пробка наконецъ вылетѣла и ударилась въ потолокъ. Я однако-же не ра-

стерялся, а, какъ слѣдуетъ, направилъ бѣшеную струю въ законное русло. Хитрая моя операція привела стараго Прохора въ восторгъ. А чтобы продлить это наивное восхищеніе, я предложилъ ему выпить бокалъ скаженой воды. Онъ рѣшительно отказался. Съ помощію милой хозяйки наконецъ я его увѣрилъ, что не такъ чертъ страшенъ, якъ ёго малюють. Противъ такого сильнаго аргумента сказать было нечего, и мы всѣ четверо чокнулись и дружно выпили сердитое вино. Прохоръ легонько крякнулъ и едва слышно проговорилъ:

— Ничого сказать, смашна собака!

(Окончаніе слѣдуетъ)

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ[1]).

---

16. РАКОВИЧИ.

1. *Семенъ Раковичъ*, прилуцкій полковой писарь, 1671 г. Жена *Агафья Лазаревна Горленко.*
2. *Настасья,* родная сестра Семена. Мужъ 1) *Иванъ Бѣлецкій;* 2) *Иванъ Яремовичъ Носъ,* прилуцкій полковникъ.
3. *Павелъ*, бунчуковый товарищъ, 1696—1735 г. Жена *Настасья Григорьевна Пашковская,* дочь компанейскаго полковника. . 1.
4. *Андрей,* бунчуковый товарищъ, 1727—35 г. Жена *Ульяна Васильевна Оболонская* . . . . 3.
5. *Федоръ*, бунчуковый товарищъ, 1727 г. . . . . 3.
6. *Димитрій* . . . . 3.
7. *Дочь*. Мужъ *Иванъ Ивановичъ фонъ-деръ-Шнакъ*, капитанъ олонецкаго полка . . . . 3.
8. *Степанъ,* бунчуковый товарищъ, 1744 г. . . . . 4.
9. *Иванъ*, бунчуковый товарищъ, 1748 г. Жена *Федосья Григорьевна Бринцова* (Дневн. Ханенка, стр. 348). . . . . 4.
10. *Захаръ*, бунчуковый товарищъ, 1767 г. Жена *Татьяна Ивановна Романовичъ*. Имѣніе: Галица съ 82-мя и Ромашковъ съ 16 крестьянскими дворами. . . . . 4.
11. *Лаврентій,* бунчуковый товарищъ, 1767 г. Жена *Пелагея Степановна Леонтовичъ*. Имѣніе: Галица съ 100 и Ромашковъ съ 50 крест. дворами . . . . 4.
12. *Петръ* . . . . 4.
13. *Павелъ* . . . . 4.
14. *Евдокія*. Мужъ *Иванъ Стаховичъ*, бунчуковый товарищъ, 1768 г. . . . . 4.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., кн. іюнь и іюль, стр. 379—395.

15. *Федоръ*, род. 1752 г.; бунчуковый товарищъ 1776 г., потомъ коллежскій ассесоръ. Жена *Настасья Федоровна Свирская* . 8.
16. *Варвара*. Мужъ *Степанъ Кобеляцкій*, оберъ-провіантмейстеръ 9.
17. *Марья*. Мужъ *Бринкенъ*, майоръ . . . . 9.
18—27. *Антонъ*, *Павелъ*, *Василій*, *Федоръ*, *Степанъ*; *Елизавета*, *Настасья*, *Анна*, *Марья и Варвара* . . . . 10.
28—32. *Николай*, *Андрей*, *Варвара*, *Марья*, *Татьяна* . . . . . 11.

Южная часть нѣжинскаго уѣзда въ началѣ XVII в. представляла почти сплошную степь, которую стали заселять польскіе паны, получивъ здѣсь отъ королей Сигизмунда и Владислава пустопорожнія земли. Поселенія возникли по берегамъ рѣчекъ и озеръ, изъ которыхъ теперь многихъ и слѣдовъ не осталось. Одно изъ старѣйшихъ поселеній въ южной части нѣжинскаго уѣзда—м. Лосиновка основано было только въ 1627 г. полякомъ Николаемъ Малаховскимъ на урочищѣ Лосева Голова, посреди озеръ, дававшихъ истокъ рѣчкѣ Дѣвицѣ, на которой, около того-же времени, другой полякъ—Володкевичъ поселилъ теперешнее мѣстечко Володькову Дѣвицу. Южнѣе лосиновскихъ озеръ находилась рѣчка Галица, одинъ изъ притоковъ Удая; берега этой рѣчки тоже привлекали къ себѣ населеніе и здѣсь возникло мѣстечко Галица, о которомъ въ прошломъ вѣкѣ старожилы разсказывали, что «оно было давнихъ временъ сотеннымъ лядскимъ городкомъ и въ немъ было многолюдственно». Войны Хмельницкаго на время прервали дальнѣйшій ростъ здѣшнихъ поселеній; возникшія поселенія стали грабить татарскія орды, которыя по зову и безъ зова стали чуть не ежегодно посѣщать Малороссію лѣваго берега Днѣпра, съ тѣхъ поръ, какъ Хмельницкій въ первый разъ призвалъ ихъ на помощь противъ поляковъ.

Объ этихъ татарскихъ разореніяхъ въ 1727 году передавали нѣкоторыя извѣстія старожилы тѣхъ мѣстностей, когда производившіе перепись населенія чиновники спрашивали ихъ о томъ, кто изъ старшинъ и по какому праву владѣетъ тѣмъ или другимъ селомъ. По этимъ разсказамъ, многія села около Прилукъ, наприм., были въ это время совершенно разорены татарами: село Перевозъ послѣ разоренія татарами вновь заселилось; село Рудовка—«когда орды на Украйну выходили, того часу тѣми ордами спустошено»,

а потомъ вновь заселено [1]). Тогда-же была разорена татарами и Галица: «а когда изъ Галицы орда людей въ полонъ забрала—и около той Галицы-степа и поля рабочіи спустѣли». Разоренныя села заселены были вновь во второй половинѣ XVII в., преимущественно выходцами съ праваго берега Днѣпра, которыхъ гнали оттуда преимущественно тѣ-же татарскія орды, приходившія на помощь къ Дорошенку. Возобновленными селами поспѣшила завладѣть войсковая старшина, при помощи полковниковъ, которые въ XVII в. самовластно распоряжались войсковыми маетностями. Такъ завладѣлъ и опустѣвшею Галицею тогдашній прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко. У Горленка-жъ полковымъ писаремъ былъ Семенъ Раковичъ, котораго полковникъ настолько цѣнилъ, что выдалъ за него замужъ свою дочь Агафью. Въ приданое дочери была отдана Галица. Въ число галицкихъ полей входила огромная степь, простиравшаяся на десятки верстъ, въ предѣлахъ теперешняго нѣжинскаго уѣзда. Хотя эта степь и не представляла достаточныхъ удобствъ для заведенія новыхъ поселковъ, по недостатку воды, но когда галицкое хозяйство приняла въ свои руки овдовѣвшая Агафья Лазаревна, то галицкія степи стали быстро заселяться. Пользуясь вліяніемъ брата своего Дмитрія Горленка, получившаго при Мазепѣ прилуцкій полковничій урядъ, Агафья Раковичъ стала заселять галицкія степи слободами и къ началу XVIII в. здѣсь возникли Сальное, Ровчакъ, Татаровка и небольшіе хутора. Къ этимъ маетностямъ Мазепа прибавилъ Агафьѣ Лазаревнѣ «на вдовиное сиротство» с. Петровку и слоб. Поповку, «при хуторѣ ея осѣлую». Всѣ эти богатства Агафья Лазаревна оставила единственному своему сыну Павлу. Павелъ Раковичъ былъ женатъ на единственной дочери полковника Пашковскаго и разсчитывалъ присоединить къ своимъ маетностямъ и тестевскія; но послѣ измѣны Мазепы родичи Димитрія Горленка, ушедшаго за Мазепою, потеряли прежнее значеніе и разсчеты Павла Раковича не сбылись. Въ 1735 г. онъ писалъ: «въ прошлыхъ годахъ бывшаго полковника охотницкого комонного Григорія Пашковскаго на дочкѣ его, Анастасіи, женился я и сплодилъ съ нею дѣтей, а его внуковъ—Андрея, который нынѣ

---

[1]) Слѣдственная книга о маетностяхъ прилуцкаго полка, 1727 г. въ Московск. Румянц. музеѣ. Изъ библіотеки Н. А. Маркевича.

бунчуковымъ товарищемъ, да Дмитра, который нынѣ боленъ лежитъ. А кромѣ той его дочери, а моей жены, у его, тестя моего, дѣтей не осталось, а въ прошломъ 1698 г. измѣнникъ Мазепа далъ тестю с. Ромашковъ (новгородсѣверскаго уѣзда). А по смерти тестя моего, женѣ его, а моей тещѣ Гликеріи, оное село гетманъ Скоропадскій въ 1709 г. подтвердилъ, а потомъ, какъ теща въ 1723 г. умерла, с. Ромашковомъ завладѣлъ Иванъ Мануйловичъ». Неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ Мануйловичъ завладѣлъ было Ромашковымъ, но впослѣдствіи это село отдано было снова Раковичамъ и находилось во владѣніи внуковъ Павла Семеновича Раковича.

Изъ общественной дѣятельности Павла Раковича извѣстно только, что въ 1727 г. онъ ходилъ въ гилянскій походъ съ двумя своими сыновьями, Андреемъ и Федоромъ [1]). Послѣдній умеръ раньше отца. Унаслѣдовалъ богатства отца одинъ сынъ, Андрей. Впрочемъ часть галицкихъ земель Павелъ Раковичъ отдалъ дочери, которую выдалъ за фонъ-деръ Шнака, служившаго капитаномъ въ одномъ изъ армейскихъ полковъ, квартировавшихъ около Прилуки. На этихъ земляхъ зять Раковича поселилъ слободу, теперешнюю деревню Шнаковку.

У Андрея Раковича было шесть сыновей и одна дочь, по мужу Стаховичъ. По случаю спора послѣдней съ братьями за невыдѣлъ слѣдовавшей ей части въ приданое, въ 1767 г. составлена была опись имѣній, полученныхъ сыновьями Андрея Раковича, изъ которой видно, что въ это время бывшія имѣнія Андрея Раковича составляли: 1) деревня Лапинцы, подъ Прилуками; 2) земли въ с. Сорочинцахъ; 3) хуторъ Радьковскій около с. Радьковки; 4) слободка Обичевская; 5) с. Петровка (136 двор.), принадлежавшая Петру Андреевичу Раковичу; 6) с. Галица (168 двор.)—Захарія Андреевича Раковича; 7) д. Татаровка (62 двора)—Федора Степановича Раковича; 8) слободка Степановка (35 двор.)—того-же Ф. Ст. Раковича; 9) слободка Шнаковка (42 двора)—вдовы Ивана Андр. Раковича. Кромѣ этихъ имѣній, сыновья Андрея Раковича пріобрѣли и сами не мало земель въ этой мѣстности; такъ по купчей 1748 г. Иванъ Андреевичъ купилъ «грунта» въ м. Монасты-

---

[1]) Зап. Марк., т. I, стр. 193, 209 и 210.

рищѣ и его окрестностяхъ, у извѣстнаго бандуриста императрицы Елисаветы Григорія Любистка, за 1,700 рублей [1]).

Интересно, что родъ Раковичей, владѣвшій такими громадными земельными богатствами, впродолженіи почти полутора вѣка, не далъ изъ себя ни одного сколько нибудь замѣтнаго общественнаго дѣятеля.

Кромѣ Раковичей нѣжинскихъ, существуетъ еще другой родъ Раковичей въ хорольскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи, ведущій свое начало отъ миргородскаго полковника Григорія Гладкаго (1670—1675 г.), котораго сынъ Максимъ, уйдя на Запорожье, прозванъ былъ въ Сѣчи Ракомъ.

---

17. ОБОЛОНСКІЕ.

1. *Иванъ.*
2. *Василій*, сотникъ сосницкій 1715 г. Жена *Настасья Мануиловна Мануйловичъ* . . . . 1.
3. *Демьянъ*, писарь генеральнаго суда до 1741 г., генеральный есаулъ 1750 г., генеральный судья † 1758 г. Жена *Татьяна Степановна* . . . . 2.
4. *Яковъ*, бунчуковый товарищъ 1746 г. . . . . 2.
5. *Михаилъ*, сотникъ ямпольскій 1729 г . . . . 2.

5а *Андрей*. Имѣлъ небольшія имѣнія въ с. Фастовцахъ и въ с. Крискахъ . . . . 2.

6. *Демьянъ*, бунчуковый товарищъ 1767 г., майоръ 1780 г., коллежскій совѣтникъ 1798 г. Жилъ въ м. Горошинѣ. Жена *Надежда Александровна Якубовичъ* . . . . 3.
7. *Надежда*. Мужъ *Родіонъ Степановичъ Пламенацъ*, бригадиръ, гадяцкій полковникъ, ок. 1780 г. . . . . 3.
8. *Федоръ*, отставной полков. есаулъ, 1784 г. Жена *Дарья Алексѣевна Печерская* 5а
9. *Иванъ*, прапорщикъ, 1774 г. Жена *Софья Антоновна Стрешенецъ* 5а

---

[1]) „Двора ея имп. вел. спѣвальной музыки тенористъ и россійскій дворянинъ Григорій Михайловичъ Любистокъ“.

10. *Михаилъ*, прапорщикъ 1774 г. Жена *Марья Ивановна Бѣлоусъ.* Крестьянъ у него 191 . . . . 5а
11. *Александръ* . . . . 6.

Василій Ивановичъ Оболонскій былъ сосницкимъ сотникомъ въ началѣ гетманства Скоропадскаго, который далъ ему на урядъ село Купчичи. По смерти Василія Оболонскаго, Скоропадскій отдалъ вдовѣ его, по универсалу 1713 г., половину села Купчичъ; а въ 1728 г. Апостолъ отдалъ ей-же вдовѣ и все село. Старшій сынъ Василія Демьянъ большую часть жизни своей прослужилъ писаремъ генеральнаго суда и считался дѣльцемъ своего времени. Интересенъ процессъ, который велъ Демьянъ Оболонскій съ своимъ дядею Иваномъ Мануйловичемъ, генеральнымъ есауломъ. Въ концѣ XVII в. въ глуховской сотнѣ жилъ зажиточный панъ Василій Ялоцкій, который женился на какой-то вдовѣ Марьѣ Зеленской, имѣвшей отъ перваго брака сына Ивана и дочь Настасью, звавшихся по отцу Мануйловичами. Умирая, Ялоцкій имѣнія свои с. Бачевскъ, слоб. Семеновку и другіе грунта завѣщалъ женѣ и пасынку Ивану Мануйловичу. Скоропадскій утвердилъ эти имѣнія за Мануйловичемъ, универсаломъ 1713 г.; тѣмъ не менѣе лѣтъ черезъ двадцать послѣ этого Демьянъ Оболонскій началъ противъ Мануйловича процессъ за это имѣніе, потребовавъ отъ него половины имѣній Ялоцкаго на свою мать—сестру Мануйловича. Оболонскій, взявъ довѣренность отъ матери, требовалъ явки въ судъ Мануйловича, а послѣдній, считая дѣло, начатое племянникомъ несправедливымъ, просилъ судъ дать ему возможность вести дѣло непосредственно съ сестрою.

Просьба Мануйловича не была удовлетворена и процессъ продолжался и по смерти Мануйловича съ его наслѣдниками Пироцкими.

Въ 1741 г. Демьянъ Оболонскій получилъ урядъ генеральнаго бунчучнаго, на мѣсто Ивана Бороздны, но еще большія блага получилъ Оболонскій во время проѣзда императрицы лѣтомъ въ 1744 г. чрезъ Малороссію. Въ началѣ августа императрица проѣхала чрезъ Глуховъ въ Кіевъ, пробывъ въ Глуховѣ два дня. Въ это время императрица между прочимъ «изволила веселиться тан-

цами старшинскихъ женъ, польскими и козацкими». Сохранилось преданіе, что при этомъ императрица обратила особенное вниманіе на жену Оболонскаго, найдя въ ней сходство съ Екатериною I, своею матерью [1]). По этому случаю Оболонскій получилъ отъ императрицы великія милости. Прежде всего, на возвратномъ пути изъ Кіева въ Глуховъ, императрица пожаловала (именнымъ указомъ сенату) Оболонскому два села: Вишняки на р. Хоролѣ и Горошинъ на р. Сулѣ «въ вѣчное и потомственное владѣніе». Указъ былъ данъ 13 сентября, а 20-го императрица прибыла въ Глуховъ; пробывъ и на этотъ разъ въ Глуховѣ два дня, императрица въ день выѣзда «изволила быть воспріемницею дочери бунчучнаго генеральнаго Демьяна Оболонскаго и пожаловала женѣ его 400 червонныхъ, крестъ и полштуки штофу». Кромѣ того, жена Оболонскаго была приглашена императрицею въ Петербургъ, куда Оболонскіе, мужъ съ женою, и отправились въ началѣ 1745 г. и прожили тамъ цѣлый годъ [2]). Въ Петербургѣ жена Оболонскаго жила во дворцѣ.

Возвратившись въ Глуховъ, Оболонскій кончилъ два свои процесса. Первый онъ велъ съ Пироцкими, наслѣдниками Ивана Мануйловича. Объ этомъ процессѣ Марковичъ иронически замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Оболонскій надъ Пироцкимъ въ судѣ выигралъ, *по честной своей претензіи*»; претензія была не честна, но Оболонскій получилъ глуховскія села: Бачевскъ, Семеновку и Степановку. Другой процессъ былъ не менѣе интересенъ: получивъ грамоту на Горошинъ, Оболонскій узналъ, что на земляхъ этого мѣстечка устроено было, въ первой половинѣ XVIII в., нѣсколько хуторовъ—Ивана Кодинца, Якова Марковича и другихъ. Опираясь на грамоту, что Горошинъ отданъ ему со всѣми принадлежностями, Оболонскій завелъ въ генеральномъ судѣ дѣло о включеніи всѣхъ горошинскихъ хуторовъ въ пожалованіе и, найдя сильную поддержку въ «великороссійскихъ» членахъ суда, выигралъ это дѣло [3]).

Когда Разумовскій избранъ былъ въ гетманы, Малороссія отправила депутатовъ благодарить императрицу; депутатами выбраны

---

[1]) Записки Як. Марковича, т. II, стр. 210, 213 и 218.

[2]) Марк., т. II, стр. 217 и 230.

[3]) Зап. Марк., т. II, стр. 233—235 и рукописный декретъ 1747 г о рѣшеніи дѣла съ Кодинцемъ.

были: Оболонскій, Кочубей и Пиковецъ, которые и отправились въ Петербургъ въ мартѣ 1750 г. При представленіяхъ депутатовъ императрицѣ рѣчи говорилъ обыкновенно Оболонскій.

При Разумовскомъ Оболонскій продолжалъ свою службу, то въ генеральной канцеляріи, то въ генеральномъ судѣ. Въ это время онъ повышенъ былъ въ генеральные судьи. Умеръ Оболонскій въ шестидесятыхъ годахъ, оставивъ единственному сыну Демьяну огромное богатство. Въ концѣ XVIII в. Демьянъ Демьяновичъ Оболонскій имѣлъ въ своемъ владѣніи 7,330 крест. обоего пола; въ Хорольщинѣ—въ м. Горошинѣ 1,509, с. Оболоньѣ 1,395, с. Демьяновкѣ 595, д. Липнякахъ 645, х. Новоселицѣ 453, с. Степановкѣ 517; въ золотоношскомъ уѣздѣ—м. Еремѣевкѣ 1,109; въ лубенскомъ с. Калайденцахъ 44 и наконецъ въ Глуховѣ 55 и около Глухова: въ с. Уздицѣ 20, с. Семеновкѣ 127, с. Бачевскѣ 295 и въ д. Степановкѣ 209. Изъ этихъ поселеній хорольскія, именно: Демьяновка, Липняки, Новоселица и Степановка, поселены были самимъ Демьяномъ Вас. Оболонскимъ, который слѣдовательно поселилъ до тысячи семействъ, закрѣпленныхъ за сыномъ его указомъ 1783 г. Глуховскія имѣнія получены были Оболонскимъ, какъ выше замѣчено, «по честной претензіи» его съ Пироцкими.

Въ числѣ перечисленныхъ имѣній мы не видимъ Вишняковъ, полученныхъ по грамотѣ 1744 г., потому что село это отдано было Демьяномъ Демьяновичемъ въ 1780 г. сестрѣ его Надеждѣ, выданной замужъ за серба Родіона Степановича Пламенаца, который въ чинѣ бригадира былъ послѣднимъ гадяцкимъ полковникомъ. Пламенацъ, какъ видно, взялъ большое приданое за женою: въ 1780 г. онъ купилъ а) у полковника Шевича два села, Розбышевку и Лучки, за 40 тысячъ и б) у полковаго хоружаго Кущевскаго земли въ с. Сваткахъ, за 5,500 р. Имѣнія эти по купчимъ значились проданными Пламенацу и женѣ его Надеждѣ Демьяновнѣ, вслѣдствіе чего можно догадываться, что покупка сдѣлана была на деньги жены. За Пламенацомъ числилось 2,640 крестьянъ: въ Гадячѣ 53, въ Розбышовкѣ гадяцкой 271, въ Розбышевкѣ глинской 603, въ Лучкахъ 403, въ Сваткахъ 21, въ Венславовкѣ 154 и въ х. Оксаковщинѣ 154, да въ Вишнякахъ 952. Всѣ эти имѣ-

нія впослѣдствіи куплены были Демьяномъ Демьяновичемъ Оболонскимъ.

---

18. МАНУЙЛОВИЧИ.

1. *Мануилъ* N. Жена *Марья Зеленская*; 2-й мужъ—*Василій Федоровичъ Ялоцкій*, владѣлецъ с. Бачевска.
2. *Иванъ*, сотникъ глуховскій 1714 г., одинъ изъ правителей генеральной канцеляріи 1725—27 г., генеральный есаулъ 1729—40 г. Жена *Васса Алексѣевна Туранская* . . . . . . 1.
3. *Настасья*. Мужъ *Василій Ивановичъ Оболонскій*, сотникъ сосницкій 1715 г. . . . . 1.
4. *Марья*. Мужъ *Иванъ Пироцкій*, бунчуковый товарищъ 1736 г. 2.

Иванъ Мануйловичъ—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, занималъ въ первой половинѣ XVIII в. одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду войсковой старшины. Вывелъ въ люди Мануйловича первоначально его вотчимъ Василій Ялоцкій, который въ концѣ XVII в. былъ глуховскимъ сотникомъ и выслужилъ на этомъ урядѣ с. Бачевскъ. Женившись на вдовѣ какого-то Мануила, у которой отъ перваго мужа было двое дѣтей: сынъ Иванъ и дочь Настасья, Ялоцкій, умирая, имѣнія свои (Бачевскъ, Семеновку и Степановку) передалъ вдовѣ и пасынку Ивану Мануйловичу. Достатки, полученные отъ вотчима дали возможность Мануйловичу жениться на дочери Алексѣя Туранскаго, бывшаго въ то время глуховскимъ сотникомъ. Послѣ измѣны Мазепы, урядъ генеральнаго судейства остался свободнымъ, такъ какъ поставленный на мѣсто казненнаго Кочубея Василій Чуйкевичъ ушелъ за Мазепою. На этотъ урядъ Скоропадскій выбралъ Алексѣя Туранскаго. По тестю сталъ извѣстенъ и зять его Мануйловичъ. Сначала, въ 1711 г., тесть выпросилъ у гетмана Мануйловичу с. Гудимы (глинской сотни), а потомъ, когда Андрей Марковичъ изъ глуховскихъ сотниковъ сталъ лубенскимъ полковникомъ, на его мѣсто поставленъ былъ Мануйловичъ. На этомъ урядѣ Мануйловичъ оставался, какъ кажется, во все продолженіе гетманства Скоропадскаго. Затѣмъ, когда въ концѣ 1724 г. вмѣстѣ съ Полуботкомъ арестована была и вся генеральная старшина и когда, по распоряженію Петра Великаго, генеральная

канцелярія должна была поступить въ вѣдѣніе «трехъ правителей», выбрать которыхъ поручено было Александру Румянцеву, въ число этихъ правителей попалъ и Мануйловичъ. Въ правители Румянцевъ старался выбрать людей смирныхъ, неспособныхъ ни на какой протестъ противъ задуманнаго Петромъ В. уничтоженія малороссійскаго гетманства. Значитъ и Мануйловичъ былъ человѣкъ смирный, на безотвѣтность котораго правительство могло вполнѣ разсчитывать. Два года съ половиною Мануйловичъ, вмѣстѣ съ двумя своими товарищами, былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Вельяминова, который былъ правителемъ надъ «правителями» [1]).

Съ поставленіемъ Апостола въ гетманы, правители были уволены, какъ ненужные болѣе люди. Товарищи Мануйловича, Левенецъ и Гречаный, остались затѣмъ безъ всякихъ урядовъ; но Мануйловича цѣнили больше: когда въ 1729 г. верховный совѣтъ набиралъ Апостолу генеральную старшину, въ число послѣдней попалъ и Мануйловичъ, которому дали генеральное есаульство. Десять лѣтъ пробылъ безслѣдно на этомъ урядѣ Мануйловичъ и умеръ въ 1740 г., оставивъ одну дочь, которая была за Пироцкимъ. Въ своемъ «тестаментѣ», написанномъ за шесть лѣтъ до смерти, Мануйловичъ имѣнія свои распредѣляетъ такъ: «женѣ моей Вассѣ Алексѣевнѣ Турансковнѣ слободку въ селѣ Ромашковѣ, на купленной мною землѣ моей поселенную, съ людьми, съ дворомъ и съ млинами въ доживотное (пожизненное) ея владѣніе отказую и посполитыхъ людей, въ томъ-же селѣ Ромашковѣ живущихъ, за службы войсковые мнѣ данныхъ, ей же, женѣ моей, по кончину ея вручаю. А по смерти жены моей всѣ вышепомянутыя добра и маетность Ромашковъ должны возвратиться въ вѣчное владѣніе дочери моей Марьи Пироцкой. А въ вѣчность моей женѣ Вассѣ лекгую (завѣщаю) хуторъ, въ миргородскомъ полку на Голтвахъ стоящій... Ей женѣ моей—карету и четверню коней съ шорами, канторами, лѣнцами и еще подъ палубы (крытыя повозки) коней паръ двѣ; ей-же записую и подъ возы паръ двѣ совсѣмъ съ ха-

[1]) Въ Запискахъ Марковича (въ рукописи) встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку: „1725 г., февраля 20. Заехали до бригадира (Вельяминова), гдѣ застали *нашихъ правителей пушенныхъ* (=пушить) *отъ бригадира*". Вельяминовъ относился, значитъ, къ „правителямъ", какъ къ подначальнымъ чиновникамъ, которыхъ могъ *пушить* по своему усмотрѣнію

мутами, и дворецъ на Верегинѣ (въ Глуховѣ) ей-же записую въ вѣчность. Дочери моей Маріи Пироцкой, мужу ея и потомству ихъ завѣщаю всѣ имѣнія движимыя и недвижимыя: слободку Семеновку, пасѣку уздицкую съ лѣсомъ, хутора уздицкій, тулиголовскій и въ с. Хижкахъ, село Ромашковъ, да тамъ-же въ Ромашковѣ слободку, село Бачевскъ со всѣмъ подданствомъ, село Гудимы съ дворцемъ и подданствомъ... Тутъ-же одежду мою всю рыцерскую, збрую, т. е. кульбаки, шабли, ронды, сагайдаки, ладовницы, пистолеты, фузеи, рогъ и прочую апперенцію Степановѣ Пироцкому, внуку моему, и другому потомству ихъ записую и отдаю»...

Какъ видно, богатства немалыя оставилъ Мануйловичъ своей дочери; но только не всѣми ими довелось Пироцкимъ владѣть. Еще при жизни Мануйловича, племянникъ его Д. Оболонскій началъ противъ дяди процессъ, доказывая, что половина имѣній Ялоцкаго должна принадлежать ему, Оболонскому, какъ внуку Ялоцкаго. Процессъ этотъ окончился уже послѣ смерти Мануйловича и окончился тѣмъ, что отъ Пироцкаго Оболонскій отобралъ большую и лучшую часть имѣній.

А. Лазаревскій.

НА ДНѢСТРОВСКОМЪ „ПОБЕРЕЖЬИ".

I.

Именемъ «Побережья» въ Подоліи народъ съ давнихъ поръ, съ XVII столѣтія, если не раньше, называетъ ту полосу этого края, которая лежитъ вдоль по теченію Днѣстра, примѣрно отъ Могилева до устья рѣчки Ягорлыка. Въ составъ Побережья входятъ нынѣшніе уѣзды подольской губерніи: ямпольскій, ольгопольскій, балтскій и часть могилевскаго.

Первоначальная исторія этой мѣстности не можетъ быть возстановлена даже въ самыхъ общихъ чертахъ за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было документальныхъ свѣдѣній; наши лѣтописи, сохранившія кое-какія извѣстія о западной половинѣ Подоліи, почти не упоминаютъ о той ея полосѣ, которая тянется по Днѣстру ниже города Ушицы. Извѣстно только, что во время походовъ князя Олега территорію нынѣшняго Побережья населяло русско-славянское племя *уличей*, обитавшее и вверхъ по Днѣстру. Затѣмъ всѣ свѣдѣнія объ уличахъ прекращаются, они какъ будто исчезаютъ съ лица земли подольской и только по нѣкоторымъ строкамъ лѣтописей можно догадываться, что въ періодъ найбольшаго могущества галицкаго княжества край этотъ тянулъ къ Галичу.

Послѣ татарскаго нашествія, т. е. въ XIII и XIV столѣтіяхъ, эта южная часть улицкой территоріи, правдоподобно, занята была кочевьями самихъ западныхъ татарскихъ ордъ. Но вслѣдъ за изгнаніемъ татаръ великимъ княземъ Ольгердомъ, Побережье, вмѣстѣ со всеюПодоліею, перешло во владѣніе князей Коріатовичей и раздѣляло дальнѣйшую судьбу западной Подоліи до половины XV вѣка. Еще въ первой четверти этого столѣтія намъ извѣстенъ литовскій ка-

менецкій староста Гедыголдъ, управлявшій цѣлымъ Поднѣстровьемъ отъ Каменца до самаго Лимана и строившій крѣпость противъ Мункастра (Аккерманъ) [1]).

Въ половинѣ XV вѣка, вслѣдствіе упорной борьбы между поляками и литовцами за обладаніе Подоліей, эта спорная область раздѣлена была на двѣ половины: западную Подолію, которая осталась во власти поляковъ, и юго-восточную, вошедшую подъ именемъ Брацлавщины въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ Брацлавщину вошло и Побережье, границу котораго отъ польской части Подоліи составляла рѣчка Мурахва [2]). Тяжелая участь пришлась на долю всей Брацлавщины въ теченіи почти двухъ слѣдующихъ столѣтій: это былъ тотъ путь, которымъ почти ежегодно врывались татары для грабежа русскихъ земель. Между тѣмъ какъ на закраинахъ бассейна Буга татарскіе загоны слѣдовали по такъ называемому Чорному шляху, Побережье представляло другую татарскую дорогу—шляхъ Кучманскій, получившій названіе отъ Кучманскаго поля, по которому онъ пролегалъ; этимъ именемъ опредѣлялась вся территорія между Днѣстромъ и Бугомъ, въ теперешнихъ уѣздахъ ольгопольскомъ и ямпольскомъ.

Не легко было земянамъ, поселившимся на земляхъ Побережья, отстаивать свой край и свое хозяйство отъ незванныхъ гостей. Лѣтописи того времени не сохранили намъ именъ этихъ первыхъ защитниковъ южной Брацлавщины, обильно проливавшихъ кровь на защиту своей земли. Только изъ случайно уцѣлѣвшихъ фамильныхъ документовъ мы узнаемъ имена древнѣйшихъ брацлавскихъ земянскихъ родовъ, которые постепенно гибли и исчезали въ борьбѣ съ татарами. Таковы были Шашкевичи, основавшіе около половины XV вѣка замокъ Комаргородъ и получившіе грамоту на земли еще въ 1459 году отъ князя Симеона Олельковича. Затѣмъ въ Джуринѣ встрѣчаемъ родъ Чуриловъ, фамильное названіе которыхъ напоминаетъ имя одного изъ богатырей былиннаго цикла [3]). Еще великій

---

[1]) Guilbert de Lannoie—Voyages et pélérinages.

[2]) Акты зап. Рос., т. II, стр. 362.

[3]) Объ одномъ изъ лицъ этого рода случайно уцѣлѣлъ отрывокъ пѣсни, еще не такъ давно обращавшейся среди народонаселенія Джурина, отрывокъ, по странному совпаденію напоминающій характеръ былиннаго Чурила. „Иде Чурило зъ миста, а за нимъ дивокъ триста“.—Baliński i Lipiński, Starożytna Polska, str. 1375.

князь Витовтъ далъ грамоту земянамъ Слупичамъ на право владѣнія замкомъ Бершадою и многочисленными тянувшими къ нему селами. Членовъ этого рода мы встрѣчаемъ до начала XVII столѣтія. На самой восточной окраинѣ Побережья, въ Саврани, находимъ старый, но раньше другихъ исчезнувшій родъ князей Козаровъ. Наконецъ волостью красненскою и шпиковскою владѣли Кошки; одинъ изъ послѣднихъ представителей этого древняго рода въ началѣ XVII вѣка есть извѣстный козацкій гетманъ Самойло Кошка, котораго пребываніе въ турецкомъ плѣну послужило сюжетомъ для лучшей козацкой думы [1]).

Съ концемъ XVI вѣка, послѣ люблинской уніи, старое русское земянство на Побережьи постепенно уступаетъ мѣсто польскимъ пришельцамъ. Немногочисленные потомки мѣстныхъ земянъ, уцѣлѣвшіе еще въ борьбѣ съ татарами, не въ состояніи были выдержать конкурренціи съ наплывомъ новаго польскаго, или ополяченнаго дворянства. Путемъ брачныхъ связей, купли или королевскихъ пожалованій, имѣніями Чуриловъ, Кошекъ и другихъ овладѣваютъ Конецпольскіе, Збаражскіе и т. п. Новые владѣльцы стоятъ въ нѣсколько иныхъ отношеніяхъ къ народонаселенію, чѣмъ прежніе. Не будучи связаны съ туземцами ни происхожденіемъ, ни долгимъ сожительствомъ въ одной странѣ, ни общностью интересовъ, они всегда готовы пожертвовать этимъ населеніемъ во имя выгоды того государства, которое надѣлило ихъ знатностью и привилегіями. Яркою иллюстраціею этого положенія можетъ служить фактъ, на всѣ лады прославленный историками Рѣчи Посполитой и касающійся одного изъ побережскихъ городовъ. Въ 1617 году польская армія, подъ начальствомъ гетмана Жолкевскаго, расположилась на берегу Днѣстра въ виду значительно сильнѣйшей турецкой арміи, стоявшей на противуположномъ берегу. Не полагаясь на свои силы, Жолкевскій попытался начать съ турками переговоры о мирѣ, но визирь заявилъ, что не приступитъ ни къ какому трактату до тѣхъ поръ, пока не будутъ разоружены жители побережскихъ городовъ, составившіе по собственной инициативѣ весьма предпріимчивое и храброе козацкое ополченіе; особенно жаловался онъ на неукротимый нравъ жителей города Бершады. Услышавъ

[1]) Rulikowski—Przed kilkuset laty.

объ этомъ, владѣлецъ названнаго города, замѣнившій собою Слупичей, князь Юрій Збаражскій, ни мало не колеблясь, послалъ собственный отрядъ войска, который въ ту-же ночь сжегъ до тла Бершаду и разогналъ ея населеніе. Въ этомъ фактѣ поборники интересовъ польскаго государства признавали высшую степень патріотизма и самопожертвованія со стороны владѣльца; не знаемъ, такъ-ли смотрѣли на него лишенные крова и имущества жители города.

Среди давнихъ поселеній днѣстровскаго Побережья, какъ важнѣйшій въ немъ городъ и замокъ еще XV столѣтія выдѣляется городъ Ямполь. Этотъ ничтожный нынѣ городокъ игралъ нѣкогда, особливо въ XVII и первой половинѣ XVIII ст., немаловажную роль въ судьбахъ всего днѣстровскаго Побережья и былъ центральнымъ пунктомъ онаго. Позже съ его именемъ соединены воспоминанія о той роли, какая всегда выпадала на его долю въ вопросѣ о сплавномъ судоходствѣ по Днѣстру и объ уничтоженіи пороговъ, или расчисткѣ фарватера этой рѣки.

Года два-три тому назадъ пришлось мнѣ побывать въ лѣтнее время въ Поднѣстровьи, случилось между прочимъ побывать и въ Ямполѣ и даже провести тамъ нѣсколько дней. Вознамѣрившись подѣлиться моими воспоминаніями о тамошней мѣстности и ея минувшихъ судьбахъ, я сосредоточу мое вниманіе на Ямполѣ, историческая судьба котораго характеризуетъ въ главныхъ чертахъ исторію всего Побережья.

Ямполь лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣстра, почти въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка прорываетъ наконецъ ту гранитную гряду, которая, отдѣлившись отъ Карпатскихъ горъ, направляется къ востоку и сперва составляетъ подпочву для различныхъ горныхъ породъ—песчанниковъ, глинистыхъ и известковыхъ сланцевъ и третичнаго силурійскаго известняка, среди которыхъ Днѣстръ съ притоками прорылъ свое русло, затѣмъ мало по малу обнажается сначала по берегамъ рѣкъ, а дальше къ востоку и просто на поверхности почвы и наконецъ образуетъ пороги на трехъ главнѣйшихъ рѣкахъ южно-русскаго края—на Днѣстрѣ, Бугѣ и Днѣпрѣ. Этотъ гранитный пластъ появляется надъ уровнемъ рѣкъ верстахъ въ

двадцати къ сѣверу отъ Ямполя, но тамъ обнаженія его еще весьма незначительны, между тѣмъ какъ вблизи Ямполя толщина ихъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что нѣсколько ниже города онъ образуетъ цѣлый рядъ пороговъ черезъ рѣку.

Окрестности Ямполя весьма живописны и разнообразны и совершенно аналогичны съ окрестностями большинства приднѣстровскихъ городовъ и мѣстечекъ, лежащихъ вверхъ по рѣкѣ, напримѣръ Могилева, Старой Ушицы, Жванца и другихъ. Съ какой-бы стороны мы ни приближались къ городу, будетъ-ли это большимъ почтовымъ трактомъ изъ Могилева, или другими дорогами, ведущими изъ Ямполя въ Сороки или къ ближайшимъ станціямъ желѣзной дороги, которая изъ конца въ конецъ прорѣзываетъ подольскую губернію, вездѣ, на сколько глазомъ окинуть, разстилается одна возвышенная равнина, изрѣзанная глубокими балками. Вотъ по обѣ стороны дороги на цѣлыя сотни десятинъ тянутся поля, лучше другихъ обработанныя и сплошь засѣянныя одною пшеницею. Жатва уже началась и нерѣдко можно видѣть, что на одномъ и томъ-же участкѣ въ разныхъ концахъ, гдѣ нибудь у колодца или на берегу ручья, работаютъ двѣ или три паровыя молотилки, вѣялки и т. д., вокругъ которыхъ копошится толпа людей и пасутся цѣлыя стада рогатаго скота. Дальше на такія-же огромныя пространства тянутся плантаціи кукурузы, табаку и свекловицы, доставляющей матеріалъ для многочисленныхъ сахарныхъ заводовъ, разсѣянныхъ въ уѣздѣ, вдоль линіи желѣзной дороги. На первый взглядъ дворянское сердце могло-бы порадоваться тому, что хоть въ этомъ уголкѣ сохранилось еще крупное землевладѣніе; но здѣсь нерѣдко работами на земледѣльческихъ машинахъ завѣдываютъ евреи, изъ чего можно заключить, что нѣкоторыя изъ этихъ богатыхъ помѣстій поступили уже или въ арендное пользованіе, или даже въ собственность еврейскаго населенія.

По мѣрѣ приближенія къ городу картина нѣсколько измѣняется—огромныя плантаціи смѣняются небольшими нивами, вспаханными кое-какъ и засѣянными по большей части кукурузою и житомъ. Это начинаются участки ямпольскихъ крестьянъ, живущихъ на закраинахъ города.

Мало по малу равнина понижается и чѣмъ ближе къ Днѣстру, тѣмъ склонъ становится быстрѣе; сперва показывается впереди

возвышенный и обрывистый бессарабскій берегъ, очень живописный, какъ вообще всѣ днѣстровскіе берега, затѣмъ начинаетъ опредѣляться и болѣе пологій подольскій берегъ, а между ними сверкаютъ и переливаются на солнцѣ сѣрыя волны Днѣстра и мы въѣзжаемъ въ глубокую долину по мосту, перекинутому черезъ небольшую горную рѣчку Русаву. Отсюда видѣнъ уже, какъ на ладони, небольшой городокъ Ямполь, раскинувшійся въ глубинѣ долины, въ углу при впаденіи р. Русавы въ Днѣстръ.

Я не буду вдаваться въ описанія природы, красотъ днѣстровскихъ береговъ, общаго характера города и т. д., читатели встрѣчали уже такого рода описаніе на страницахъ этого изданія. Ко всему, что было говорено раньше, прибавлю только, что какъ по своему мѣстоположенію, такъ и по характеру окружающей природы Ямполь во многомъ напоминаетъ Могилевъ на Днѣстрѣ. Городъ точно также протянулся вдоль рѣчной долины съ тою только разницею, что здѣсь бессарабскій берегъ болѣе возвышенный и крутой. нерѣдко почти совсѣмъ отвѣсный, между тѣмъ какъ подольскій берегъ менѣе возвышенъ, горы дальше отходятъ отъ Днѣстра и представляютъ хотя крутой, но довольно правильный склонъ. Таковъ характеръ мѣстности вблизи города, но по мѣрѣ приближенія къ порогамъ подольскій берегъ становится выше, обрывистѣе и совершенно уподобляется бесарабскому. Съ такимъ характеромъ берега остаются на всемъ своемъ протяженіи въ предѣлахъ ямпольскаго уѣзда, но по мѣрѣ удаленія отъ Днѣстра мѣстность принимаетъ характеръ степныхъ подольскихъ уѣздовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и самый этнографическій типъ населенія. Между тѣмъ какъ по Днѣстру и его ближайшимъ притокамъ мы встрѣчаемъ тѣхъ-же самихъ подолянъ, какіе населяютъ все это побережье вверхъ по рѣкѣ до самой границы и съ небольшими измѣненіями продолжаются и въ галицкомъ Подоліи,—по мѣрѣ удаленія отъ Днѣстра мы встрѣчаемъ другую разновидность этого племени, выразившуюся опредѣленнѣе въ территоріи надъ Бугомъ.

Итакъ, миновавъ мостъ черезъ Русаву, мы въѣзжаемъ на главную улицу Ямполя, которая изъ конца въ конецъ прорѣзываетъ городъ и его предмѣстья. Не смотря на то, что Ямполь все таки уѣздный городъ, онъ очень невеликъ и скорѣе напоминаетъ хорошее мѣстечко юго-западнаго края. Сперва потянулись по обѣ стороны

улицы опрятныя крестьянскія хаты, окруженныя тѣнистыми садами и огородами и составляющія предмѣстья, затѣмъ идутъ разноцвѣтные домики ямпольскихъ мѣщанъ, желтые, зеленые, голубые, по большей части въ три окна, съ ярко раскрашенными дверями и ставнями; за ними слѣдуютъ помѣщенія уѣздныхъ правительственныхъ учрежденій, жилища мѣстныхъ чиновниковъ, болѣе обширныя, но за то отличающіяся болѣе казенною наружностью. Посреди города расположенъ рынокъ, слишкомъ обширный для такого городка и едва-ли не большій, чѣмъ напримѣръ въ Каменцѣ; на немъ огромный корпусъ каменныхъ лавокъ, расположенныхъ въ видѣ двойнаго квадрата; большая половина лавокъ заперты наглухо, они постоянно въ теченіи цѣлаго года остаются пустыми и бываютъ заняты развѣ во время ярмарки. Въ промежуткахъ между лавками расположился базаръ, также состоящій изъ двухъ частей,— одна почти исключительно занята фруктами и площадь, можно сказать, буквально запружена продуктами мѣстнаго садоводства и огородничества, въ другой производится торговля всевозможными припасами. По обычаю провинціальныхъ городковъ на базарѣ торгуютъ до самаго вечера, но особенное оживленіе бываетъ здѣсь въ базарные дни. Рынокъ окруженъ въ нѣсколько рядовъ еврейскими домами, изъ которыхъ каждый есть въ то же время и «заѣздъ», и лавка или винный погребъ, потому что въ каждомъ чѣмъ нибудь торгуютъ. Эта часть города ничѣмъ не отличается отъ того, что мы привыкли видѣть во всѣхъ подольскихъ городахъ и мѣстечкахъ; дома стоятъ безъ дворовъ, безъ ограды, безъ какихъ-бы то ни было хозяйственныхъ построекъ, просто въ рядъ, въ разстояніи одного-двухъ аршинъ другъ отъ друга, лишь-бы можно было пройти; затѣмъ идетъ узкій, грязный переулокъ, представляющій непроходимые пески или также непроходимое болото, смотря по времени года и состоянію погоды; за нимъ параллельно первому тянется другой и третій рядъ такихъ-же заѣздовъ, съ тою только разницею, что тѣ, которыя выходятъ на площадь и главную улицу, опрятнѣе на видъ, обширнѣе и вообще составляютъ аристократическій еврейскій кварталъ; но чѣмъ дальше въ переулки, тѣмъ наружность ихъ становится менѣе привлекательною, уменьшаются размѣры домовъ, сокращается и разстояніе между ними и вообще дома, выстроенные безъ всякаго опредѣленнаго плана, какъ попало,

гдѣ кому понравилось, принимаютъ все болѣе жалкій, непривлекательный видъ.

Слѣдуя дальше по главной улицѣ, мы замѣчаемъ городское двухклассное училище и домикъ для смотрителя и учителей, обсаженный деревьями; напротивъ—мѣстное полицейское или волостное правленіе, маленькій бѣлый домикъ, кокетливо выглядывающій среди зелени деревьевъ и въ которомъ, какъ бы вы думали, можно слышать игру на фортепіано. Дальше, если не ошибаюсь, идетъ острогъ, затѣмъ начинается предмѣстье и городъ оканчивается, а главная улица превращается въ почтовую дорогу, которая подымается на гору, откуда открывается видъ на цѣлый Ямполь, и тянется дальше по равнинѣ. Дорога эта, кажется, когда-то была вымощена камнемъ, но ее покрываетъ такой толстый слой наноснаго песку, что подъ нимъ трудно и заподозрить мостовую; расчисткою ея время отъ времени занимаются арестанты изъ мѣстной тюрьмы.

Все пространство между закраинами города и берегомъ Днѣстра занято фруктовыми садами, густыми и тѣнистыми. Здѣсь вѣетъ прохладою, пахнетъ дозрѣвающими фруктами; вокругъ такъ тихо, спокойно, не слышно ни человѣческаго, ни звѣринаго голоса; только чириканье воробьевъ, естественныхъ враговъ садовода, одно нарушаетъ тишину, да разнообразное жужжаніе и трескъ всевозможныхъ насѣкомыхъ сливается въ какой-то особенный своеобразный говоръ, словно каждый листъ въ саду заговорилъ. Сады плотно примыкаютъ плетень къ плетню, нѣтъ между ними разстоянія даже для малѣйшей тропиночки, такъ что выйдя въ одномъ концѣ города, нужно пройти нѣсколько верстъ вдоль узкой песчаной береговой полосы и обогнуть всѣ загородные сады, чтобы попасть обратно въ городъ. Больше всего здѣсь разводятся различные сорта сливъ, по преимуществу венгерскихъ и лучшіе сорта грушъ и яблокъ.

Какъ уѣздный городъ, Ямполь очень невеликъ. По статистикѣ 1881 года въ немъ числилось жителей 4,905 душъ, изъ коихъ самое большее число православныхъ, главнымъ образомъ малороссіянъ; затѣмъ слѣдуютъ евреи (1338 ч.) и наконецъ поляки (357 ч.). Въ общемъ числѣ жителей г. Ямполя считается 107 душъ ремесленниковъ, остальное населеніе занимается или земледѣліемъ, или торговлею. Городъ состоитъ изъ 597 деревянныхъ домовъ и 68 каменныхъ; въ немъ существуютъ двѣ православныя церкви, католическій костелъ, часовня на кладбищѣ и три

синагоги; сверхъ того двѣ больницы,—городская на 20 кроватей и тюремная на 12. Если прибавить къ этому разныя правительственныя учрежденія: полицейское управленіе, острогъ, мировой съѣздъ и т. д., то получится настоящій городъ со всѣми аттрибутами. Лишь относительно просвѣщенія Ямполь значительно отсталъ отъ большинства другихъ уѣздныхъ городовъ; здѣсь существуетъ только двухклассное училище и, ужь не говоря о какой нибудь гимназіи, нѣтъ даже книжныхъ магазиновъ, или библіотеки, какъ напримѣръ въ Могилевѣ. Не говоримъ о еврейскихъ школахъ: ихъ здѣсь, какъ и вездѣ, достаточное число, и большинство мѣстныхъ евреевъ умѣютъ читать и писать не только по еврейски, но и по русски. Изъ разговоровъ съ ними не трудно убѣдиться, что средній уровень развитія еврейскаго населенія стоитъ несравненно выше, чѣмъ въ остальной массѣ населенія. Повседневныя ихъ торговыя занятія, частыя передвиженія съ мѣста на мѣсто, иногда на значительное разстояніе, сношенія съ людьми различныхъ классовъ, положенія и образованія развиваютъ въ нихъ наблюдательность и сообразительность, даютъ имъ практическое знаніе жизни и людей, будятъ въ нихъ энергію и предпріимчивость. Благодаря всему этому и особенно своей условной морали, евреи здѣсь, какъ и во всемъ краѣ берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ остальнымъ населеніемъ и являются среди его эксплуататорскимъ элементомъ. Вся, напримѣръ, торговля въ Ямполѣ съ его округомъ и почти вся промышленная дѣятельность прямо или косвенно находится въ рукахъ евреевъ. Кромѣ обычной въ городахъ торговли всѣми необходимыми предметами, мануфактурами и т. д., Ямполь ведетъ довольно значительную торговлю лѣсомъ и деревянными издѣліями, главнымъ образомъ изъ ели; все это сплавляется по Днѣстру изъ Галиціи. До недавняго времени сюда же доставлялся весь зерновый хлѣбъ изъ ямпольскаго и ближайшихъ къ нему уѣздовъ, перегружался на галяры и отсюда уже сплавлялся по Днѣстру въ Бендеры, Акерманъ и Маяки къ лиману; такимъ путемъ шла хлѣбнал торговля отъ XVII ст. до недавняго времени, но съ проведеніемъ юго-западной линіи желѣзной дороги она измѣняетъ направленіе. Движеніе по Днѣстру въ значительной степени ослабѣваетъ и Ямполь теряетъ значеніе хлѣбной пристани; теперь хлѣбъ доставляется на ближайшія станціи желѣзной дороги, оттуда уже прямо идетъ въ одесскій

портъ. Впрочемъ доставка сухимъ путемъ обходится слишкомъ дорого и время отъ времени снова всплываютъ проэкты объ улучшеніи воднаго пути.

Мы уже говорили выше, что окрестности Ямполя доставляютъ огромную массу зерноваго хлѣба, главнымъ образомъ пшеницы и кукурузы. Не говоря уже о томъ, что большинство крупныхъ помѣстій такъ или иначе находится въ зависимости отъ евреевъ—одно заложено, другое отдано въ аренду, третье даже продано или досталось еврею за долгъ, ту же участь раздѣляютъ и мелкіе собственники. Крестьяне больше всего разводятъ кукурузу, но вообще извлекаютъ очень мало дохода изъ своихъ надѣловъ; они обыкновенно сѣютъ, а не садятъ кукурузу и во первыхъ расходуютъ на это гораздо больше зерна, чѣмъ нужно, а во вторыхъ непроизводительно затрачиваютъ извѣстную долю труда, потому, что, когда посѣвъ взойдетъ, то нужно пропалывать такъ, чтобы кукуруза росла рядами и чтобы между стеблями было извѣстное разстояніе, примѣрно около четверти аршина; только при этихъ условіяхъ можно разсчитывать на урожай.

Едва окончится первое полотье, какъ подходитъ время платить подушное, различные налоги и недоимки; платить разумѣется нечѣмъ, денегъ нѣтъ и достать ихъ можно только у еврея, и вотъ крестьянинъ продаетъ хлѣбъ на корнѣ за баснословно дешевую цѣну, лишь бы получить деньги впередъ. Но этимъ дѣло не оканчивается: онъ обязанъ еще раза два за лѣто прополоть свой участокъ, собрать, свезти и вымолотить кукурузу и тогда только оканчиваются всѣ его обязательства передъ евреемъ. Случается, что крестьянинъ запродаетъ весь свой посѣвъ, ничего не оставляя для продовольствія своего семейства, и тогда принужденъ покупать обратно у еврея втрое и вчетверо дороже своей цѣны. Такимъ образомъ часть сбора потребляется на мѣстѣ, остальное идетъ по большей части на винокуренные заводы. Намъ говорили, что десятина кукурузы продается обыкновенно около 10—12 рублей, а приноситъ еврею чистой выручки не менѣе 40 руб. Процентъ не дурной за одно лѣто; впрочемъ мнѣ не удалось провѣрить этихъ цифръ.

Послѣ земледѣлія едва-ли не самымъ главнымъ промысломъ является садоводство; фруктовые сады тянутся непрерывною поло-

сою вдоль берега Днѣстра и занимаютъ пространство значительно больше самаго города; разводятся фруктовыя деревья лучшихъ сортовъ и обиліе плодовъ изумительно; деревья буквально гнутся подъ тяжестью огромныхъ грушъ и яблокъ, сливъ, абрикосовъ и вѣтки не могутъ безъ подпорокъ выдержать ихъ тяжести. Садоводствомъ занимается христіанское населеніе города, но мы не знаемъ, вполнѣ-ли свободенъ этотъ промыселъ и не находится-ли онъ въ какой-нибудь зависимости отъ мѣстныхъ евреевъ. По крайней мѣрѣ на базарѣ торгуютъ большею частью еврейки, хотя нужно замѣтить, что дешевизна этого продукта равняется его обилію и превосходному качеству. Кромѣ потребленія на мѣстѣ, въ Ямполѣ, также какъ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Поднѣстровья, заготовляются въ большомъ количествѣ сухіе фрукты и въ такомъ видѣ составляютъ предметъ вывозной торговли. Близость города Сорокъ, одного изъ главнѣйшихъ центровъ винодѣлія на бессарабскомъ берегу, отразилась до нѣкоторой степени и на промышленности Ямполя. Горы, со всѣхъ сторонъ окружающія Ямполь, особенно южные ихъ склоны, покрыты обширными виноградниками, ежегодно доставляющими среднимъ числомъ около 5,000 ведеръ очень порядочнаго бессарабскаго вина трехъ или четырехъ сортовъ, которое выдѣлывается на мѣстѣ и расходится по уѣзду. Наконецъ, въ городѣ существуетъ еще пивной заводъ съ среднимъ оборотомъ около 1,500 р. въ годъ.

Говоря о Ямполѣ, нельзя не упомянуть о необыкновенной его патріархальности и необыкновенной дешевизнѣ въ немъ жизни. Здѣшніе евреи почти всю свою жизнь проводятъ на улицѣ и имъ извѣстна вся подноготная всѣхъ остальныхъ обывателей; такое-же вниманіе распространяется ими и на пріѣзжаго человѣка, случайно остановившагося въ городѣ. Что касается дешевизны жизни, бросающейся въ глаза въ подольскихъ вообще, а въ особенности въ приднѣстровскихъ городахъ, то Ямполь въ этомъ отношеніи превосходитъ, кажется, всѣ прочіе города. За лучшій номеръ въ лучшемъ заѣздѣ спрашиваютъ 30 коп. въ сутки, а кто умѣетъ торговаться, вѣроятно, можетъ получить вполовину дешевле. Такія-же минимальныя цѣны стоятъ и на все; предметы первой необходимости, состоящіе изъ мѣстныхъ продуктовъ и произведеній, достаются здѣсь чуть не даромъ; просто недоумѣваешь, какую выгоду

могутъ извлечь изъ своихъ промысловъ мѣстные жители при такой продажѣ за безцѣнокъ.

Ямполь принадлежитъ къ числу старыхъ подольскихъ городовъ, но этого нельзя подумать, глядя на него теперь. Другіе города и мѣстечки, даже возникшіе позже Ямполя, носятъ на себѣ извѣстный отпечатокъ старины въ архитектурѣ и распланировкѣ домовъ, извѣстныя характерныя особенности въ этнографическомъ типѣ населенія и т. д., между тѣмъ какъ Ямполь самый обыкновенный современный уѣздный городокъ, только выстроенный по особому своеобразному плану прошлаго столѣтія.

Когда и кѣмъ именно основанъ Ямполь, объ этомъ мы не находимъ точныхъ свѣдѣній ни въ литовско-русскихъ, ни въ польскихъ источникахъ; извѣстно только, что въ XV столѣтіи это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ укрѣпленныхъ центровъ края, а въ началѣ XVI ст. это было мѣстечко, производившее значительные торговые обороты. Въ силу установленныхъ въ то время экономическихъ распорядковъ въ владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой мѣстечки и города или основывались кѣмъ либо изъ магнатовъ на пожалованной имъ территоріи, или получались въ даръ отъ короля, или же пріобрѣтались путемъ купли, наслѣдства и т. п. Въ качествѣ собственности мѣстечко приносило опредѣленный доходъ своему владѣльцу въ видѣ сбора пошлинъ со всѣхъ отраслей торговли, за что пользовалось отъ него извѣстными правами и привилегіями относительно самоуправленія. Ямполю пришлось испытать почти всѣ переходы частнаго владѣнія. Сперва мѣстечко принадлежало роду Замойскихъ, затѣмъ въ качествѣ вѣна одной изъ Замойскихъ, Варвары, дочери короннаго канцлера, перешло въ родъ Конецпольскихъ; а съ половины XVII вѣка Ямполь то освобождался на время отъ своего владѣльца и становился козацкимъ городомъ, если козакамъ удавалось взять верхъ надъ поляками, то, при упадкѣ козачества, снова поступалъ въ собственность того или другаго польскаго пана [1]).

Въ возстаніи 1648 года, подольскіе города одни изъ первыхъ, какъ извѣстно, откликнулись на призывъ Хмельницкаго и примкнули къ народному движенію; Ямполь не отсталъ тогда отъ другихъ, если только самъ не подалъ примѣръ всѣмъ остальнымъ,

---

[1]) Słownik geograficzny Krolestwa Polskiego. Warszawa, t. III, str. 394.

освободившись отъ власти своего владѣльца и доставивши посильный континентъ для козацкаго войска. Въ первые годы возстанія онъ былъ для Подоліи однимъ изъ главныхъ центровъ, куда стекались всѣ желавшіе принять участіе въ борьбѣ съ враждебнымъ польско-шляхетскимъ элементомъ; здѣсь желающіе свободно могли вписываться въ реестры козацкаго войска; здѣсь каждый могъ съ полною безопасностью укрывать свои семьи и имущества [1]). Когда состоялась окончательно организація козацкихъ полковъ, Ямполь послѣ Зборовскаго договора былъ назначенъ сотеннымъ городомъ брацлавскаго полка, и такимъ образомъ былъ причисленъ къ Украинѣ, составляя самый крайній по Днѣстру пунктъ своего полка [2]).

Съ первыхъ же лѣтъ козаччины начинается для этого города цѣлый рядъ несчастій; прежде всего пришлось ему пострадать во время извѣстнаго сватовства Тимофея Хмельницкаго, иначе говоря во время молдавскихъ походовъ его отца. Въ продолженіи этого сватовства, длившагося почти три года и равно несчастнаго для Молдавіи, какъ и для Украйны, Ямполь не разъ видѣлъ у себя попеременно то козацкія, то польскія войска и не разъ испытывалъ всю тяжесть подобныхъ посѣщеній. Этими посѣщеніями онъ больше всего обязанъ былъ, кажется, весьма удобной переправѣ на Днѣстрѣ, которая и по нынѣ считается одною изъ лучшихъ въ Побережьи.

17 сентября 1650 года, Богданъ Хмельницкій, возвращаясь изъ перваго молдавскаго похода, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и въ сопровожденіи большаго войска, состоявшаго изъ 20,000 татаръ и 16,000 козаковъ, переправился противъ Ямполя черезъ Днѣстръ и расположился лагеремъ вокругъ города въ ожиданіи исхода переговоровъ о сватовствѣ сына. Если принять во вниманіе, что во время военнаго постоя войска всѣхъ временъ и народовъ не имѣютъ обыкновенія стѣсняться съ туземцами, хотя-бы даже и своими соотечественниками, а орда меньше, чѣмъ кто-бы то ни было, то можно

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Акты южн. и зап. Россіи, т. III, стр. 445; Максимовичъ, Собр. сочин. т. I, стр. 693.

[3]) Акты южн. и зап. Россіи, т. III, стр. 453.

съ нѣкоторымъ основаніемъ догадываться, что подобные гости не много удовольствія доставили ямпольскимъ обывателямъ.

Особенно тяжкая участь постигла ямпольцевъ въ слѣдующемъ 1651 году, роковомъ и для всего козачества. Въ февралѣ этого года готовился новый походъ въ Молдавію: Василій Лупулъ, разсчитывая на защиту и содѣйствіе со стороны поляковъ, по прежнему медлилъ съ выдачею дочери и подъ различными предлогами отклонялъ сватовство Хмельницкаго, пока гетманъ наконецъ рѣшился самъ, съ довольно значительною вооруженною силою, вести жениха къ невѣстѣ.

Между тѣмъ, пока тянулось это несчастное сватовство, поляки успѣли снова водвориться на Украйнѣ, такъ какъ въ силу Зборовскаго договора польскимъ войскамъ разрѣшено было квартировать въ воеводствѣ подольскомъ. Всѣ города подчинились безпрекословно гетманскому универсалу, но польскіе жолнеры «на квартирахъ не людско и немилосердо поступая, утѣсняли зѣло убогихъ людей податми и мордерствомъ разнымъ тайно и явно, отъ чего было слышно въ народѣ воздиханіе и горе, а роптаніе на Хмелницкого, по изгнаніи ляховъ изъ Украины паки имъ Украину въ неволю попустившаго» [1]). Поэтому, при первомъ извѣстіи о предполагавшейся войнѣ, вся Украйна снова поднялась противъ польскихъ пановъ, не разузнавши даже, какъ слѣдуетъ, противъ кого именно предпринимается походъ. Возстаніе началось съ подольской земли и прежде другихъ пришлось расплатиться за него брацлавскому полку. Сперва польскія войска заняли нѣсколько сѣверныхъ городовъ и мѣстечекъ: Красное, Шаргородъ, Мурахву и др., но вскорѣ дошла очередь и до Ямполя. Въ это самое время въ мѣстечкѣ случилась ярмарка, на которую съѣхалось изъ разныхъ мѣстъ множество народа—купцовъ съ богатыми товарами и покупателей съ болѣе или менѣе значительными капиталами. Въ ночь съ 5 на 6 марта 1651 года брацлавскій воевода Лянцкоронскій съ двумя полками, по порученію польнаго гетмана Калиновскаго, неожиданно ворвались въ Ямполь, захвативъ жителей въ расплохъ и принялись грабить, жечь и убивать все, что попадалось подъ руку. Жители въ страхѣ и не думали о защитѣ или со-

---

[1]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 233—234.

противленіи, бросали все и бѣжали къ рѣкѣ, въ надеждѣ перебраться на противуположный берегъ и тамъ искать спасенія. На Днѣстрѣ столпилось такое множество людей, что ледъ не выдержалъ, обломился подъ ихъ тяжестью и всѣ бывшіе на немъ погибли въ водѣ. Поляки окружили мѣстечко и принялись грабить все, что могли, а когда нечего уже было брать, сожгли мѣстечко и вырѣзали всѣхъ жителей поголовно, такъ что, по словамъ лѣтописца, не осталось въ немъ ни одной живой души[1]). По свидѣтельству Коховскаго въ эту ночь погибло въ Ямполѣ до 10,000 человѣкъ[2]), какъ мѣстныхъ жителей, такъ и пріѣзжихъ.

Городъ однако отъ этого не опустѣлъ, но быстро заселился вновь и уже въ слѣдующемъ 1652 году, когда Богданъ Хмельницкій въ третій разъ отправлялся съ сыномъ въ Молдавію и поляки заступили имъ дорогу, то разбившій ихъ на голову Тимошъ Хмельницкій, послѣ битвы на Батогѣ, съ отрядомъ своихъ козаковъ направился къ Днѣстру и расположился въ Ямполѣ, въ ожиданіи переправы на румынскій берегъ, а прежде всего заложниковъ отъ нареченнаго тестя Лупула. На этотъ разъ сватовство состоялось и молодой Хмельницкій наконецъ женился. Ямпольцамъ довелось быть свидѣтелями необычнаго выступленія жениха въ Молдавію, а вскорѣ увидѣть и обратное шествіе новобрачнаго. Когда затѣмъ злополучный Лупулъ былъ свергнутъ съ престола и вмѣстѣ съ пришедшимъ на выручку его зятемъ разбитъ соединенными войсками трансильванцевъ и волоховъ, оба они укрылись въ Ямполѣ, гдѣ ожидалъ ихъ полковникъ Носачъ съ отрядомъ изъ 16,000 козаковъ и 1,500 татаръ, высланный старымъ гетманомъ на помощь сыну. Изъ случайной замѣтки одного мемуариста мы узнаемъ, что Ямполь въ это время имѣлъ замокъ на горѣ, неизвѣстно когда и кѣмъ построенный, и вообще считался хорошо укрѣпленнымъ мѣстечкомъ[3]).

Но погромомъ 1651 года и послѣдовавшими за нимъ военными постоями не исчерпывается еще рядъ бѣдствій, какія выпали на

---

[1]) Дневникъ Освѣцима, „Кіевск. Стар.“ 1882 г. февраль; Богд. Хмельницкій, т. II, стр. 294—295.

[2]) Balińsk. i Lipińsk., Starożyt. Polska, str. 1348.

[3]) Staroż. Polsk., st. 1349 г. (на основаніи записокъ Альбрехта Радзивилла).

долю Ямполя съ прилегавшимъ къ нему округомъ. Къ концу гетманства Хмельницкаго замѣчается рѣшительный поворотъ въ направленіи внѣшней его политики: прежніе враги становятся союзниками, союзники врагами и хотя перемѣна эта продолжалась не долго, но все-же она отразилась до извѣстной степени на судьбѣ не только цѣлаго края, но даже отдѣльныхъ областей. Въ 1654 году произошло подчиненіе Украйны обоихъ береговъ московскому государю и, какъ результатъ сего, послѣдовали извѣстныя польско-московскія войны, въ которыхъ приняли участіе и нѣкоторыя сосѣднія государства. Въ то время, какъ козацкія войска вмѣстѣ съ венгерскими опустошали коренныя польскія земли, крымская орда отправилась на помощь полякамъ сперва черезъ Молдавію, затѣмъ, когда венгры и шведы были отражены и козаки отступили съ большою добычею въ предѣлы Украйны, татары бросились вслѣдъ за ними и распустили свои загоны во всѣ стороны. Одинъ изъ этихъ загоновъ, опустошавшій Поднѣстровье, въ началѣ 1657 года разграбилъ Ямполь и вырѣзалъ все населеніе города [1]).

Затѣмъ въ продолженіе десяти лѣтъ мы не встрѣчаемъ въ источникахъ прямыхъ извѣстій о судьбѣ этого города, хотя можно съ достовѣрностью предположить, что, заселяясь, онъ долженъ былъ мало по-малу раздѣлять общую судьбу всѣхъ приднѣстровскихъ поселеній, т. е. участвовать во всѣхъ народныхъ движеніяхъ и доставлять для нихъ посильный военный контингентъ. За это время территорія брацлавскаго полка нѣсколько сократилась: отъ него отдѣлились всѣ поднѣстрянскія поселенія, въ томъ числѣ и ямпольская сотня, которыя и составили новый полкъ могилевскій, носившій также названіе подольскаго и поднѣстрянскаго.

Послѣ упорной десятилѣтней войны между польскимъ и московскимъ государствами за обладаніе Украйною, кончившейся андрусовскимъ договоромъ 1667 г. и раздѣленіемъ по нему Украйны на двѣ части подъ верховною властью двухъ разныхъ правительствъ, начались дорого стоившія странѣ усилія гетмана Дорошенка объединить обѣ половины Украйны подъ верховною властью Россіи, которыя въ концѣ концовъ заставили его подчинить правобереж-

---

[1]) Акты южн. и зап. Рос., IV, 50 и XI, 712.

ную Украйну протекторату турокъ и втянуть ихъ въ войну съ Польшею. Предполагалось начать походъ съ изгнанія поляковъ изъ подольскихъ городовъ, а затѣмъ и изъ цѣлаго края, и уже въ концѣ 1672 года или въ началѣ слѣдующаго турки для переправы на подольскій берегъ своихъ войскъ строили у Ямполя мостъ на Днѣстрѣ [1]), чему могли способствовать находящіяся вблизи города гранитныя скалы, преграждающія русло рѣки на самомъ незначительномъ разстояніи между собою.

Первый походъ турокъ, въ которомъ участвовалъ и Дорошенко со своими полками, окончился, какъ извѣстно, взятіемъ Каменца, осадою Львова и унизительнымъ для Рѣчи-Посполитой бучачскимъ договоромъ. Овладѣвши Подоліей, турки осѣлись въ лучшей ея части, въ Приднѣстровьи, и на томъ успокоились, не пытаясь даже распространить своего господства на Волынь или Кіевщину, а предоставили Дорошенку устраиваться въ краѣ, какъ самъ знаетъ. Около двадцати семи лѣтъ продолжалось господство турокъ въ Подоліи; главнымъ центромъ ихъ была столица области Каменецъ, но сверхъ того въ ихъ-же рукахъ находились и семь днѣстровскихъ бродовъ, т. е. главнѣйшія переправы черезъ Днѣстръ, въ томъ числѣ разумѣется и Ямполь, и всѣ сколько нибудь значительные города и мѣстечки въ бассейнѣ Днѣстра.

Теперь наступаетъ самый тяжелый въ жизни южной Руси періодъ, сохранившій въ народной памяти названіе *руины*. Въ теченіе этого періода мы имѣемъ очень мало указаній, прямо относящихся къ Ямполю, но несомнѣнно, что городъ этотъ подвергался всѣмъ превратностямъ судьбы и раздѣлялъ общую участь всѣхъ приднѣстровскихъ, брацлавскихъ и вообще подольскихъ поселеній. Время турецкаго господства характеризуется непрерывною борьбою за обладаніе Украйною; борьба велась въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, но всегда съ одинаковымъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. Почти каждый годъ турки предпринимаютъ набѣгъ на ту или другую область, въ которой еще удержались поляки, и тутъ истребляютъ все, что только попадется подъ руки: грабятъ и выжигаютъ города и села, уводятъ въ плѣнъ населеніе

---

[1]) Акты южн. и зап. Рос., XI, 250.

цѣлыхъ областей и наполняютъ ими свои неволничьи рынки, съ другихъ собираютъ дань дѣтьми и т. д.[1]).

Въ свою очередь поляки напрягали всѣ усилія, чтобы отвоевать обратно прежнія владѣнія, въ особенности когда-то славившіеся богатствомъ торговые приднѣстровскіе города. Въ большинствѣ случаевъ перевѣсъ бывалъ на сторонѣ турокъ и, хотя польскіе отряды появлялись по временамъ на территоріи брацлавскаго и подольскаго полковъ, но набѣги ихъ ограничивались по большей части сѣверными окраинами этихъ полковъ; имъ очень рѣдко удавалось проникнуть въ лежащіе по Днѣстру города, которые особенно тщательно охранялись турками. Только въ 1675 г. Собѣскій проникъ дальше въ Брацлавщину, причемъ подольскій полковникъ Евстафій Гоголь сдалъ безъ сопротивленія всѣ города, остававшіеся еще въ его власти, за что былъ назначенъ гетманомъ съ польской стороны. Впрочемъ поляки въ слѣдующемъ году были изгнаны изъ Подоліи и занятые ими города снова отошли во власть турокъ. При каждомъ вторженіи какъ турецкихъ, такъ и польскихъ отрядовъ жители огромными массами бѣгутъ за Днѣпръ. Опустѣли не только села, но и города и мѣстечки, въ цѣлыхъ округахъ нельзя было найти ни одного населеннаго пункта. Особенно крупное переселеніе случилось въ 1674 году, когда многіе жители брацлавскаго и другихъ полковъ со всѣмъ своимъ имуществомъ выселились за Днѣпръ въ степи по р. Орели; многія села переносили даже свои церкви и на новомъ мѣстѣ удерживали свои прежнія названія. Если прибавить ко всѣмъ невзгодамъ постоянной войны безграничный произволъ и всевозможныя насилія борющихся противниковъ надъ личностью и имуществомъ туземцевъ, въ видѣ-ли разоренія церквей и монастырей, обращенія ихъ въ костелы, оскорбленія духовенства и насильственнаго введенія уніи со стороны поляковъ, или-же въ видѣ тяжело ложившихся на мѣстное населеніе различныхъ налоговъ, военныхъ поборовъ и контрибуцій со стороны турокъ, то получится довольно полная картина внутренняго состоянія цѣлаго края и отчасти занимающаго насъ города.

Правда, при турецкомъ господствѣ личная и имущественная безопасность обезпечены были нѣсколько болѣе, чѣмъ во время

[1]) В. Б. Антоновичъ, Послѣднія времена козачества, стр. 11—12.

господства поляковъ, по крайней мѣрѣ случаи произвола или насилія надъ мѣстнымъ населеніемъ со стороны турецкихъ правителей не вытекали изъ общей системы и не санкціонировались законодательными кодексами или сеймовыми конституціями; какъ это дѣлалось въ Рѣчи Посполитой; къ тому-же, турки, какъ можно судить по нѣкоторымъ остаткамъ ихъ владычества здѣсь, въ видѣ напр. крѣпостей, шоссейныхъ дорогъ, мостовыхъ, очень прочно отдѣланныхъ колодцевъ и прекрасныхъ фруктовыхъ садовъ, прилагали нѣсколько большее попеченіе о благосостояніи края, чѣмъ современное польское общество, умѣвшее въ русскихъ земляхъ только разрушать, и если-бы имъ удалось на долго осѣсться въ Подоліи и вытѣснить изъ него шляхту, то несомнѣнно, что турецкое господство было-бы изъ двухъ золъ меньшее. Но турки не умѣли или не хотѣли этого сдѣлать, а поляки въ свою очередь не хотѣли отказаться отъ своихъ притязаній, стоившихъ имъ такъ дорого, и всѣ усилія противниковъ сводились лишь къ тому, чтобы по возможности истребить и разорить все то, что могло-бы еще пригодиться сопернику, а это усугубляло бѣдствія страны.

Что касается собственно Ямполя, то во все продолженіе того бурнаго періода, который начинается 1648 годомъ и оканчивается карловицкимъ трактатомъ, этому городу пришлось испытать столько погромовъ, разореній, пожаровъ и т. д. со стороны всевозможныхъ друзей и враговъ, какъ весьма немногимъ подольскимъ городамъ. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что Ямполь можетъ быть единственный городъ юго-западнаго края, въ которомъ повидимому не сохранилось никакихъ остатковъ старины; самый планъ его, совершенно своеобразный, мало напоминаетъ общій типъ городовъ этого края и ни въ архитектурномъ типѣ, ни въ этнографическихъ особенностяхъ современнаго населенія нельзя уловить никакихъ признаковъ польскаго или турецкаго вліянія, или болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія иностранныхъ торговыхъ колоній— грековъ, армянъ, румынъ, караимовъ и др., какъ это мы видимъ повсюду въ другихъ подольскихъ городахъ и мѣстечкахъ. Если и можно въ чемъ нибудь подозрѣвать здѣсь остатокъ старины, то развѣ только въ прекрасныхъ тѣнистыхъ садахъ и виноградникахъ, раскинувшихся на протяженіи многихъ верстъ по берегу Днѣстра.

Послѣ паденія Дорошенка турецкое правительство въ 1681 году отдаетъ молдавскому господарю Александру въ управленіе всю область между Днѣстромъ и Днѣпромъ съ обязательствомъ доставлять, сколько окажется возможнымъ, вспомогательнаго войска. Но страна оказалась до такой степени опустѣвшей и разоренной, что нечего было и думать о какомъ-бы то ни было наборѣ военныхъ контингентовъ, и господарь былъ первымъ гетманомъ, который занялся колонизаціею ввѣренной ему области. Онъ перезываетъ обратно на слободы прежнихъ жителей, пытается возстановить старые козацкіе полки, совершенно исчезнувшіе къ этому времени, но организаторская дѣятельность его была прервана въ самомъ началѣ вмѣстѣ съ прекращеніемъ его кратковременнаго гетманства [1]).

Хотя вскорѣ турки, въ силу карловицкаго трактата 1699 г., очистили Подолію и мѣсто ихъ заняли прежніе польскіе паны; но положеніе края отъ такой перемѣны не измѣнилось къ лучшему. Поляки немедленно возстановили въ немъ всѣ прежнія формы общественнаго устройства, примѣнили къ нему прежніе пріемы внутренней политики, основанные на крѣпостничествѣ и эксплуатаціи крестьянской массы, а возвратившееся къ своимъ парафіямъ католическое и уніатское духовенство никакъ не могло мириться съ понятіемъ о свободѣ совѣсти для православнаго населенія, которою послѣднее пользовалось во время турецкаго господства.

Вслѣдъ за удаленіемъ турокъ изъ Подоліи издается цѣлый рядъ сеймовыхъ конституцій, направленныхъ къ уничтоженію религіозныхъ и общественныхъ правъ кореннаго православнаго населенія: 1) православнымъ, наравнѣ съ евреями, запрещалось жить въ столицѣ Подоліи Каменцѣ; 2) только уніаты (разумѣется и католики) допускались къ занятію выборныхъ магистратскихъ должностей въ городахъ; 3) по прежнему, нынѣ возстановленному закону, одни уніатскія церкви и духовенство были свободны отъ постоя и всевозможныхъ воинскихъ повинностей; 4) наконецъ вся Подолія была изъята изъ вѣдомства кіевской православной митрополіи и подчинена львовскому уніатскому епископу [2]).

---

[1]) Послѣднія врем. козач., стр. 31.—„Кіевск. Стар." 1887 г., кн. II, стр, 369—370.

[2]) Послѣд. врем. козач., стр, 117.

Въ тоже время помѣщики, возвращаясь въ свои имѣнія и находя ихъ опустошенными и обезлюдѣвшими, хотя и давали для привлеченія поселенцевъ льготы, но никогда не думали выполнять ихъ на дѣлѣ даже до истеченія льготнаго срока, а между тѣмъ крѣпостное право, фактически прерванное турецкимъ господствомъ, не могло, по крайней мѣрѣ въ короткое время, привиться вновь послѣ довольно продолжительнаго перерыва въ цѣлое поколѣніе; въ народѣ сохранились еще въ значительной степени старые инстинкты свободы и независимости; поэтому крестьяне постоянно переходятъ отъ одного пана къ другому, отыскивая лучшія и болѣе льготныя мѣста или уходятъ обратно за Днѣпръ и въ Молдавію. Особенно сильную поддержку оказало имъ въ этомъ по особому обстоятельству возрождавшееся вновь украинское козачество.

Еще раньше оставленія края турками, король Янъ Собѣскій, нуждавшійся въ козацкомъ войскѣ для болѣе успѣшной войны съ турками, сталъ раздавать съ 1685 года «приповѣдные листы» [1]), уполномочивавшіе опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей формировать козацкіе полки на Украйнѣ. Такими были между прочими новоназначенные полковники: Самусь, Искра, Палій и Абазинъ, вѣроятно выходецъ изъ Молдавіи. Для насъ интересенъ послѣдній, появившійся около 1690 г. и занявшійся возстановленіемъ подольскаго полка, который на этотъ разъ занялъ сперва всю территорію бывшаго брацлавскаго полка, а вскорѣ охватилъ и все побережье Днѣстра, гдѣ нѣсколько раньше, еще до удаленія турокъ изъ Подоліи, началась такая же колонизація. Въ то время, какъ жители Подоліи ищутъ свободы и безопасности по ту сторону Днѣстра, мѣсто ихъ занимаютъ выходцы изъ Молдавіи, спасавшіеся отъ закрѣпощенія на своей родинѣ; они селятся въ ближайшихъ мѣстностяхъ къ Днѣстру и образуютъ козацкіе отряды подъ названіями ротъ, сотень и т. д. [2]). Послѣ 1690 года всѣ эти новыя козацкія поселенія подчиняются Абазину и Побережье снова входитъ въ составъ подольскаго полка на всемъ протяженіи, примѣрно отъ Могилева до впаденія Ягорлыка въ Днѣстръ, признавая надъ собою власть нозо-

---

[1]) Грамота, выданная королемъ избранному имъ офицеру и поручавшая ему навербовать извѣстный отрядъ войска.

[2]) В. Б. Антоновичъ. Послѣд. врем. козач., стр. 61.

поставленнаго гетмана Самуся. Съ этого времени Ямполь также входитъ въ составъ этого новаго полка и раздѣляетъ его судьбу; жители его участвуютъ въ общихъ козацкихъ походахъ и возстаніяхъ, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не встрѣтится прямыхъ указаній на нихъ, мы будемъ просто слѣдить за судьбою ближайшихъ центровъ Побережья.

При указанныхъ нами условіяхъ внутренняго состоянія края не удивительно, что въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ карловицкаго договора, именно въ 1702 году, вспыхнула въ народѣ реакція противъ возстановленія прежнихъ польскихъ порядковъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ начинаются среди крестьянской массы волненія, постепенно захватывающія все большій и большій районъ, мало по малу они привлекаютъ къ себѣ и другіе классы народонаселенія и наконецъ принимаютъ характеръ открытыхъ возстаній, возникающихъ одновременно и въ южной полосѣ подольской земли, на территоріи бывшихъ полковъ могилевскаго и подольскаго, и въ Брацлавщинѣ и Кіевщинѣ.

Разладъ между правительствомъ и козацкимъ сословіемъ начинается тотчасъ по удаленіи турокъ. 20 августа 1699 г. данъ былъ наказному гетману Самусю и всѣмъ полковникамъ универсалъ, которымъ предписывалось очистить занятыя ими квартиры, распустить и совершенно упразднить козацкіе полки. Всѣ предводители козацкіе, въ томъ числѣ и подольскій Абазинъ, съѣхались на совѣщаніе къ Палію въ Фастовъ, объявили крестьянамъ вѣчныя «слободы» и освобожденіе отъ крѣпостной зависимости [1]) и занялись немедленно организаціею правильнаго отпора полякамъ. Возстаніе началось съ мѣстностей, подвластныхъ Палію, но уже въ 1702 г., воспользовавшись тѣмъ, что вниманіе правительства было отвлечено войною съ шведами, а дворяне также послали въ походъ свои ополченія, народъ поднялся по всей Украйнѣ, какъ одинъ человѣкъ. Особенно сильное возстаніе обнаружилось среди крестьянъ на территоріи подольскаго полка и вскорѣ достигло такихъ размѣровъ, что не на шутку встревожило мѣстную шляхту. Въ іюнѣ этого года сеймикъ подольскаго воеводства предписываетъ помѣщикамъ и ихъ управляющимъ, экономамъ, аренда-

---

[1]) В. Б. Антоновичъ. Послѣдн. врем. козачества, стр. 112—121.

торамъ слѣдить за броженіемъ умовъ среди подвластныхъ имъ крестьянъ, ловить и задерживать всѣхъ, на кого можетъ пасть подозрѣніе въ бунтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймикъ доводитъ до свѣдѣнія коронного гетмана, что на Подоліи начинаютъ появляться отряды «левенцевъ» (гайдамакъ), и проситъ защиты отъ нихъ. Волненіе между тѣмъ усиливается со дня на день, все чаще и чаще происходятъ случаи нападенія гайдамакъ на панскіе дворы и раздаются требованія, чтобы шляхта подчинилась громадскому суду, т. е. отказалась отъ своихъ сословныхъ привилегій и т. д.

Мѣсяцъ спустя дворяне уже вторично собираются на новый сеймикъ и на этотъ разъ, убѣдившись, что на содѣйствіе правительства нечего разсчитывать, рѣшаются съ своей стороны принять болѣе энергичныя мѣры, а именно: составить посполитое рушеніе, уничтожить всѣ льготныя условія слободъ, уцѣлѣвшія еще кое-гдѣ, и ввести повсемѣстно одинаково стѣснительныя для народа условія, чтобы такимъ путемъ устранить возможность выбора и тѣмъ самымъ успокоить крестьянскіе умы [1]). Разумѣется, мѣра эта привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени, именно въ началѣ сентября 1702 г. Самусь призываетъ къ оружію крестьянъ наравнѣ съ козацкими отрядами, разсѣянными по цѣлому Подолью и Поднѣстровью, и сборнымъ пунктомъ для нихъ назначаетъ свой лагерь подъ Бѣлою-Церковью. Изъ частнаго письма гетмана мы узнаемъ, что къ этому времени въ приднѣстровскихъ городахъ находилось нѣсколько старшинъ козацкихъ, которымъ онъ и поручаетъ руководить возстаніемъ. Въ Ямполѣ такимъ довѣреннымъ лицемъ былъ Стефанъ Рынгашъ, вѣроятно румынъ по происхожденію [2]).

Народная масса ждала только призыва со стороны гетмана и тотчасъ-же отозвалась на него: «огромныя толпы хлоповъ покидали города, села, свои домы, собирались съ дѣтьми, женами, имуществомъ и скотиною, иногда зажигали свои жилища и безчисленными таборами стремились въ козацкій лагерь». Здѣсь начальники отбирали людей, способныхъ къ оружію, и формировали полки [3]). Въ лагерь Самуся стекались не только козаки

---

[1]) В. Б. Антоновичъ. Послѣдн. врем. козачества, стр. 131—132.

[2]) Арх. юго зап. Рос., III, т. II, стр. 561.

[3]) Посл. врем. коз., стр. 121.

и крестьяне изъ цѣлаго Поднѣстровья, но даже въ значительномъ количествѣ молдаване изъ-за Днѣстра. Жители Ямполя не отставали отъ общаго движенія и приняли въ немъ посильное участіе. Во многихъ городахъ и мѣстечкахъ иниціативу возстанія брали на себя мѣстные осадчіе. Одинъ изъ нихъ, Бѣлецкій, поднялъ крестьянъ въ Побережьи на всемъ пространствѣ отъ Ягорлыка до самаго Китай-города и принялъ надъ ними начальство подъ именемъ полковника Шпака. Его власть надъ собою призналъ Ямполь, прочіе поднѣстрянскіе города пристали къ другимъ вождямъ; подольскій полкъ дробится все больше и больше и къ концу года число такихъ мелкихъ полковниковъ сильно возрастаетъ.

Остальная часть народонаселенія—мѣщане и тѣ изъ крестьянъ, которые по чему либо не могли оставить своего мѣста жительства, обратились къ гетману съ просьбою о присылкѣ къ нимъ козацкихъ отрядовъ для изгнанія польскихъ властей и о принятіи ихъ подъ свое покровительство. Съ такою просьбою явились къ гетману депутаціи изъ Побережья и Брацлавщины; по ихъ приглашенію туда отправился со своимъ отрядомъ пасынокъ Палія Семашко, и пока Абазинъ съ подольскими козаками принималъ участіе въ осадѣ Бѣлой-Церкви, взятіи Бердичева и Немирова, поднѣстрянскія поселенія отъ Студеницы до Ямполя включительно успѣли съ помощью избранныхъ ими самими полковниковъ, Шпака, Скорича, Дубины и др. освободиться изъ-подъ власти своихъ пановъ и примкнуть къ козачеству. Въ самомъ непродолжительномъ времени около двадцати волостей въ Побережьи подчинились Семашку, который тотчасъ-же перебилъ арендаторовъ евреевъ, изгналъ пановъ изъ края, а имѣнія ихъ приписалъ къ территоріи бѣлоцерковскаго полка [1]).

Чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ возстаніе принимало все болѣе и болѣе грозный характеръ, а между тѣмъ администрація подольскаго воеводства не въ состояніи была оказать ни малѣйшаго сопротивленія расходившейся народной массѣ: не было наличнаго войска, не было и средствъ для его найма, а помѣщики, оставшись почти безъ крестьянъ, тѣмъ самымъ лишены были возможности со-

---

[1]) Посл. врем. коз., стр. 123, 134.

ставить сколько нибудь значительное ополченіе. Дѣйствительно, посполитое рушеніе подольскаго воеводства въ 1702 году едва превышало 400 человѣкъ. Поэтому полякамъ и евреямъ, лишеннымъ всѣхъ средствъ для обороны, оставалось только бѣжать изъ края; одни въ огромномъ количествѣ оставляютъ свои жилища и выселяются въ хорошо защищенное волынское воеводство и еще дальше, въ предѣлы нынѣшней Галиціи; другіе искали спасенія въ хорошо укрѣпленныхъ городахъ, какъ, напримѣръ, Каменцѣ, Немировѣ и пр., такъ что послѣ избіенія шляхты въ Могилевѣ, въ прочихъ поднѣстрянскихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ томъ числѣ и въ Ямполѣ, не осталось ни одной польской или еврейской души. Изрѣдка только, кое-гдѣ въ глухихъ селахъ, удержались еще нѣсколько шляхтичей, но за то села эти остались почти безъ крестьянъ; множество документовъ, относящихся къ 1702 году, носятъ замѣтку: данъ въ опустѣвшемъ или безлюдномъ селѣ такомъ-то.

Какъ однако ни велико было количество возставшихъ крестьянъ, но, группируясь мелкими отрядами и дѣйствуя въ раздробь, они хотя и могли изгнать одного за другимъ всѣхъ пановъ и евреевъ, но сами по своему составу далеко не представляли правильно организованной военной силы. Правда, кромѣ крестьянъ въ краѣ находилось еще до 12,000 козаковъ, но всѣ они разбрелись мелкими отрядами по цѣлой Подоліи и Брацлавщинѣ; образовалось множество мелкихъ полковъ, едва достигавшихъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, и между предводителями ихъ и отдѣльныхъ крестьянскихъ отрядовъ было очень мало солидарности; каждый дѣйствовалъ на свою руку, какъ зналъ и гдѣ хотѣлъ. Наступила зима, крестьяне и козаки расположились по селамъ небольшими кучками на квартиры, разсчитывая отдохнуть до весны и собраться съ силами для новыхъ военныхъ дѣйствій. Это именно время избрано было поляками, какъ самый удобный моментъ для подавленія *бунта*. Имъ удалось, хотя съ большимъ трудомъ, собрать нѣсколько частныхъ ополченій отъ волынскихъ магнатовъ. Принявшій начальство надъ ними польный гетманъ Сенявскій въ началѣ 1703 года явился въ подольскую землю и съ чрезвычайною энергіею занялся истребленіемъ разсѣянныхъ по селамъ козаковъ и крестьянъ, которые не въ состояніи были оказать серъезнаго сопротивленія польскому войску. Пока происхо-

дило взятіе городовъ и поголовное истребленіе жителей въ сѣверной Подоліи и Брацлавщинѣ, южные поднѣстрянскіе полки, не дожидаясь приближенія врага, которому не могли противопоставить надлежащаго отпора, начинаютъ помышлять о своей безопасности и, не теряя времени, цѣлыми массами уходятъ за Днѣстръ. Всѣ полковники уводятъ въ Молдавію своихъ козаковъ, за ними слѣдуетъ осѣдлое населеніе селъ, мѣстечекъ и городовъ; каждый перевозитъ на молдавскій берегъ все свое имущество, а также и то, что удастся захватить изъ панскаго имущества и скота. Въ такихъ размѣрахъ переселеніе могло происходить, разумѣется, не иначе, какъ съ разрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, съ молчаливаго согласія молдавскихъ властей. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ актахъ неоднократныя жалобы подольскихъ дворянъ на то, что ближайшіе пограничные начальники, перкалабы [1]) сорокскій и хотинскій, сами оказываютъ крестьянамъ содѣйствіе при переходѣ за Днѣстръ. Такъ напримѣръ перкалабъ города Сорокъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Ямполемъ (Сороки находятся въ разстояніи около десяти верстъ къ югу отъ Ямполя, на правомъ берегу Днѣстра), захвативши подольскій паромъ, отрѣзалъ полякамъ возможность сообщенія съ Молдавіею, а по ночамъ перевозилъ подолянъ на свой берегъ на этомъ самомъ паромѣ. Не удивительно, что при такомъ содѣйствіи въ самое непродолжительное время все побережье Днѣстра отъ Жванца до Ягорлыка совершенно опустѣло, какъ послѣ татарскаго набѣга [2]).

Сенявскій, ни мало не смущаясь такимъ исчезновеніемъ половины враговъ, задумалъ достойнымъ образомъ отпраздновать легкую побѣду надъ оставшимся безоружнымъ народомъ, и вотъ во всѣхъ сѣверныхъ подольскихъ полкахъ начинается судъ и расправа надъ возставшими. Первымъ казненъ былъ Абазинъ, взятый въ плѣнъ въ Ладыжинѣ, затѣмъ казнили смертью не только всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ козаковъ, но и крестьянъ; вырѣзывали поголовно все населеніе тѣхъ селъ, которыя въ какой-бы то ни было формѣ выказали сочувствіе и содѣйствіе возстав-

---

[1]) **Перкалабъ—окружной начальникъ, равняющійся примѣрно нашему губернатору.**

[2]) **Архивъ юго-зап. Рос., ч. III, т. II, стр. 561.**

шимъ. Паны сгоряча усердно помогали гетману и сами приводили къ нему на судъ и расправу своихъ крестьянъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые только подозрѣвались въ сочувствіи козакамъ, но не выказали на дѣлѣ этого сочувствія. Среди множества судебныхъ процессовъ, относящихся къ тому времени, мы встрѣчаемъ случаи обвиненій, направленныхъ не только противъ крестьянъ, но даже противъ лицъ дворянскаго сословія, вѣроятно представителей мелкой шляхты, въ томъ, будто они подстрекали народъ къ возстанію въ Ямполѣ и другихъ городахъ [1]). Но когда расправа на сѣверѣ была окончена и дѣло дошло до Побережья, то оказалось, что здѣсь не осталось ни души, надъ которою бы можно было нарядить судъ и слѣдствіе. Мѣстные паны посылаютъ къ молдавскому господарю депутацію, которая должна была просить о выдачѣ ихъ подданныхъ и возвращеніи захваченнаго ими имущества, а равно, пользуясь удобнымъ случаемъ, принести жалобу на молдавскія власти, открывшія крестьянамъ свободный доступъ на свой берегъ, даже облегчавшія имъ передвиженіе, и наконецъ на всѣхъ молдаванъ, принявшихъ участіе въ возстаніи. Къ инструкціи, данной посламъ, приложенъ подробный указатель тѣхъ мѣстъ, гдѣ укрылся каждый полковникъ козацкій со своимъ отрядомъ, или населеніе того или другаго поднѣстрянскаго города или мѣстечка. Изъ этого документа узнаемъ, что ямпольцы вмѣстѣ со своимъ осадчимъ, румыномъ Георгицею и начальникомъ козацкаго отряда Рынгашемъ, воспользовались гостепріимствомъ сорокскаго перкалаба и проживали въ ближайшемъ городѣ Сорокахъ [2]). Впрочемъ депутація не имѣла успѣха: господарь, подъ разными благовидными предлогами, отказался выдать бѣглецовъ, и они продолжали спокойно проживать въ Молдавіи въ ожиданіи лучшихъ временъ.

Лишь послѣ того, какъ удовлетворена была первая жажда мести, паны подольскіе замѣтили, что подавленіе возстанія имѣло для нихъ такія-же невыгодныя послѣдствія, какъ и самое возстаніе, лишая панскія помѣстья послѣднихъ рабочихъ рукъ. Приходилось снова думать о томъ, какъ спасти край отъ полнаго запустѣнія, а главное возвратить даровыя рабочія силы въ обезлюдѣвшія имѣнія. И

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос., ч. III, т. II, стр. 573.

[2]) Тамъ-же, стр. 561.

вотъ паны начинаютъ сами защищать и отстаивать передъ судомъ своихъ крестьянъ, даже силою освобождаютъ ихъ изъ-подъ ареста; вторично обращаются къ господарю съ просьбою о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, но на этотъ разъ уже не для судебнаго преслѣдованія, а для водворенія ихъ въ прежнихъ поселеніяхъ, и наконецъ послѣ новаго отказа со стороны господаря, вопреки самымъ категорическимъ запрещеніямъ своего собственнаго сеймика, объявляютъ снова значительные сроки *слободъ* и тѣмъ самымъ привлекаютъ на свои земли лицъ, скомпрометированныхъ участіемъ въ возстаніи [1]).

Наконецъ въ февралѣ 1703 г. Сенявскій объявилъ всеобщую амнистію крестьянамъ, какъ уцѣлѣвшимъ еще кое-гдѣ на Подоліи, такъ и тѣмъ, которые проживали въ Молдавіи, и удалился, оставивши въ городахъ небольшіе гарнизоны, которымъ запретилъ дальнѣйшія преслѣдованія жителей. По удаленіи польскихъ войскъ, населеніе начинаетъ понемногу возвращаться и снова подчиняется Палію, изгнавши прежде всего немногочисленныя оставшіяся польскія хоругви. Такимъ образомъ все Побережье на первыхъ-же порахъ снова признаетъ надъ собою власть Палія и продолжаетъ сношенія съ нимъ. Однако, не смотря на это, общественное спокойствіе не было нарушено до того времени, пока не потребовалось участіе козаковъ въ новой шведской войнѣ; но едва Мазепа со своими полками перешелъ за Днѣпръ, явился въ Кіевъ и призвалъ къ участію въ походѣ правобережныхъ полковниковъ, какъ весь народъ поднялся снова, принимая появленіе гетмана, какъ сигналъ къ возстанію. Въ Подолію возвращаются полковники 1702 г. и начинаютъ формировать полки; сверхъ того повсемѣстно составляются самопроизвольно небольшіе отряды крестьянъ, которые возобновляютъ враждебныя дѣйствія противъ шляхты; но движеніе это не имѣло возможности развиться. Извѣстны аристократическія тенденціи Мазепы и его несочувствіе народнымъ интересамъ; онъ поспѣшилъ отозвать изъ Подоліи Шпака съ его полкомъ, и народъ, лишенный поддержки, волею-неволею принужденъ былъ успокоиться.

Вскорѣ однако вниманіе Мазепы было отвлечено отъ заботы

---

[1]) Послѣд. врем. козач., стр. 149—152.

о внутреннемъ благоустройствѣ; онъ долженъ былъ заняться походами въ разныя стороны, а между тѣмъ вся правобережная Украйна, въ томъ числѣ и Побережье, считалась подчиненною его власти. Народъ отказывается признавать шляхту и пытается вызвать къ жизни прежнее козацкое устройство: крестьяне платятъ извѣстную подать въ войсковую казну и свободно пользуются землею, безъ всякихъ другихъ обязательствъ или повинностей. Возвращаются изъ Молдавіи всѣ прежніе жители, вслѣдъ за ними идутъ новые переселенцы изъ-за Днѣстра и Днѣпра, изъ Полѣсья и еще болѣе отдаленныхъ мѣстностей, и уже въ 1709 году были возстановлены на Украйнѣ семь старыхъ козацкихъ полковъ въ прежнихъ предѣлахъ, въ числѣ ихъ и бывшій могилевскій [1]), обнимавшій всю южную половину подольской земли. Полковникомъ въ этомъ послѣднемъ былъ Савва Волошинъ (судя по фамиліи, выходецъ съ молдавскаго берега), который принадлежалъ къ числу крестьянскихъ предводителей 1702 года, затѣмъ вмѣстѣ съ прочими удалился въ Молдавію и теперь, выждавъ удобное время, снова явился въ Подолію.

Итакъ прежніе козацкіе полки были возстановлены, но одной этой мѣры было еще недостаточно для того, чтобы упрочить порядокъ внутри края, благосостояніе всей массы населенія и доброе согласіе между всѣми существующими въ то время общественными группами. Для этого нужно было-бы пересоздать отъ самаго основанія весь гражданскій и экономическій строй, и если тѣ, въ чьихъ рукахъ находились судьбы и интересы цѣлаго края, не могли еще придти къ мысли о необходимости коренной реформы, то новая полковая старшина и подавно не въ состояніи была изобрѣсти новыя, болѣе справедливыя и раціональныя формы междусословныхъ отношеній, не могла придумать никакихъ компромиссовъ, чтобы вывести жителей изъ того невозможнаго положенія двухъ котовъ въ одномъ мѣшкѣ, въ какомъ находились по отношенію другъ къ другу обѣ враждебныя народности, олицетворявшія собою и двѣ враждебныя общественныя группы. И на этотъ разъ опять повторяется старая исторія: паны не могутъ и не хотятъ существовать безъ крѣпостнаго труда, народъ въ свою очередь не можетъ ужиться

[1]) Послѣд. врем. козач., стр. 169—179.

съ панами. Поэтому новые полковники только повторяютъ старую программу, начинаютъ по прежнему изгонять пановъ изъ ихъ помѣстій, истреблять ихъ агентовъ евреевъ и всѣми мѣрами очищать отъ нихъ край. Въ этомъ отношеніи Савва Волошинъ не отстаетъ отъ всѣхъ прочихъ; онъ также преслѣдуетъ и истребляетъ евреевъ и изгоняетъ пановъ изъ предѣловъ своего полка, убиваетъ тѣхъ, которые оказываютъ сопротивленіе, и пріобщаетъ ихъ села и города къ войсковымъ землямъ [1]). Не смотря на вмѣшательство русскихъ властей, подобныя попытки къ автономіи продолжались до послѣдняго момента существованія козачества въ этой мѣстности. Еще подъ 1709 годомъ мы находимъ документальное извѣстіе о томъ, что русское правительство вмѣняетъ гетману Скоропадскому въ обязанность удерживать Волошина, наравнѣ съ прочими полковниками, отъ враждебныхъ столкновеній съ поляками [2]).

Впрочемъ, торжество козачества и на этотъ разъ было непродолжительно. Въ 1710 году начинается война между Россіею и Турціею изъ за Карла XII. Сторонники Карла считали удобнымъ овладѣть Украйною и рѣшились сдѣлать это по возможности скорѣе, не ожидая приближенія русскихъ войскъ. Дѣйствительно, въ началѣ 1711 года сбродная толпа, состоявшая изъ татаръ буджацкихъ и бѣлгородскихъ, изъ поляковъ и запорожцевъ, переправилась черезъ Днѣстръ подъ начальствомъ Филиппа Орлика и разсѣялась по цѣлому Подолью. Народонаселеніе, измученное до крайности непрерывными войнами, равно застигнутые въ расплохъ козаки не оказали никакого сопротивленія; многіе города и мѣстечки сдавались добровольно, лишь-бы только избѣжать разоренія, но все это мало облегчало участь туземцевъ. Какъ извѣстно, появленіе татаръ никогда не проходило безслѣдно для края; такъ и на этотъ разъ они, по обыкновенію, грабили церковное имущество и забирали у жителей все, что могли. Въ короткое время Орликъ прошелъ все Поднѣстровье и направился къ сѣверу, но вскорѣ его сбродная дружина разсѣялась, самъ онъ ушелъ обратно за Днѣстръ въ Молдавію, а на мѣсто его вступили русскія войска и по пути въ Турцію начали въ свою очередь приводить край въ подчиненіе Россіи.

---

[1]) Послѣд. врем. козач., стр. 179.
[2]) Тамъ-же, стр. 184.

Послѣ извѣстнаго прутскаго похода изданъ былъ въ сентябрѣ 1711 года царскій указъ, въ силу котораго вся правобережная Украйна должна была отойти къ Польшѣ, подъ условіемъ навсегда оставаться не заселенною, а все ея народонаселеніе должно было перейти на лѣвый берегъ Днѣпра [1]). Самъ гетманъ Скоропадскій съ полковниками и русскими генералами руководили переселеніемъ. Сперва переводили одинъ за другимъ всѣ поднѣстрянскіе города и мѣстечки, начиная съ самыхъ западныхъ, причемъ жители забирали все свое имущество и все, что только можно было увозить, даже церкви разбирали, а жилища свои и все, что должно было остаться, зажигали, чтобы не досталось полякамъ; затѣмъ, мало по малу подвигаясь къ востоку, къ исходу 1714 года закончилось и переселеніе ближайшихъ къ Днѣпру полковъ. Изъ частной переписки Петра I съ Меншиковымъ узнаемъ, что послѣднему подарены были въ собственность многіе жители Поднѣстровья, послѣ перевода ихъ въ Гетманщину [2]).

Когда выселеніе пришло къ концу, поляки снова возвратились въ Украйну и въ Побережье, но застали здѣсь такое запустѣніе, что напримѣръ на территоріи цѣлаго могилевскаго полка едва можно было насчитать 76 душъ всего народонаселенія съ женщинами и дѣтьми. Вѣроятно, это были тѣ немногіе, которымъ удалось скрыться въ пору и тѣмъ самымъ избѣгнуть насильственнаго перевода за Днѣпръ.

Итакъ панамъ приходилось съизнова начинать колонизацію опустѣвшей области, но и на этотъ разъ нѣтъ и помина о какихъ-бы то ни было реформахъ, а повторяются все тѣ-же стереотипные пріемы, какіе мы отмѣчали въ подобныхъ случаяхъ въ теченіе почти столѣтія. Не смотря на всѣ вѣковые тяжелые уроки, паны не съумѣли еще выработать новаго взгляда на жизнь и инаго, болѣе справедливаго отношенія къ крестьянскому сословію. И на этотъ разъ они объявляютъ тѣ-же «слободы» или льготы, а по истеченіи льготнаго срока наступаетъ новое закрѣпощеніе, которое неизбѣжно должно было вызвать новую реакцію со стороны народной

---

[1]) Послѣд. врем. козач., стр. 192.

[2]) Арх. юго-зап. Рос., ч. III, т. II, стр. 756.

массы. Дѣйствительно, въ скоромъ времени начинается новое, довольно продолжительное движеніе, извѣстное подъ именемъ гайдамачины. Въ противуположность всѣмъ, случившимся раньше возстаніямъ, которые вспыхивали по временамъ съ страшною силою, но никогда не отличались продолжительностію, гайдамачество носитъ характеръ постояннаго явленія въ теченіи около столѣтія. По временамъ народное движеніе усиливалось въ одномъ воеводствѣ и слабѣло въ другомъ; иногда, вслѣдствіе какихъ либо общихъ причинъ, оно падало, или подымалось съ новой силой на всемъ пространствѣ правобережной Украйны. Три раза можно отмѣтить такое усиленіе народнаго возстанія: въ 1734, 1750 и 1768 годахъ, но для насъ найбольшій интересъ представляетъ движеніе 1734 г., сильнѣе другихъ проявившееся на Побережьи. Южная степная полоса брацлавскаго воеводства, дальше другихъ отстоявшая отъ всѣхъ административныхъ центровъ и колонизованная сравнительно очень недавно, тѣмъ самымъ представляла найбольше удобствъ къ возстанію [1]).

Въ исходѣ 1733 года начались въ Польшѣ извѣстныя политическія междоусобія, поводомъ къ которымъ послужила неудачная кандидатура Станислава Лещинскаго въ короли. Мелкіе шляхтичи на Украйнѣ, сторонники Лещинскаго, составили противъ его соперника и его приверженцевъ конфедерацію и привлекли къ участію въ ней своихъ крестьянъ [2]). Когда въ слѣдующемъ году вошли въ Украйну русскія войска, направлявшіеся дальше въ предѣлы самой Польши, то при первомъ столкновеніи ихъ съ шляхтою народъ поднялся на всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до предѣловъ кіевскаго воеводства. Опять изъ среды народной выдѣляются болѣе энергичныя личности съ именемъ полковниковъ, призываютъ народъ къ оружію и пытаются организовать подобіе козацкихъ полковъ. На Побережьи роль такого полковника принялъ на себя Верланъ, начальникъ надворной милиціи въ Шаргородѣ, имѣніи сандомирскаго воеводы, князя Любомирскаго. На призывъ его откликнулись и ямпольцы и наравнѣ съ прочимъ населеніемъ приняли участіе въ возстаніи. Въ слѣдующемъ 1734 году движеніе

---

[1]) Антоновичъ, Изслѣд. о Гайдамачинѣ, стр. 19—107.

[2]) Тамъ же, стр. 102.

это приняло уже такіе размѣры, что на Побережьи, въ окрестностяхъ Ямполя, образовался отдѣльный, довольно многочисленный отрядъ изъ крестьянъ подъ начальствомъ нѣкоего Стефана Кифы, ротмистра надворной милиціи князя Четвертинскаго, который называлъ себя ротмистромъ ея императорскаго величества, но признавалъ надъ собою старшимъ начальникомъ полковника Верлана.

Можно видѣть въ этомъ указаніе на тотъ интересный фактъ, повторявшійся неоднократно въ теченіи XVII и XVIII вв. и выразившійся съ особенною яркостью во время послѣдняго возстанія, Коліивщины, что надворныя панскія милиціи, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать возставшихъ крестьянъ, нерѣдко принимаютъ ихъ сторону и переходятъ въ ихъ ряды, сильно помогая имъ своимъ знаніемъ военнаго дѣла. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы вспомнимъ, что надворныя милиціи крупныхъ магнатовъ составлялись по преимуществу изъ ихъ собственныхъ крестьянъ и изъ лицъ свободныхъ—молдавскихъ колонистовъ и представителей самой мелкой шляхты, которая въ экономическомъ и матеріальномъ отношеніяхъ находилась въ полнѣйшей зависимости отъ того магната, на земляхъ котораго проживала, и по своимъ интересамъ стояла несравненно ближе къ сословію крестьянскому, нежели къ дворянскому; ротмистрами, полковниками, вообще начальниками надъ милиціею назначались по большей части такіе-же шляхтичи.

Среди судебныхъ актовъ изъ процессовъ гайдамацкихъ находимъ нѣсколько интересныхъ подробностей, характеризующихъ внутреннее устройство гайдамацкихъ отрядовъ. Такъ напримѣръ при одномъ изъ процессовъ сохранился фрагментъ списковъ отряда Кифы, или, какъ значится въ документѣ, «реестръ его милости пана Стефана Кифы и цѣлой компаніи его великой»[1]). Къ сожалѣнію, количество этой «великой компаніи» не обозначено точно въ документѣ, такъ какъ, по словамъ писаря, составлявшаго реестръ, онъ бросилъ составлять списки, когда число примыкавшихъ къ отряду крестьянъ начало сильно возрастать. Но можно все таки отмѣтить, что она складывалась изъ двухъ главныхъ составныхъ элементовъ: изъ козацкихъ сотень, стоявшихъ отдѣльно, и возставшихъ крестьянъ, которые вмѣстѣ съ молдаванами изъ-за

---

[1]) Арх. юго-зап. Росс., ч. III, стр. 75.

Днѣстра образовали особый корпусъ, болѣе 1,000 человѣкъ, носившій общее названіе *волоховъ* и не смѣшивавшійся съ козаками. Волохи дѣлились на десятки, а не на сотни, какъ козацкіе полки; каждый десятокъ носилъ названіе того поселенія, котораго жители преобладали въ немъ, при чемъ случалось иногда по нѣсколько десятковъ съ однимъ названіемъ, но съ разными предводителями. Всѣхъ десятковъ четырнадцать; но ихъ было больше, какъ видно изъ самаго документа; численность ихъ не обозначена, указанъ только порядокъ, въ которомъ они слѣдовали одинъ за другимъ по важности и значенію; въ дошедшемъ до насъ спискѣ ямпольскій десятокъ обозначенъ пятымъ по порядку. Начальство надъ нимъ опять принялъ Рынгашъ, хотя и не тотъ, который предводительствовалъ ямпольцами въ предыдущемъ возстаніи, а можетъ быть его родственникъ, по имени Моисей.

Тотъ-же документъ (показанія трехъ гайдамакъ на судебномъ слѣдствіи) сохранилъ намъ еще одну интересную подробность для характеристики военной дисциплины въ отрядѣ Кифы. Приводимъ въ переводѣ этотъ интересный отрывокъ. «Его милости, пану Стефану, ротмистру войска его императорскаго пресвѣтлаго величества и командѣ его, десятникамъ и войску его, непослушнымъ назначается кара войсковая: въ случаѣ бы кто безъ вѣдома десятника отлучился изъ войска, тому кара пятьдесятъ кіевъ и сверхъ того въ продолженіи трехъ дней ходить ему пѣшкомъ впереди знамени и выпивать гарнецъ воды. На то подписывается полковникъ Верланъ. Которая кара назначается всѣмъ офицерамъ и десятникамъ, и черни». Затѣмъ слѣдуютъ подписи четырнадцати десятниковъ [1]).

Весь полкъ Верлана, довольно многочисленный, сложился въ самомъ Побережьи, здѣсь же сосредоточилась и главная его дѣятельность. Получивъ на равнѣ съ другими циркуляръ русскихъ властей, приглашавшій его дѣйствовать за одно съ русскими войсками противъ сторонниковъ Лещинскаго, Верланъ понялъ по своему этотъ циркуляръ, тотчасъ же объявилъ себя полковникомъ, созвалъ къ себѣ надворныя милиціи сосѣднихъ магнатовъ, навербовалъ крестьянъ и составилъ цѣлый козацкій полкъ [2]). По сло-

---

1) Арх. юго-зап. Росс., ч. III, т. III, стр. 74—75.

2) Антоновичъ, Изслѣд. о Гайдамачинѣ, стр. 106.

вамъ указаннаго нами документа Верланъ началъ съ того, что привелъ къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ своихъ козаковъ, волоховъ и всѣхъ начальниковъ, примкнувшихъ къ нему добровольно; другихъ привлекаетъ онъ насильно, какъ напримѣръ Стефана Скорича изъ села Сербовъ, имѣнія того-же князя Любомирскаго. Послѣ присяги Верланъ отпускаетъ ихъ обратно, а команды ихъ оставляетъ у себя. Если кто изъ крестьянъ уклонялся отъ участія въ возстаніи, его принуждали къ этому, отнимая скотъ и имущество, и возвращали только послѣ того, какъ онъ поступалъ въ полкъ. Сформированное такимъ путемъ войско не получало жалованья, а должно было живиться на счетъ панскихъ имѣній. Въ короткое время Верланъ прошелъ изъ конца въ конецъ все брацлавское и подольское воеводство, повсюду истребляя поляковъ и евреевъ и поднимая народъ на своемъ пути; затѣмъ перенесъ свою дѣятельность на Волынь и дальше, оставивши на мѣстѣ нѣсколько отрядовъ, въ томъ числѣ и отрядъ Кифы, которые продолжаютъ расхаживать и хозяйничать въ Побережьи, доканчивая то, чего не успѣлъ сдѣлать полковникъ. Вообще дѣятельность этихъ гайдамацкихъ отрядовъ характеризуется главнымъ образомъ нападеніемъ на панскія имѣнія, изгнаніемъ пановъ или избіеніемъ ихъ въ случаѣ сопротивленія, грабежемъ панскаго имущества и захватомъ скота и лошадей, въ которыхъ особенно нуждались возставшіе крестьяне, почти поголовнымъ истребленіемъ евреевъ, даже женщинъ; особенно часто повторяются нападенія на еврейскихъ купцовъ, возвращавшихся съ ярмарки съ деньгами и дорогими товарами. Впрочемъ нужно замѣтить, что не всѣ нападенія оканчивались смертью для евреевъ, случалось, что гайдамаки брали съ нихъ выкупъ и даже отпускали ихъ подъ поручительство мѣстной громады за деньгами за Днѣстръ, гдѣ находился главный кагалъ [1]).

Не ограничиваясь привлеченіемъ крестьянъ къ возстанію, иногда насильственнымъ, по большей же части добровольнымъ, Верланъ также точно приглашаетъ къ участію въ немъ и дворянъ помѣщиковъ, грозя въ противномъ случаѣ разграбить имѣніе. Нѣкоторые дворяне въ Побережьи, руководимые инстинктомъ самосохраненія, принимаютъ приглашеніе Верлана, являются въ его ла-

---

1) Арх. юго-зап. Рос., ч. III, стр. 73.

геръ, получаютъ охранную грамоту на свои имѣнія (libertacya) и сверхъ того начальство надъ отрядомъ гайдамакъ [2]).

Тридцать лѣтъ спустя въ южной Кіевщинѣ и восточной Брацлавщинѣ разыгралось самое крупное гайдамацкое движеніе, такъ называемая Коліивщина, но Побережья оно коснулось только слегка и не охватило цѣлаго населенія. Жители Побережья не приняли участія въ этомъ движеніи вѣроятно потому, что ихъ область была въ то время занята польскимъ войскомъ, стянутымъ изъ всѣхъ русскихъ воеводствъ Рѣчи-Посполитой на берега Днѣстра для защиты его отъ вторженія барскихъ конфедератовъ, оттиснутыхъ въ Молдавію соединенными усиліями русскихъ и польскихъ войскъ. Въ главной кввртирѣ начальника послѣднихъ Кс. Браницкаго, у села Сербовъ (нынѣшняго могилевскаго уѣзда, между Ямполемъ, Могилевомъ и Шаргородомъ), разыгрался послѣдній актъ этого кратковременнаго, но въ то же время самаго грознаго изъ гайдамацкихъ движеній. Сюда доставлялись взятые русскими войсками въ плѣнъ предводители и участники Коліивщины, а организованный здѣсь военный судъ постановлялъ надъ ними самые суровые приговоры и нѣкоторые изъ нихъ тутъ-же на мѣстѣ приводилъ въ исполненіе, въ томъ числѣ приговоръ надъ однимъ изъ извѣстныхъ вождей Коліивщины, Иваномъ Гонтою, поразившій даже современниковъ своею варварскою жестокостью. Цѣлое Побережье послужило ареною для самыхъ кровавыхъ зрѣлищъ; гайдамакъ развозили для казни въ различные города и мѣстечки цѣлаго края, разсчитывая этою мѣрою сильнѣе устрашить непокорное населеніе, или же отсѣкали имъ на крестъ по одной рукѣ и ногѣ и пускали на волю искалѣченныхъ и ни къ чему не способныхъ людей. Такія мѣры дѣйствительно навели на всѣхъ панику, но вмѣстѣ съ тѣмъ народное озлобленіе росло и новое возстаніе готово было разразиться не здѣсь, то въ другомъ пунктѣ, и вѣроятно послѣдовало-бы въ первомъ же поколѣніи послѣ Коліивщины, если бы въ помощь панамъ не послужило крупное событіе внѣшней политики, раздѣлъ Польши. Правда, государство польское перестало существовать, за то крестьяне были закрѣпощены очень прочно и тѣмъ самымъ удовлетворены самые завѣтные

[1]) Тамъ-же, стр. 70.

идеалы и стремленія помѣщичьей власти. Этимъ однимъ окупалась для многихъ потеря отечества. Введеніемъ новой, болѣе прочной, правильно организованной, хотя и болѣе сложной администраціи, опиравшейся на довольно значительныя военныя силы, новое правительство сразу пресѣкло для народа всякую возможность проявленія тѣхъ автономическихъ и демократическихъ принциповъ, которые составляли его плоть и кровь, отняло возможность какого бы то ни было протеста противъ новаго законодательства, подобно прежнему санкціонировавшаго крѣпостное право и вводившаго его въ основу государственнаго строя.

Восемнадцатое столѣтіе едва ли не было самымъ тяжелымъ временемъ для Побережья и во всякомъ случаѣ не уступаетъ предыдущему въ этомъ отношеніи. Съ одной стороны гайдамацкое движеніе и его исходъ, съ другой конфедераціи барская и тарговицкая и, какъ результатъ ихъ, грабежи, внутренніе безпорядки, постоянные военные постои и переходы русскихъ и польскихъ войскъ—все это естественно должно было отразиться самымъ печальнымъ образомъ на народномъ благосостояніи и развитіи промышленности въ краѣ. Если ко всему сказанному прибавить наводненія (въ 1780 и 1785 гг. и др.), пожары, повальныя болѣзни, въ родѣ напримѣръ чумы, опустошавшей цѣлое Подоліе въ 1770, 1786 и 1812 гг., и прочія общественныя бѣдствія, постигавшія по временамъ ту или другую мѣстность на Побережьи, то получится довольно полная картина для характеристики внутренняго состоянія этого несчастнаго края въ исходѣ XVIII ст. Дѣйствительно города и мѣстечки приходятъ въ совершенный упадокъ, падаетъ торговля и всѣ мѣстные промыслы, колоніи иностранныхъ купцовъ навсегда покидаютъ Поднѣстровье; остаются одни только закрѣпощенныя села, частью помѣщичьи, частью конфискованныя въ казну. Что касается Ямполя, то онъ такъ упалъ за это время, что около 1751 года въ немъ едва насчитывалось до 118 домовъ и нѣкогда довольно цвѣтущее мѣстечко было лишено всѣхъ своихъ правъ и отчислено въ разрядъ селъ. Въ такомъ состояніи онъ нѣкоторое время составлялъ собственность дворянскаго рода Орловскихъ. За время ихъ владѣнія мы знаемъ только одинъ фактъ заботливости ихъ объ украшеніи этого имѣнія; одна изъ Орловскихъ, Катерина, жена Доминика Орловскаго, построила здѣсь

католическій костелъ; можетъ быть Ямполь былъ ея резиденціею.

Въ 1794 году Подолія была присоединена къ Россіи; тотчасъ послѣдовало дѣленіе края на губерніи и уѣзды и въ 1795 году Ямполь является уже въ качествѣ уѣзднаго города брацлавской губерніи. Указомъ 8 августа здѣсь была учреждена таможня и карантинъ; затѣмъ въ слѣдующемъ году ямпольскій уѣздъ былъ отчисленъ къ подольской губерніи, а уѣздныя власти переведены отсюда въ мѣстечко Цекиновку. Вскорѣ однако, вслѣдствіе наводненія въ этомъ мѣстечкѣ, они переведены обратно въ Ямполь, который указомъ 1804 г. окончательно утвержденъ въ значеніи уѣзднаго города подольской губерніи, оставшись по прежнему владѣльческимъ городомъ и лишь перемѣнивъ владѣльца[1]).

Нѣсколько раньше, около 1790 года, его пріобрѣлъ у Орловскихъ извѣстный богачъ своего времени Протъ Потоцкій. Онъ первый обратилъ серьезное вниманіе на развитіе и улучшеніе сплавнаго судоходства по Днѣстру и, разсчитывая сдѣлать Ямполь главною пристанью въ краѣ, устроилъ здѣсь торговую контору, различныя фабрики, складъ и т. д.; городъ ожилъ и совершенно переродился; но его благополучіе окончилось съ послѣдовавшими вскорѣ банкротствомъ и смертью Потоцкаго. Слѣдующій владѣлецъ Добжанскій еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія пытался поддерживать нѣкоторыя учрежденія Прота Потоцкаго, самъ устраивалъ новыя фабрики и всячески заботился о развитіи мѣстнаго производства; но всѣ его усилія парализовались полнымъ отсутствіемъ сбыта для производимыхъ здѣсь продуктовъ.

Годъ за годомъ Ямполь приходилъ въ упадокъ и въ такомъ положеніи находится и теперь, оставаясь по прежнему въ частномъ владѣніи; всѣ дома его выстроены на помѣщичьей землѣ и арендуются на чиншевомъ правѣ мѣстными евреями и мѣщанами. Нѣкоторыя свѣдѣнія о современномъ торговомъ и промышленномъ значеніи Ямполя мы привели раньше; о его минувшей кратковременной славѣ скажемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Słownik geograph. Król. Polsk., т. III, Jampol.

ШОЛУДИВЫЙ БУНЯКА

ВЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ.

Половецкіе набѣги, какъ говорится, «дались въ знаки» нашимъ предкамъ. Въ числѣ переходовъ половцевъ черезъ нашу землю однимъ изъ найболѣе тяжкихъ былъ набѣгъ 1096 г. на Кіевъ и походъ 1097 г. въ Галичину, гдѣ они бились съ уграми. По крайней мѣрѣ лѣтопись говоритъ объ этихъ событіяхъ съ сравнительно большими подробностями и даже прибавочными размышленіями, вѣроятно еще и потому, что въ набѣгъ 1096 г. половцы напали на кіевскую лавру.

«Въ лѣто 6604 (1096)..... иуля..... въ 20 день пятокъ, въ часъ 1 дня, прииде второе Бонякъ безбожный, шолудивый, отай, хыщникъ, Кыеву внезапу и мало въ городъ не вогнаша половци, и зажгоша по пѣску около города, и увратишася на монастырь, і пожгоша монастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кѣльямъ, почивающимъ по заутрени, и кликоша около монастыря, и поставиша 2 стяга предъ вороты монастырскими, намъ же бѣжащимъ за домъ монастыря, а другимъ убѣгшимъ на полотѣ; безбожніи же сынове Измаилеви высѣкоша врата монастырю и устремишася по кѣльямъ, высѣкающе двери, изношаху, еже аще обрѣтаху у кѣльи, и посемъ вожгоша домъ святыя Владычицѣ Богородицѣ и приидоша къ церкви, и зажгоша двери, яже ко угу устроенниѣ, а въ вторыя, иже к сѣверу; і влѣзше у притворъ у гроба Федосьева, и вземьше иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и законъ нашъ». Тутъ лѣтописецъ предается размышленіямъ о терпѣніи и попущеніи Божіемъ, наказанія ради христіянъ, и потомъ продолжаетъ описывать опустошеніе половецкое: «Тогде же зажгоша и дворъ красный, его же поста-

вилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, иже есть надъ Выдобычь: то все окояннѣи половцѣ запалиша огнемъ». Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ благочестивыхъ восклицаній, лѣтописецъ задается вопросамъ о происхожденіи половцевъ и изъ нѣсколькихъ мнѣній соглашается съ тѣмъ, что они происходятъ отъ Измаила: «а Измаило роди 12 сына, отъ нихъ же суть торъкмены, печенѣги, и торци, и половци, иже исходятъ отъ пустынѣ (*выше:* отъ пустынѣ Етривьскыя, межи въстокомъ и сѣверемъ) и по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидутъ, заклепаны в горѣ Олександромъ Макидонскомъ, нечистыя человѣки». Тутъ лѣтописецъ по Ипатскому списку ставитъ непосредственно сообщеніе, сдѣланное ему Гурятою Роговичемъ новгородцемъ о томъ, что отроку его передавали полунощные угры о людяхъ, которые сидятъ въ сѣверныхъ приморскихъ горахъ и стараются оттуда высѣчься и просятъ у подходящихъ желѣза, за которое тотчасъ же и отплачиваютъ. «Мнѣ же», говоритъ лѣтописецъ, рѣкшю къ Гурятѣ: «се суть людіе заклепленѣ Олексанъдромъ Макидоньскомъ царемъ. Якоже сказа о нихъ Мефодый Патарийскъ, глаголя: Олександръ, царь Макидонскій, възыде на восточныя страны до моря, нарѣцаемое Солнче мѣсто, и відѣ человѣки нечистые, отъ племени Афетова; ихъ же нечистоту видѣвъ: ядяху скверну всяку, комары, мухи, коткы, змѣя, мертвеца не погребати, но ядяху и женскиѣ изъвраты, ядяху и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Олександръ, убояся, еда какъ умножаться, осквернять землю, загна ихъ на полунощныя страны и горы высокия; и Богу повелѣвшю, заступишася о нихъ горы полунощьныя, токмо не ступишася о нихъ горы 12 локътю; и створиша врата мѣденая..... у послѣдняя же дни по сихъ осми колѣнъ, иже изидутъ отъ пустыня Етривьския, изидутъ си скверныи языци, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнію Божью».

Такимъ образомъ половцы казались нашему лѣтописцу родичами и предтечами нечистыхъ народовъ, заключенныхъ Александромъ Македонскимъ. Вождь же ихъ, носившій и отмѣтки нечистоты на головѣ своей, являлся колдуномъ, какъ это видно особенно изъ далнѣйшаго мѣста, гдѣ лѣтописецъ расказываетъ о столкновеніи половцевъ, пришедшихъ въ слѣдующемъ году на помощь Давыду Волынскому и галицкимъ князьямъ противъ угровъ, которые вызваны были Святополкомъ кіевскимъ противъ галицкихъ

князей. «Давыдъ же иде в Половцѣ и усрѣте и Бонякъ, и воротися Давыдъ и поидоста на Угры (подъ Перемышль). Идущімя же имя, и сташа ночьлѣгу, и яко бысть полунощи, и воставъ Бонякъ отъѣха отъ рати, и поча выти волъчьски и отвыся ему волкъ, и начаша мнози волци выти; Бонякъ же пріѣха повѣда Давыдови, яко «побѣда ны есть на Угры»[1]).

При такомъ сильномъ впечатлѣніи, сдѣланномъ Бонякомъ на современныхъ ему предковъ нашихъ, не удивительно, если память о немъ осталась и въ устныхъ преданіяхъ. И до сихъ поръ въ народѣ нашемъ ходятъ нѣсколько разсказовъ, въ которыхъ героемъ является *шолудивый Буняка*. Герой этотъ изображается въ этихъ разсказахъ чудовищемъ, въ формахъ очень фантастическихъ. То обстоятельство, что имя героя этихъ расказовъ одно и тоже съ лѣтописнымъ, а также, что уже въ лѣтописи Бонякъ изображается обладающимъ чудесною способностью, соблазняетъ думать, что эти разсказы возникли посредствомъ самостоятельнаго народнаго творчества, которое, отправившись отъ непосредственныхъ впечатлѣній исторической личности, потомъ разработало своимъ внутреннимъ процессомъ первоначальные образы въ болѣе сложные и болѣе фантастическіе. Мы увидимъ, что нѣкоторые наши ученые, обратившіе вниманіе на ходящіе теперь въ нашемъ краѣ разсказы о Шолудивомъ Бунякѣ, именно такимъ образомъ и объясняли ихъ происхожденіе.

Но попробуемъ нѣсколько пристальнѣе всмотрѣться въ эти разсказы, подвергнувъ ихъ критикѣ, какъ сравнительно съ историческими обстоятельствами, сопровождавшими столкновеніе нашихъ предковъ съ Бонякомъ Половецкимъ, такъ и съ сходными сказаніями другихъ народовъ.

Мы думаемъ, что только послѣ такого изслѣдованія можно будетъ поставить вопросъ о процессѣ образованія въ нашемъ народѣ этихъ сказаній. Рядъ же отвѣтовъ на подобные вопросы будетъ поучителенъ для разрѣшенія въ высшей степени интереснаго для этнографіи общаго вопроса о томъ, что такое т. наз. «народное» устное творчество и «національныя» преданія?

---

[1]) Лѣтопись по Ипатьевскому списку 1871 г., стр. 162—164, 177—178; тоже по списку Лаврентія, 1872 г., стр. 223—228, 261.

I.

Сообщеніе священника Гарасевича о сказаніяхъ о Бунякѣ у Завалова и пѣсенкѣ о немъ; варіанты у Галятовскаго и въ Krajowej Galicyjskiej Tabulie. Оцѣнка этого матеріала гг. Халанскимъ и Голубовскимъ. Сомнительный характеръ пѣсенки и полное несоотвѣтствіе сказанія и пѣсенки съ исторіей. Книжно-монастырскій характеръ сказанія и позднѣйшее его образованіе. Аналогія съ легендой св. Меркурія Смоленскаго.

Въ сборникѣ Кольберга *Pokucie* (Kraków, 1882, т. I, стр. 344—346) перепечатано изъ альманаха *Lwowianin* (1837, т. II, стр. 69 и слѣд.) слѣдующее сообщеніе священника Гарасевича: «Заваловъ..... предмѣстье Галича, названное вслѣдствіе своего положенія за валами..... надъ рѣкою Золотая Липа, въ округѣ бережанскомъ..... передало нашимъ часамъ такую повѣсть: Бунякъ, въ поруганіе называемый въ громадѣ «шелудивый разбойникъ», нападалъ на ближайшія околицы и безпокоилъ все живущее тамъ. Наиболѣе старался награбить имущества погубленныхъ имъ жителей, на каковое содержалъ и войско, которое кочевало между выдающимися холмами на полночь отъ Завалова, покрытыми чернымъ лѣсомъ. Князь русскій, владѣтель этого края, поставилъ въ отпоръ Буняку свое войско за рѣкой Липа Золотая, на востокъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ позже былъ построенъ замокъ князьями Маковецкими, обитаемый и до сихъ поръ, окруженный стѣной и башнями, изъ которыхъ уцѣлѣли только одна. Однакожъ, сознавая свою слабость, онъ не отваживался ударить на противника своего и долго стоялъ не безъ страху и сомнѣнія, пока сѣдой старикъ, явившись во снѣ, не побудилъ его къ аттакѣ и не научилъ его о способѣ, какъ и съ какой стороны сдѣлать вылазку, которую онъ на утро и исполнилъ съ невыразимой оттагой. Бой былъ съ обоихъ сторонъ упорный, наконецъ Буняка былъ побѣжденъ, а войско его частію было разсѣяно, частію потопилось въ Липѣ Золотой. У самаго Буняка была отсѣчена голова, которая катясь уходила съ мѣста битвы и едва догнана была на полѣ, что за мѣстечкомъ Тисменицею; по этому поводу это мѣсто названо было Погоней. Вотъ только это я слышалъ изъ устъ здѣшняго простонародія».

«Священникъ Іоанникій Галятовскій, архимандритъ черниговскій, въ книгѣ подъ названіемъ «Новое Небо», написанной около 1660 г. русскимъ нарѣчіемъ, говоритъ въ Чудѣ 17-мъ, что нѣкогда,

во время нападенія Буняка, иначе Батыя, царя татарскаго, воевода земли русской, Романъ, вышедши противъ него и окопавшись тремя валами подъ Галичемъ, побужденный во снѣ св. Николаемъ архіепископомъ, вышелъ изъ окоповъ, ударилъ на орду татарскую и отогналъ ее и на мѣстѣ битвы поставилъ церковь Богородицы надъ рѣкой Тисменицей, а между валами церковь св. Николая [1]).

Кромѣ того въ *Krajowéj galyiciskiej Tabulie*, ex libro fond. 109, pag. 109 находимъ, что когда то князь Романъ изъ удѣльныхъ князей русскихъ, роду Островскихъ и братъ родной найяснѣйшаго короля, его милости, Данила Галицкаго, благочестивый, жившій въ обрядѣ единовѣрномъ съ церковью римскою, побѣдившій поганыхъ непріятелей родной церкви, имѣя при себѣ, съ войсками ихъ, князей Острогскихъ Димитрія, брата, и Василія, племянника,—непріятелей, т. е. *солодиваго Буняка*, иначе Солодиво, или дива селъ, князя и богатыра половцевъ, т. е. подолянъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ монастырь, окружившись окопами, по причинѣ неравенства силъ, а съ другой стороны, гдѣ теперь видно замокъ, также явно показываютъ (слѣдъ) валы, (врагъ) добивался къ нему три дня;

---

1) У насъ нѣтъ подъ рукою ни одного изъ изданій „Неба Новаго", а потому мы можемъ сравнить изложеніе Гарасевича только съ выдержками изъ книги Галятовскаго, сдѣланными г. А. Петрушевичемъ въ книгѣ „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ". „Въ Малой Россіи, въ повѣтѣ галицкомъ есть мѣсто Заваловъ, названное отъ валовъ, давно насыпанныхъ, которыхъ есть три надъ мѣстомъ на горѣ; межи тыми тромя валами знайдуется монастырь при церквѣ св. архіерея Николая; повѣдаютъ люди старыи духовныи и свѣцкіи, которыи отъ дѣдовъ и прадѣдовъ то чували, же Букякъ (яко они мовятъ), але рачей Батый, царь татарскій, гды завоевалъ землю Рускую, на той часъ единъ воевода, на имя Романъ, зъ землѣ Рускои вышолъ зъ войсками своими противъ ордамъ татарскимъ, а видячи великую потугу поганскую, а свое малое войско—христіянское, окопался тромa валами... Потомъ чудеснымъ сномъ о побѣдѣ ему предстоящей ободренъ, выступилъ съ своими полками и на поляхъ, „не далеко за мѣстомъ Тысменицею", надъ татарами „славное одержалъ звытяжество... и на тымъ полю збудовалъ церковь Успенія прес. Богородицы... При той церквѣ знайдуется монастырь, который называется погоня, для того, же тамъ Романъ воевода погналъ и догналъ и разогналъ татаровъ"... „Межи трома валами засъ Романъ воевода збудовалъ церковь святаго архіерея Николая, который ему тамъ во снѣ показался, а казалъ ему церковь на имя пресв. Богородицы, другую на имя свое збудовати" (Литературный сборникъ, изд. галицко-русскою Матицею 1872 и 1873 г., Львовъ, 1874 г., стр. 572—573).

(тогда) св. Николай явился въ ясномъ блескѣ князю Роману, стоящему на молитвѣ и лежащему крестомъ, и сказалъ: «встань, выйди изъ окоповъ, начни битву и побѣдишь; молитва твоя услышана». По тому приказу тотчасъ же войско Романа вышло въ ту сторону, гдѣ стоитъ старая каплица на горѣ монастырской, и начало громить непріятеля на голову, какъ то показываютъ и слѣды могилъ, расположенныхъ по склону, гоня его къ Днѣстру, т. е. Тирасу. Тамъ (Романъ), полонивши не мало непріятеля, переправился черезъ Днѣстръ, поймалъ самаго вождя и приказалъ снять ему голову, а тѣло сжечь и прахъ выкинуть въ Днѣстръ, на томъ мѣстѣ, что въ память его называется «Погоня» надъ Тисменицею. Еще далѣе за Днѣстръ загналъ остатки непріятеля въ горы, въ давнее прапрадѣда моего владѣніе, гдѣ побѣдивши его *ad internectionem*, означилось другое мѣсто Перкиньско, давнее владѣніе пресвѣтлаго дому Яблоновскихъ (за этимъ слѣдуетъ запись монастырю св. Василія В.).

«Въ устахъ народа околицъ наднѣстрянскихъ иногда можно встрѣтить (krąży czasem) такую пѣсеньку:

Щожъ то за дивы,
Може Бунякъ салодивы?
Кажуть его череда
Пришла насъ выгнати.
Лише дадуть ему знати,
Куда буде утикати,
Гей, на, на,
Буняка!
Эй, берутъся до него
Князь Романъ, бояры,
А щожъ буде зъ него?
Гды пиде въ прегоны?
Отъ втикаетъ голова,
За нимъ бижытъ череда.
Голова Буняка
Здрастъ вамъ Боже
Вже наша.....

«Тотъ же самый Бунякъ, или Баты, ханъ татарскій, нападалъ въ 1180 году также на Плесниско, гдѣ былъ замокъ княжны Елены.

Большія бѣды, принесенныя имъ Руси Червоной, и варварское обращеніе съ народомъ дали ему имя шелудиваго (solodywego) Буняка».

Три выше приведенные разсказа: народный, Галятовскаго и «Krajowéj Tabuli», очевидно варіянты одной и той же темы, при чемъ въ сущности два книжные проще и потому и старѣе устнаго. Пѣсенка приближается къ устному расказу, повѣствуя, какъ и онъ, о побѣгѣ головы Буняка. Эти разсказы и пѣсенка обратили на себя вниманіе г. Халанскаго, автора книги «Великорусскія былины кіевскаго цикла». Г. Халанскій признаетъ за этими преданіями и пѣсенкой серіозное историческое значеніе (op. cit., 35). Г. П. Голубовскій въ рецензіи на книгу г. Халанскаго (Кіевск. Старина 1886 г., іюль, стр. 340) видитъ въ князѣ Романѣ пѣсенки знаменитаго Романа Мстиславича Волынскаго и Галицкаго, который ходилъ на половцевъ 1201 и 1204 гг. (по счисленію г. Голубовскаго).

Что до пѣсенки, то намъ прежде всего кажется весьма подозрительной ея народность. Уже самая манера сообщенія ея: *krąży czasem taka spiewka* очень напоминаетъ выраженія, съ какими сообщали въ 30-е—40-е годы усердные патріоты фальшивыя пѣсни (Изопольскій, Срезневскій, Максимовичъ и др.). Далѣе такіе литературные пріемы, какъ «*кажуть, его череда*» и др., неупотребительны въ устной пѣснѣ; наконецъ финалы куплетовъ пѣсенки совсѣмъ странны. По этимъ признакамъ пѣсенка Гарасевича кажется намъ издѣліемъ грамотѣя, если не самаго Гарасевича, на тему прозаическаго преданія, сообщеннаго выше. Это же преданіе есть отголосокъ разсказовъ Галятовскаго и Krajowej Tabuli, хотя можетъ быть, сами эти книжные разсказы составляютъ редакцію болѣе старыхъ разсказовъ. Во всякомъ случаѣ эти редакціи со всѣми ихъ подробностями, а особенно съ ихъ собственными именами, въ томъ числѣ и съ Бунякомъ и Романомъ, не имѣютъ въ себѣ ничего историческаго: во первыхъ шелудивый Бунякъ и Романъ Мстиславичъ вовсе не современники, а во вторыхъ шелудивый Бунякъ вовсе не былъ ни убитъ, ни даже побѣжденъ въ Галичинѣ [1]), а въ третьихъ

[1]) Въ Ипатской лѣтописи подъ 1185 г. находимъ слова Кончака: „пойдемъ на кіевскую сторону, гдѣ суть избига братья наша и великій князь нашъ Бонякъ*; но эти слова относятся очевидно къ другому Боняку, о которомъ сказано подъ 1167 г. „томъ же лѣтѣ бися Олегъ Святославичъ съ Бонякомъ и побѣди Олегъ Половци“.

Романъ Мстиславовичъ самъ дѣлалъ набѣги на половцевъ въ ихъ землю, а не выдерживалъ ихъ осады въ Галичинѣ [1]).

Повѣсть, передаваемая Галятовскимъ, и въ записи тисменицкаго монастыря есть общее мѣсто церковной легенды, которая столько разъ повторялась, начиная съ разсказовъ Лактанція и Евсевія о ночномъ явленіи Христа Константину Великому передъ битвою его съ Максентіемъ [2]).

Имя св. Николая (буквально—побѣдитель людей) давало поводъ перенесенію этого сказанія и на ликійскаго епископа, о которомъ въ древне-русскомъ сказаніи, очевидно передѣланномъ съ болгарскаго, какъ это съ греческаго [3]), читаемъ въ описаніи странствій св. Николая по Азіи слѣдующій эпизодъ:» и дошедъ Кесаріи Филипповы, жилъ три лѣта... Въ тыя лѣта прилучися брань, пришла рать поганыхъ до Кесаріи, и всѣ христіяне грекове побѣгли въ подгорія тѣсныя, а св. Николай, видѣвъ поганыхъ рать велику, иже не мощи противитися людемъ христіянскимъ противу поганыхъ, въ тій часъ св. Николае прослезися и падъ на земли моляся Богу за христіаны... И воставъ отъ земли и простеръ руцѣ на небо и молитву исполнивъ, и прилете къ нему съ небесси голубь, глаголя: дерзай, Николае, избранниче Божій! услышена бысть молитва твоя и сокрушатся языцы поганстіи. Тогда Николае пріиде въ рать христіанскую, не могъ его видѣти никтоже, зане облакъ свѣтелъ покры его, и начать глголати христіяномъ: учините знаменіе Христово, на лицѣхъ вашихъ крестъ и не возможетъ прикоснутися вамъ мечъ поганыхъ. Они же вопросиша: ты кто сей? Азъ есмь Николае, грѣшный рабъ Божій. И христіяне вси какъ единѣми усты воскричали гласомъ ве-

---

[1]) Лѣтопись по Воскресенскому списку, 6710 г.: „тое же зимы ходи Романъ на Половци; и вся вѣжи половечьскіе и приведи полона много и душь христіянскихъ отполони много". 6711: „тое же зимы ходиша Рустіи князи на Половци, Рюрикъ Кіевскій, Ярославъ Всеволодовичъ Переясловскій. Романъ Галичьскый Мстиславичъ, и иніи князи, и бысть же тогда зима люта, и бысть Половцемъ тягота велика, и взяша князи Рустіи полонъ многъ, и стада ихъ заяша, восвратишася во свояси съ полономъ многимъ".—Ср. Лаврент. спис. г. 6713. Тутъ нѣтъ ничего и издали похожаго на вышеприведенные разсказы.

[2]) Lactantii, De mortibus persecutorum, XLIV, Eusebii, Vita Constantini, XXVIII—XXXII.

[3]) Ключевскаго, Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 219—220.

ликимъ: Боже святаго Николы! помози намъ. И знаменоваша лица своя знаменіемъ честнаго и животворящаго креста и удариша на рать поганыхъ силою Божіею и молитвою св. Николы побиша гражане поганскія пришедшія языки.... И въ тотъ день царіе христіянсстіи и князи гречестіи и вельможи и вси людіе того града мужи, жена и чада ихъ почали искати св. Николы»[1]).....

Это сказаніе, въ которомъ исторія явленія Христа Константину повторена уже съ явнымъ отрѣшеніемъ отъ всякихъ реальныхъ историческихъ условій (войны поганыхъ съ царями христіанскими и князьями греческими среди римской имперіи!) имѣетъ всѣ признаки образца, по которому сдѣлана занимающая насъ галицкая легенда. Подобныя легенды тѣмъ легче могли возникать, что въ житіяхъ этого святаго находимъ такія слова его прдсмертной молитвы: «коли кто поставитъ церковь во имя мое, подай ему, Господи, помощь надъ враги видимыми и невидимыми»[2]).

Такого рода легендарное общее мѣсто взято было сочинителями повѣсти въ Tabula, каковая повѣсть, замѣтимъ, есть вступленіе въ актъ, долженствовавшій легализировать монастырское поземельное владѣніе и составленный уже послѣ введенія уніи, и обставлено совершенно произвольно надерганными именами князей и такого же рода хронологій. По актамъ напечатаннымъ г. А.

---

[1]) Тамъ же, стр. 454.

[2]) Тамъ же, стр. 458.

Не очень удаляясь отъ нашей народной словесности, мы укажемъ еще примѣръ, какъ имя св. Николая послужило поводомъ къ совершенно противному историческимъ фактамъ окончанію великорусской пѣсни о козацкомъ сидѣніи въ Азовѣ въ 1637—1643 г. Какъ извѣстно, оно кончилось оставленіемъ Азова, между тѣмъ какъ пѣсня разсказываетъ, что когда козаки помолились Миколѣ чудотворцу, то

Напустилъ тутъ Микола чудотворецъ,
Напустилъ тутъ на турчанъ онъ темну темень,
Они дружка дружку прирубили,
Какъ густымъ ту рѣку загустили.'

Кстати, существованіе этой великорусской пѣсни (Гильфердингъ, Онежскія Былины, стр. 174—176) можетъ вполнѣ закончить споръ, который велся на страницахъ „Кіевской Старины“ 1882 г. и подтвердитъ мнѣніе о томъ, что украинская пѣсня о взятіи города спрятавшимися въ чумацкіе возы воинами относится именно къ Азову 1637 г., а не къ Торческу 1093 г, и при томъ великорусскаго происхожденія.

Петрушевичемъ, Плѣсниско-Подгорецкій монастырь основанъ въ 1663 г. на мѣстѣ, гдѣ, конечно по преданію или по показанію монаховъ, стоялъ прежде старый монастырь. Жить тамъ стали монахи передъ этимъ формальнымъ открытіемъ, съ 1659 г., а одинъ монахъ Зосима еще въ 1563 (Сводная лѣтопись, 130, 135—136). Вотъ въ это-то время потемнѣнія памяти о дѣйствительной исторіи перваго, русскаго, періода жизни Галичины должны были образоваться, на основѣ схематической церковной легенды, зачатки сказанія о столкновеніи мѣстнаго князя съ татарами, зачатки, которые потомъ обработали монастырскіе книжники и юристы болѣе усердно, чѣмъ умѣло.

Устный же разсказъ, сообщенный Гарасевичемъ, если онъ и дѣйствительно распространенъ въ народѣ, есть только повтореніе этой монастырской повѣсти, съ прибавкою только подробности о бѣжавшей головѣ Буняка, но и эта подробность въ свою очередь напоминаетъ довольно общее мѣсто въ церковныхъ легендахъ о мученикахъ. Соотвѣтственно этимъ легендамъ извѣстныя церкви построены были на тѣхъ мѣстахъ, куда чудеснымъ образомъ перенеслась голова святого, а въ галицкой повѣсти, какъ не было мѣста для головы святого, то заставили катиться до мѣста церкви голову невѣрнаго, пораженнаго по наставленію святого, патрона церкви.

Изъ числа болѣе распространенныхъ въ католическомъ мірѣ монастырскихъ легендъ аналогическаго характера мы считаемъ нужнымъ напомнить здѣсь повѣсть о св. Діонисіи, легендарномъ первомъ епископѣ парижскомъ, гробъ котораго показываютъ въ знаменитомъ аббатствѣ St. Denys подъ Парижемъ; эта повѣсть можетъ служить типомъ образованія топографическихъ легендъ, въ родѣ занимающей насъ галицкой. Сообразно французской легендѣ, изложенной впервые Гельдуиномъ, аббатомъ въ St. Denys въ IX в., св. Діонисій (котораго благочестивый настоятель смѣетъ отождествлять съ Діонисіемъ Ареопагитомъ, не смотря на то, что другіе, болѣе ранніе писатели ставятъ его въ разные годы III вѣка) потерпѣлъ казнь обезглавленіемъ въ Парижѣ, на холмѣ, который называется отъ языческихъ храмовъ, тамъ стоявшихъ, *Mons Mercurii* и который потомъ стали звать *Mons Martyrum* (Monmartre). Вмѣстѣ съ Діонисіемъ епископомъ казнены были по

этой легендѣ и пресвитеръ *Rusticus* и діаконъ Eleutherius, тѣла которыхъ были брошены въ Сену. Тѣло Діонисія само встало, взяло свою голову и пошло, сопровождаемое ангеломъ и пѣніемъ небесныхъ хоровъ, до самаго мѣста, гдѣ теперь стоитъ аббатство и гдѣ была собственность благочестивой женщины Катулы, которая и погребла тѣло мученика[1]). Легенда эта сильно популяризировалась, благодаря множеству изложеній въ прозѣ и стихахъ, а также художественныхъ подражаніяхъ, которыя продолжаются и до сихъ поръ. Но историческая критика этой легенды показываетъ ея не только не народное, но и сравнительно позднее образованіе. Сравненіе текстовъ показываетъ, что еще во время Григорія Турскаго и даже въ старѣйшемъ житіи Діонисія, писанномъ въ VII в. нѣтъ этой легенды и нѣтъ помѣщенія мученія на Монмартрѣ[2]). Эта гора еще во время Фредегорія (VII в.) называется только Mons' Mercore[3]). Мало того, останавливаясь на именахъ святыхъ легенды, находимъ, что двое изъ нихъ *Dionysius* (Διονήσος) и *Eleutherius* (Ελευθερεύς) суть имена—эпитеты Вакха (Eleuthereus соотвѣтствуетъ латинскому liber—освободитель отъ заботъ); *Rusticus* по всей вѣроятности тоже эпитетъ Вакха соотвѣтственно его деревенскимъ праздникамъ, которые по гречески назывались κατ' ἀγροὺς и имени Діонисія Αγροῖκος[4]). Такимъ образомъ слѣдуетъ думать, что покло-

---

[1]) Acta Sanctorum, ed. Bolland., IX Octobr. 272; Jacobus et Varagine, Legenda Aurea, CXLVIII; And. du Saussay, Martyrolog. Gallicanum (1537), II, 715; B. Casp. Sagittarii, De Martyrum Cruciatibus (1696), 132 (тутъ св. Діонисій самъ отдаетъ свою голову Катулѣ). Подобное и о многихъ другихъ святыхъ во Франціи и Швейцаріи у Сагиттарія, 131—133; у A. Maury, Essai sur les legendes pieuses du moyen âge, 208; Eusèbe Salverte, Des Sciences occultes, I, 67—69.—Изъ числа этихъ легендъ мы упоминаемъ особенно повѣсть объ Уреѣ и Викторѣ и 64 другихъ мучениковъ изъ Ѳиванскаго легіона въ Золотуркѣ, которыхъ головы были отрублены на мосту и брошены въ р. Ару и которые взяли свои головы въ руки и пронесли ихъ надъ водою до мѣста, гдѣ теперь соборъ, тамъ стояли на молитвѣ часъ и потомъ легли (Acta Sanctorum, Bolland, XXX Septemb., 291). Раньше передъ тѣмъ, когда весь легіонъ былъ избитъ у города, что теперь S. Maurice на Ронѣ, голова св. Маврикія приплыла отдѣльно отъ тѣла по водѣ до Віенны во Франціи (ibid., XXII Sept., 351). Ср. ниже.

[2]) У Болландистовъ IX octobr., а также Felibien, Histoire de l'abbaye de S. Denis (1706 г.), II, 163—165.

[3]) Giusot, Greg. de tours de Fridigaine, II, 463—4.

[4]) Gail., Recherches sur la nature du culte de Bacchus en Grece; 165, 262. См. въ статьѣ Ленормана Bacchus въ Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, red. p. Daremberg et Sagleo, рисунокъ сельской гермы Вакха.

неніе католическимъ святымъ возникло постепенно на мѣстѣ загороднаго, подлѣ Лютеціи Паризіевъ, храма или алтаря классическаго бога,—примѣръ, которому подобныхъ можно указать сотни. Въ данномъ случаѣ интересно особенно то обстоятельство, что изъ трехъ именъ бога, которому первоначально было посвященно мѣсто (вѣроятно надписью: Dionysio Rustico Eleutherio), сдѣлано были три лица, да еще съ тремя чинами католической іерархіи. Для этихъ лицъ книжники искали хронологическихъ рамокъ и начали ставить ихъ въ разныя эпохи извѣстныхъ или предполагаемыхъ религіозныхъ преслѣдованій II и III вв., но при томъ такъ, что и до сихъ поръ невозможно разобраться въ противурѣчіяхъ, какъ было бы, напр., еслибъ мы стали приводить въ историческій порядокъ показанія и умствованія галицкихъ книжниковъ о княгинѣ Еленѣ и ея врагѣ Бонякѣ-Батыѣ. Спустя еще нѣсколько времени. когда культъ новыхъ святыхъ возникъ въ разныхъ мѣстахъ Парижа и окрестностей и среди всѣхъ ихъ возвысилось знаменитое аббатство S. Denys и церковь на холмѣ Mercore, явилась идея связать ихъ между собою; имя холма Mons Mercurii, Mons Mercore, Monmarcre было измѣнено въ Monmartre, Mons Martyrum и сюда поставлено было мѣсто мученія святаго и его товарищей, а затѣмъ обѣ святыя мѣстности были связаны повѣстью о чудесномъ переходѣ головы Діонисія съ одной горы на другую [1]).

Этотъ процессъ образованія парижской легенды можетъ намъ объяснить и образованіе легенды заваловско-погонской. Въ послѣдней имя св. Николая, которое могло быть дано церкви сначала безъ всякой тенденціи, повело за собой легенду о побѣдѣ надъ врагомъ, имя котораго связано уже было болѣе старыми (какъ увидимъ далѣе) представленіями съ горами и валами, а потомъ имя урочища «Погоня», которое могло быть дано отъ какой нибудь случайной причины или же могло быть также похоже на Погоню, какъ Mons Mercore на Montmartre, послужило поводомъ для легенды о побѣгѣ пораженнаго вражьяго воинства, въ которую въ добавокъ вплелась готовая въ церковныхъ легендахъ подробность о чудесномъ

[1]) Самое образованіе легенды о несеніи головы объясняется позднѣйшимъ принятіемъ въ буквальномъ смыслѣ первоначальнаго символическаго изображенія мучениковъ съ головами въ рукахъ. Ср. у *A. Maury* и др.

переносѣ головы, какъ вплелась въ эпизодъ о побѣдѣ готовая-же подробность о ночномъ явленіи святаго предвѣщателя побѣды.

Любопытно, что западнорусская церковно-легендарная литература заключаетъ въ себѣ сказаніе, которое съ одной стороны представляетъ близкія аналогіи съ западно-европейскими легендами, въ родѣ исторіи St. Denys, а съ другой имѣетъ новыя точти соприкосновенія съ галицкими сказаніями о смерти Буняка-Батыя. Это смоленская легенда о св. Меркуріи-воинѣ, потомъ перенесенная съ извѣстнымъ усложненіемъ и въ Кіевъ. Различныя редакціи этой легенды разобраны были уже въ ученой русской литературѣ г. Буслаевымъ [1]), а потому мы ограничимся лишь краткимъ ея изложеніемъ, съ небольшимъ предварительнымъ замѣчаніемъ о ея редакціяхъ.

Г. Буслаевъ передаетъ болѣе или менѣе полно три редакціи легенды: 1) По синодальному Цвѣтнику Жюлева 1665 г., которую онъ называетъ «народною» и признаетъ болѣе древнею, потому что она проще другихъ по стилю и нѣсколько фантастичнѣе по подробностямъ, 2) по канону св. Меркурію и по похвальнымъ ему молитвословіямъ и 3) по Макарьевскимъ Четьимъ Минеямъ, каковую редакцію г. Буслаевъ называетъ литературною, ради цвѣтистости ея изложенія. Мы позволяемъ себѣ думать, что болѣе древнею надо считать 2-ю редакцію г-на Буслаева, которую почтенный профессоръ только потому поставилъ за 1-ою, признанною имъ «народною», что во время написанія имъ его изслѣдованій господствовало еще мнѣніе, по которому въ случаѣ сходства въ чемъ нибудь письменной словесности съ устною (какъ наприм. въ данномъ случаѣ подробности введенія въ дѣло чудеснаго коня св. Меркурія, отчасти напоминающаго устныя сказки) предполагалось непремѣнно заимствованіе письменной словесности изъ устной, а не наоборотъ, что, какъ теперь доказано, бываетъ по крайней мѣрѣ очень часто.

По славословіямъ св. Меркурію, это былъ воинъ римлянинъ (по др. ред. туземецъ въ Смоленскѣ). Во время нападенія на Смоленскъ «нечестивыхъ агарянъ», варваровъ, которыхъ славословія называютъ и татарами, но чаще печенѣгами, съ ихъ «злымъ бого-

---

[1]) Смоленская легенда о св. Меркуріи и ростовская о Петрѣ царевичѣ ордынскомъ (Историч. очерки р. нар. слов. и искусства, т. II, стр. 155 и слѣд.).

борцемъ царемъ Батыемъ», Меркурій получилъ отъ образа Богородицы приказъ: «рабе мой Меркуріе! иди, убій сильнаго исполина, а злочестиваго царя Батыя и поганыхъ агарянъ прожени». Меркурій исполнилъ приказъ: поразилъ исполина и сына его, а варвары отбѣжали отъ города, тѣмъ болѣе, что видѣли противъ себя «жену превелику и пресвѣтлу, солнцеобразну, съ множествомъ вой небесныхъ», въ которой «провидѣли госпожю Богородицу». Но все таки варвары убили и самаго Меркурія, послѣ чего случилось такое чудо: «егда зліи агаряне отсѣкоша главу святому Меркурію, и въспріятъ ю самъ святый и принесе въ градъ, предъ всѣми людьми глаголюще и поюще глава, како бысть побѣда и каково отъ Госпожи Богородици заступленіе и святому отъ нея поможенія». Батый-же, удалясь отъ Смоленска, самъ скоро погибъ: «восточную страну плѣнилъ и на запади изратова, и тамо пріялъ, яко Каинъ, месть отъ Бога, мечное сѣченіе отъ угорскаго самодержца Владислава, и той злый кровопійца животъ свой злѣ предалъ со всѣми вои своими» [1]). Вѣроятно уже болѣе поздняя прибавка къ смоленской легендѣ переноситъ тѣло святаго въ Кіевъ, куда оно «приплыло во гробѣ» Днѣпромъ [2]). Время окончательной редакціи смоленскихъ славословій св. Меркурія г. Буслаевъ опредѣляетъ не позже первой половины XVI в., когда Смоленскъ уже принадлежалъ московскому государству. Но по всей вѣроятности основа ихъ сложилась нѣсколько раньше, когда Смоленскъ входилъ еще въ составъ литовскаго княжества и когда въ немъ затемнилась память о дѣйствительныхъ условіяхъ татарскаго погрома и о личности Батыя и самихъ татарахъ, отъ которыхъ Бѣлая Русь, за литовскими князьями, рано освободилась. Во всей изложенной легендѣ можно видѣть не только отголосокъ западныхъ церковныхъ легендъ, которыя должны были проникать въ смоленскую область въ литовскую эпоху [1]), но еще явную, такъ сказать, западническую

---

[1]) Въ 1-й редакціи г. Буслаева, тоже, очевидно смоленской, угорскій князь названъ Стефаномъ; въ третьей, которую составлялъ очевидно болѣе поздній к, болѣе знакомый съ русскими лѣтописями человѣкъ, въ Новгородѣ или Москвѣ, объ этой погибели Батыя не говорится.

[2]) По рукописи гр. Уварова „Книги глаголемой о россійскѣхъ святыхъ", редакціи XVII в., „святой великомученикъ Меркурій воинъ, смоленскій чудотворецъ, въ 6747 (1239) ноемврія въ 14 день въ гробѣ въ Кіевъ приплы".

[3]) Г. Буслаевъ самъ говоритъ: „принесеніе своей собственной головы могло напоминать общеизвѣстное сказаніе о Діонисіи Ареопагитѣ" (sic!). Но-

тенденцію, по которой герой смоленскій сдѣланъ римляниномъ, а врагъ—Батый находитъ себѣ смерть на западѣ же Венгріи. Можно по этому думать, что толчекъ къ образованію легенды дали не только западническія, но и *уніатскія* стремленія, которыя проявились въ западнорусскихъ областяхъ, начиная съ самаго Данила Галицкаго, который искалъ въ союзѣ съ католическими сосѣдями,—венграми и др., даже въ религіозной уніи съ Римомъ поддержки для борьбы съ татарами. Вотъ такого же рода тенденціи, конечно, нѣсколько смутныя, облегчали, особенно при помраченіи памяти о дѣйствительныхъ историческихъ событіяхъ временъ борьбы русскихъ областей съ погаными половцами и батыевыми татарами, возможность образованія въ западнорусскихъ областяхъ, поднѣпровскихъ, какъ и прикарпатскихъ, сказаній о древнихъ чудесныхъ побѣдахъ христіанскихъ героевъ надъ «безбожными агарянами» и ихъ исполинами, новыми Голіаѳами. Изъ такого матеріала, при явной помощи книжныхъ церковныхъ легендъ, сложилась и смоленская легенда и элементы тѣхъ галицкихъ, которыя мы изложили выше [1].

дробность плаванія св. Меркурія напоминаетъ въ тоже время С. Морисскую и Золотуркскую легенду. Не имѣя подъ рукою никакого свода житій греческой церкви, мы не можемъ провести подробнаго сравненія первой половины смоленской легенды съ житіемъ Меркурія Кесарійскаго, котораго, по словамъ самихъ смоленскихъ стиховъ, Богородица „посыла..., да убіетъ злаго мучителя, законопреступнаго царя Ульяна".

[1]) Коснувшись смоленской легенды, мы не можемъ пропустить повода указать на сходство той ея части, въ которой Богородица отгоняетъ Батыя отъ города, съ извѣстной почаевской легендой, которая излагается и въ лирницкой пѣснѣ (Мордовцевъ, Малор. Сборникъ, стр. 188—9; Stecki, Wołyń, т, I, стр. 109—111; Безсоновъ, Калѣки перехожіе, т. I, стр. 680—690; Лысенко, Збирныкъ украин. писень, т. I, № 1). Была проба пріурочить эту легенду къ 1675 г. (Костомаровъ, въ Малор. Сборникѣ Мордовцева), ко времени походовъ турокъ на правобочную Украйну въ эпоху Дорошенка. Такое пріуроченіе было бы всего вѣроятнѣе, но на бѣду ни изъ какихъ документовъ не видно, чтобы турки доходили тогда до Почаева. Притомъ же игуменъ почаевскій Іовъ Желѣзо („отецъ Зализо" пѣсни) умеръ уже въ 1651 г. (Описаніе почаевскія Успенскія лавры, Почаевъ, 1870 г., стр. 39). Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ церковнымъ схематическимъ сказаніемъ, а не съ народнымъ поэтизированіемъ историческаго факта. Въ одной львовской церковной надписи это сказаніе пріурочивается къ замку теребовльскому и къ 1673 г. Въ этой надписи Богородица обращаетъ на турокъ ихъ пули и является на стѣнахъ замка въ образѣ, дословно почти напоминающемъ смоленскія славословія „Скорая помощница пре-

Заключимъ разсужденіе объ этихъ послѣднихъ пожеланіемъ, чтобы кто нибудь на мѣстѣ собралъ ихъ изъ устъ народа, если они тамъ дѣйствительно существуютъ, въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ ихъ сообщилъ Гарасевичъ. Тогда возможно будетъ приступить и къ болѣе обстоятельному ихъ изслѣдованію.

II.

Легенда у г. Садока Барончa и Сѣмѣнскаго о царицѣ Еленѣ, Бунякѣ и королевичѣ, заключенномъ въ подземельи. Сходство конца ея съ нѣмецкой легендой объ императорѣ Фридрихѣ. Вопросъ объ этой послѣдней легендѣ. Ея иранскіе первообразы. Отголоски этихъ послѣднихъ въ Азіи и Европѣ: у буддистовъ, мусульманъ, евреевъ и христіанъ. Отношеніе славянскихъ отголосковъ (сербскихъ, болгарскихъ, чехо-моравскихъ) къ восточнымъ и западнымъ. Отношеніе украинскихъ сказаній о Бунякѣ къ иранскимъ о Джемшидѣ и Дагакѣ. Иранскій элементъ въ украинскихъ сказаніяхъ о сотвореніи міра. Отголоски мессіанистическихъ сказаній въ представленіяхъ о позднѣйшихъ историческихъ личностяхъ на Малой Руси: Добошѣ, Шевченкѣ. Параллель съ великорусскими сказаніями о Стенькѣ Разинѣ и др.

Краткое упоминаніе въ концѣ сообщенія Гарасевича о встрѣчѣ Буняка съ княжной Еленой показываетъ, что ему былъ хоть отчасти извѣстенъ разсказъ, подобный которому помѣщенъ въ книжкѣ Садока Барончa: Bajki, fraszki, podania, przysłowia i pieśni na Rusi (2 wyd., Lwow, 1886, стр. 76—80).

Этотъ разсказъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ, а потому мы начнемъ съ того, что приведемъ его здѣсь вполнѣ:

«Царица Елена какими то тайными средствами выкормила вошь до величины кабана и держала ее въ большой стекляной банкѣ. При этомъ она объявила, что кто отгадаетъ, какой это звѣрь, тому она отдастъ руку вмѣстѣ съ своимъ царствомъ; но кто возьмется, да не отгадаетъ, будетъ казненъ смертью. Много молодыхъ людей, прельщенныхъ красотою царицы и жаждою власти, пробовали счастья, но ни одинъ не могъ отгадать и всѣ казнились на смерть. Наконецъ появился шолудивый Букякъ, дивное созданіе, котораго глаза имѣли такія вѣки, что двое человѣкъ поднимали ихъ

святая Дѣва по мурахъ замковыхъ въ образѣ дѣвическомъ и солнечно-зрачномъ одѣяніи ходящая не точію отъ вѣрныхъ, но и отъ непріятелей, акибы съ воинственными полками, видѣна была“ (Петрушевичъ. Сводная галицко-русская лѣтопись, стр. 175—176).

вилами, если онъ хотѣлъ что нибудь видѣть, и тогда онъ все и всюду видѣлъ на сто миль. Пришедши къ царицѣ Еленѣ и приказавъ поднять себѣ вѣки вилами, взглянулъ онъ на звѣря въ стеклянной банкѣ и сказалъ: «вотъ такъ диво! да это жъ вошь!»

Царица огорченная, что она должна взять себѣ мужемъ такого гадкаго человѣка, ушла съ людьми, оставивши ему царство свое во владѣніе. Но Бунякъ, приказавъ поднять себѣ вѣки, увидѣлъ, гдѣ она скрывается и погнался за нею съ быстротою вѣтра, такъ какъ желалъ больше царицы, чѣмъ царства. Но царица, уходя, приказывала сыпать позади себя горы, которыя Бунякъ, хотя съ трудомъ, переходилъ. Всѣ тѣ горы, которыя тянутся отъ Львова до Кіева, насыпала царица Елена противъ Буняка. Наконецъ ставши въ Подгорцахъ, окопалась она не далеко города Плесниска. Въ это время шелъ польскій королевичъ съ большимъ войскомъ, чтобы завоевать какую нибудь землю и найти себѣ жену, и, узнавъ о затрудненіи царицы Елены, пришелъ съ войскомъ до Подгорецъ, чтобъ стать ей на защиту. Царица скоро полюбила королевича и обѣщала отдать ему руку, какъ только онъ побѣдитъ злого напастника. Но Бунякъ, стремительно пробѣжавъ подъ горы Подгорецкія и узнавши, что тамъ для обороны стоитъ королевичъ, такъ крикнулъ, что даже земля затряслась: «Ты, королевичъ, хочешь войскомъ боронить вѣроломную и отнять у меня жену! Отецъ твой, высылая тебя въ свѣтъ съ войскомъ, наказалъ тебѣ держаться праваго пути, если ты не хочешь погубить себя и войско». Перепуганная царица хотѣла съ царевичемъ и войскомъ его уходить далѣе, но Бунякъ такъ окружилъ ихъ чарами, что они не могли двинуться съ мѣста, видя передъ собою горы, далеко высшія, чѣмъ прежде. И такъ какъ царица, держась за королевича, ни за что не хотѣла идти къ Буняку, то разгнѣванный Бунякъ заклялъ ихъ обоихъ такими словами: «Ты, царица, со своимъ дворцемъ, казною и людьми провалишься; разъ только въ годъ, въ ночь передъ Пасхой, и то на минутку только, ты будешь выходить на верхъ земли съ твоей пышностію и богатствами. Ты жъ, королевичъ, провалишься со всѣмъ твоимъ войскомъ и будешь терпѣть кару. Когда же Польша погибнетъ, тогда каждый годъ будетъ въ пасхальную ночь открываться ходъ до твоего жилища, и кто будетъ такъ счасливъ, что въ эту минуту войдетъ и на твой вопросъ: пора ли уже? отвѣтитъ: «уже

пора для тебя». тотъ станетъ твоимъ избавителемъ. Тогда ты выйдешь съ твоимъ войскомъ и отобьешь отъ враговъ твое королевство». Сказавши это, Бунякъ крикнулъ такъ страшно, что земля и горы затряслись и дворецъ съ царицей, людьми, казною, королевичемъ и войскомъ его провалился [1]).

И дѣйствительно каждый годъ на великую ночь этотъ великолѣпный дворецъ выступаетъ изъ земли, но только праведный у Бога можетъ это видѣть. Разъ двое мальчиковъ пастуховъ увидѣли, какъ онъ выступилъ изъ земли. Движимые любопытствомъ, они глянули въ оверстіе, а тамъ было много денегъ, на которыхъ сидѣлъ паничъ, одѣтый. какъ нѣмецъ. Сынъ богатаго бросилъ туда для шутки шапку сына бѣднаго сосѣда. Бѣдный мальчикъ сталъ плакать: «да меня же убъетъ отецъ, если прійду безъ шапки». Отчаяніе преодолѣло страхъ; мальчикъ вскочилъ въ яму, чтобъ достать шапку; тотъ паничъ насыпалъ ему полную шапку червонцевъ и помогъ выбраться изъ ямы, послѣ чего дворецъ тотчасъ же изчезъ. Мальчикъ, сынъ богатаго, разсказалъ объ этомъ случаѣ отцу, который научилъ его на будущій годъ, когда замѣтитъ это видѣніе, бросить нарочно свою шапку въ яму, полѣзть за нею и возвратиться съ такимъ же количествомъ червонцевъ, какъ сосѣдскій сынъ. На другой годъ мальчики опять имѣли то же видѣніе. Сынъ богача дѣлалъ, какъ приказалъ ему отецъ, но паничъ его удушилъ и выкинулъ въ окно, а шапку съ дукатами далъ бѣдному мальчику, чтобы тотъ отдалъ своей матери, которой въ прошломъ году отецъ его не далъ ничего на упорядкованіе дома. Такъ тогда богачъ, потерявши единое дитя, умеръ отъ горя, а бѣднякъ сталъ большимъ богачемъ и всегда нанимаетъ обѣдни и акаѳисты за царицу Елену, раздаетъ нищимъ милостыню за нее,—и скоро окончится ея покаяніе.

---

[1]) Lucian Siemieński, Podania a Legendy polskie, ruskie i litowskie. Poznań, 1854 г., на стр. 39 разсказываетъ: „въ окрестностяхъ Зборова на Подоліи народъ показываетъ валъ, который тянется съ перерывами, называемый валомъ Ольги. Та княгиня, уходя отъ Батыя, вождя татаръ, обратилась въ мышь и шла подъ землею; вездѣ, гдѣ она рылась, насыпался такой валъ. Безопасное убѣжище она нашла только въ городищѣ, называемомъ Плесниско, вблизи Подгорецъ, гдѣ, запершись въ замкѣ, дала отпоръ ордамъ татарскимъ. На томъ мѣстѣ теперь видно нѣсколько могилъ, а вблизи стоитъ монастырь базиліанъ. *Примѣч. С. Б.* Подобное въ другой статьѣ Сѣмѣнскій вставляетъ въ уста крестьянина на Волыни (см. выдержку въ Вѣстникѣ Европы, 1866 г. ноябрь, стр. 330).

»Разъ на великую ночь старикъ-монахъ (базиліанинъ) послѣ святыхъ разговѣнъ вышелъ изъ монастыря подгорецкаго на прогулку. Но едва онъ ступилъ нѣсколько шаговъ, видитъ: проявился какой то ходъ въ горѣ, котораго прежде тамъ не было. Вошелъ онъ въ эту пещеру, и тамъ нашелъ рыцарей въ желѣзной збруѣ; сидятъ на коняхъ. Впереди стоявшій въ свѣтлой золотой збруѣ схватилъ бубенъ и спросилъ базиліанина, можно ли ударить, пора-ли? Базиліанинъ, перепуганный, убѣгая крикнулъ: «не пора!» Сейчасъ же за нимъ замкнулась пещера, и королевичъ съ войскомъ тамъ будетъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока какой счастливый у Бога человѣкъ не попадетъ на него въ минуту открытія пещеры и, не перепугавшись, отвѣтитъ на его вопросъ: »уже пора!» Тогда королевичъ выйдетъ съ войскомъ, освободитъ Польшу, а того, кто его избавитъ, поставитъ королемъ, либо королевой, смотря по тому, будетъ ли это мущина, или женщина. Но весь успѣхъ этого дѣла зависитъ отъ того, чтобъ не испугаться, какъ базиліанинъ, который зналъ о томъ хорошо и хотѣлъ сказать: «уже пора», но отъ страха сказалъ: «еще не пора!» Но кто знаетъ, какъ еще долго будетъ тамъ сидѣть этотъ королевичъ [1]).

---

[1]) *Примѣчаніе С. Баронча.*—„О княжнѣ Еленѣ мало знаемъ изъ исторіи. Говорятъ, что она была дочка Всеволода, князя кіевскаго, что во время Батыя, вождя татаръ, ушла изъ Кіева до Плесниска, выступала противъ ордъ невѣрныхъ и заложила въ 1180 г. монастырь базиліанъ въ Подгорцахъ, гдѣ можно видѣть образъ, масляными красками писанный, представляющій княжну Елену громящею татарское ополченіе. По однимъ она одержала знаменитую побѣду, по другимъ легла на полѣ битвы по взятіи Плесниска. Что до Буняка, то о немъ также мы не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній. Говорятъ, что это былъ вождь и князь половцевъ въ первой половинѣ XII вѣка, между 1118 и 1140 годами. Онъ вмѣшивался въ домашнія войны князей русскихъ, помогалъ князю Владимірку галицкому и перемышльскому въ его освобожденіи изъ подъ власти великаго князя кіевскаго, Изяслава II, котораго разомъ съ королемъ венгерскимъ, вѣроятно, Гейзой, побилъ на голову подъ Перемышлемъ. Въ Черницѣ подъ Бродами есть остатокъ рва, тянущагося отъ россійской границы черезъ Поникву; народъ зоветъ его „Буняковъ шляхъ". Вагилевичъ (Berda w uryczu; помѣщено въ Bilioteka naukowego zakladu Ossolińskich, t. II, 1843, стр. 163) говоритъ: „когда татаре заняли княжество галицко-владимірское...., во главѣ ихъ стоялъ тотъ страшный шелудивый Бунякъ, полудемонъ, съ паршами, шелудями на головѣ, съ вѣками длинными до земли, которыя слуги его поднимали, по его приказу, золотыми вилами, и съ открытымъ брюхомъ"... Стр. 166: „татаре въ первомъ грозномъ нападеніи на Русь подъ предводительствомъ шелудиваго Буняка, полудемона! Это одно лице съ Батыемъ Iosefowicz, (Kronika miasta Lwówa, 1854, стр. 268)

Для удобства изслѣдованія, мы на время оставимъ въ сторонѣ начало выше приведенной легенды о сватовствѣ Буняка, а обратимся къ второй его половинѣ, о заключеніи королевича подъ землею. Эта часть сразу бросается въ глаза своей близкой родственностію съ знаменитой нѣмецкой легендой о спящемъ въ горѣ императорѣ, извѣстной теперь всему литературно-образованному міру по патріотической обработкѣ ея поэтомъ Рюккертомъ (1813). Прежніе ученые, встрѣчая варіанты этой легенды въ разсказахъ разныхъ народовъ, почти исключительно впрочемъ у германскихъ и славянскихъ, усматривали въ ней позднѣйшую антропоморфическую редакцію древняго космическаго миѳа о солнечномъ богѣ (Одинѣ, Сванетовичѣ) спящемъ ночью или замершемъ на зиму въ подземномъ мірѣ [1]).

Въ настоящее время, если по поводу подбныхъ легендъ можно говорить о первобытныхъ натуралистическихъ миѳахъ, то развѣ только объ элементахъ, какіе вошли изъ такихъ миѳовъ (солнечнаго круга) въ древне-зендскія мессіанистическія представленія, которыя повліяли на представленія болѣе западныхъ народовъ, начиная отъ евреевъ. Затѣмъ элементы этихъ, уже сравнительно позднихъ, по своему философски-космогоническихъ идей, а не древнихъ, наивно-натуралистичессихъ образовъ, осложнившись въ еврейской средѣ мессіанизмомъ національнымъ, перешли въ восточно-христіанскій міръ и прошли здѣсь въ двухъ теченіяхъ: во 1-хъ) въ идеѣ о мессіи враждебномъ, антихристѣ, который, разъ появившись, скрылся на время, чтобъ потомъ опять явиться наружу (такъ думали о Геронѣ, первомъ антихристѣ) и въ 2-хъ въ идеѣ о мессіи національномъ, который тоже замираетъ, или удаляется отъ міра, какъ Енохъ или Илія у евреевъ, но потомъ пробудится или возвратится, побѣдитъ враговъ невѣрныхъ передъ послѣднимъ приходомъ Мессіи

говоритъ: „нѣкоторые подъ именемъ шелудиваго Буняка разумѣютъ Болеслава храбраго, найхрабрѣйшаго короля польскаго въ тѣхъ сторонахъ". *Прим. С. Б.* Примѣчаніе это интересно, какъ смѣсь обрывковъ мѣстныхъ преданій съ довольно невѣжественными мудрованіями современныхъ даже галицкихъ книжниковъ.

[1]) Jak. Grimm, Deutsche Mythologie, 3-te Aufl. 1854 г., стр. 903 и дальше, гдѣ впрочемъ сведенъ матеріалъ, который теперь можно объяснить и въ другомъ смыслѣ,—и Grohmann, Sagenbuch von Böhmen und Mähren, I, Prag. 1863 г., стр. 8—9.

божественнаго, Христа [1]). Въ такого рода канву вплелись еще детальные образы изъ легенды объ Александрѣ Македонскомъ (который отчасти самъ принялъ мессіанистическую окраску въ народныхъ преданіяхъ), заключившемъ-де въ подземелье или среди горъ чудовищные и нечистые народы, которыхъ еврейско-византійская ученость отождествляла съ библейскими Гогомъ и Магогомъ. Эти народы, говорилось, появятся наружу передъ концемъ міра. Всѣ эти легендарные элементы, разнообразно переплетенные между собою и развившіеся, находимъ уже въ византійскихъ, такъ называемыхъ «Откровеніяхъ Меѳодія Патарскаго», которыхъ основа должна была накопиться въ византійскомъ мірѣ еще подъ впечатлѣніемъ побѣдъ надъ христіанами новоперсовъ въ VI в. и потомъ развиться во время побѣдъ арабовъ-мусульманъ въ VII—VIII вв. [2]). Особенно эти послѣдніе заставили восточныхъ христіанъ вспомнить о запертыхъ Гогѣ и Магогѣ, ожидать пришествія антихриста и конца міра и видѣть въ побѣдоносныхъ императорахъ (Ираклій, Михаилъ III) проснувшихся посланниковъ Божіихъ. Такого рода восточно христіанскія, разработанныя въ византійской писменности, представленія считаются главнымъ источникомъ легендъ у ново-европейскихъ народовъ о скрывающихся въ подземельяхъ герояхъ.

Изъ этихъ легендъ найбольшую извѣстность прібрѣли нѣмецкія. Они же удостоились найболѣе тщательной научной обработки. Въ послѣдніе годы этимъ легендамъ посвящены были очень обстоятельные труды Георга Фойгта (G. Foigt. Die deutsche Kaisersage, въ Hiztorische Zeitschrift, v. 4. z., Sybel XXVI, 1871, стр. 131—187) и Зильмунда Рицлера (S. Riezler—Zur Deutschen Kaisersage, ibid. XXXII, 1874 г., стр. 63—75), послѣ которыхъ русскій ученый г. А. Веселовскій съ большою полнотою разработалъ источники

---

[1]) Мы представляемъ такую схему этихъ идей въ мірѣ западномъ; но и въ самомъ Иранѣ македонское завоеваніе и потомъ борьба съ Римомъ и Византіей создали и національно-мессіонистическую струю, которая, какъ увидимъ дальше, должна была въ свою очередь оказать вліяніе на западъ.

[2]) Авторитетные ученые относятъ время окончательной редакціи этихъ откровеній къ VIII (Гутшмидъ около 718) или къ XI в. (Деллингеръ, котораго статья „Der Weissagungslaube und das prophetentum in der chritlichen Zeit въ Histor. Taschenbuch Раумера, продолж. Рилемъ, V, очень важна для даннаго вопроса.

нѣмецкой легенды въ цѣломъ и частяхъ въ «Откровеніяхъ Меѳодія» и аналогическихъ имъ византійскихъ писаніяхъ и западныхъ ихъ подражаніяхъ,—въ статьяхъ «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды»: I) Откровеніе Меѳодія и византійско-германская императорская сага; II) Легенда о возвращающемся императорѣ; III) Легенда о скрывающемся императорѣ (Журналъ Минст. Нар. Просвѣщ. 1875, IV и дальше). Къ сожалѣнію малорусскіе отголоски данныхъ легендъ ускользнули отъ вниманія русскаго академика [1]). На основаніи названныхъ трудовъ, исторія развитія нѣмецкой легенды представляется въ такомъ видѣ: идея о неумершемъ, а скрывающемся антихристѣ была примѣнена въ Италіи къ врагу папы, Фридирху II Гогенштауфену, который кстати же имѣлъ и своихъ самозванцевъ, какъ и Неронъ—антихристъ. Со временемъ въ Германіи враги папской церкви стали ждать появленія этого императора, уже какъ національнаго мессіи, который между прочимъ освободитъ міръ отъ поповъ, какъ гробъ Господень отъ турокъ. Въ эпоху реформаціи и послѣдующую, во время конфликта германскихъ императоровъ австрійскаго дома съ турками, которые успѣли занять и Константинополь, послѣдній мотивъ легенды развился болѣе, между тѣмъ какъ первый, противупоповскій, атрофировался. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно измѣнялась и матеріальная обстановка сюжета: императоръ сначала считался скрытымъ неизвѣстно гдѣ, потомъ бродящимъ и скрывающимся въ развалинахъ разныхъ замковъ, наконецъ во внутренностяхъ горъ, при чемъ легенда стала локализироваться: въ Унгербергѣ (около Зальцбурга) или Киффгейзерѣ (въ Тюрингіи, гдѣ въ XV в. былъ уже въ развалинахъ старый замокъ саксонскихъ императоровъ, въ которомъ бывалъ и Фридрихъ I Гогенштауфенъ) и т. п. Затѣмъ легенда стала привязываться къ разнымъ другимъ именамъ, какъ болѣе древнимъ (Фридриху Барбароссѣ, имя котораго повело за собою разработку образовъ о бородѣ спящаго императора, къ Карлу Великому, Дитриху-Теодо-

---

[1]) Мы не имѣемъ подъ рукою еще новаго небольшаго нѣмецкаго труда J. Häussner, Die deutsche Kaiersage (Bruchsal, Druck von D. Weber 1882 г., стр. 49 §. Programm). Судя по рецензіи Либрехта (Götting. gel. Anzeigen, 1882 г., стр. 1466—1472), этотъ трудъ похожъ на работу г. Веселовскаго, какъ по своимъ идеямъ, такъ и по объясненію подробностей легенды, въ родѣ сухаго дерева, на которое послѣдній императоръ повѣситъ свой щитъ, и т. п.

риху, или даже болѣе позднимъ, какъ принцъ Карлъ. Гоферъ и т. п). Та форма нѣмецкой легенды, которая теперь извѣстна образованному міру и къ которой близокъ и нашъ варіантъ, т. е. та, въ которой слился образъ спящаго императора съ образомъ заключеннаго въ подземельи войска, въ добавокъ окруженнаго драгоцѣннастями, можетъ быть уловлена только въ памятникахъ столь поздняго времени, какъ XVI—XVII вѣка [1]). Изъ этихъ варіантовъ мы остановимся на собранныхъ писателемъ конца XVII в. Преторіусомъ; они интересны, какъ ближайшіе къ тѣмъ, какіе легли въ основу стихотворенія Рюккерта, а равно и по своему сходству съ нашимъ сказаніемъ и въ тоже время по своимъ отличіямъ отъ него. По этимъ разсказамъ, въ горѣ Кифгейзерской сидитъ императоръ Фридрихъ въ глубокомъ снѣ; борода его спускается далеко на землю со стола, у котораго онъ сидитъ на скамьѣ. Такъ нашелъ его однажды пастухъ, которато привелъ къ нему карликъ. Императоръ поднялся и спросилъ: «летаютъ ли еще вороны около горы?» Когда пастухъ отвѣтилъ утвердительно, императоръ сказалъ, что онъ долженъ спать еще сто лѣтъ,—и отпустилъ пастуха съ большими подарками. Другой разъ въ пещеру проникъ крестьянинъ, который продалъ императору свою пшеницу [1]).

Устные разсказы, записанные въ окресностяхъ Киффгейзера (A. Kuhn und Schwartz—Norddeutzche. Sagen, Märchen und Gebräuche etc Leip. 1848 г., стр. 217—223) представляютъ императора (просто Фридриха, или Рыжебородаго, или Оттона или Маркграфа Ганса) въ пещерѣ, окруженнымъ сокровищами: «золотомъ, виномъ, лошадьми» Около него нѣкоторые разсказы помѣщаютъ дочь его, или экономку, иногда Frau Hülle (Hölle). Если кто проникнетъ въ пещеру (пастухъ, музыканты и т. п), то получаетъ вино или золото, которое иногда имѣетъ видъ костей, или пакли и оказывается золотомъ уже на дому получившаго. Иногда проникновеніе въ секретную пещеру имѣетъ печальныя послѣдствія (Ср. тамъ-же, 215—217, Frau Hulle mit den Goldknotten) [2]).

---

[1]) У Фойгта, стр. 175—182. Br. Grimm, Deutsche Sagen, 2-te Ausg, т. I, №№ 22, 23, 26, 27, 28; т. II, №№ 296, 237.

[1]) Вспомнимъ впрочемъ, что и Меѳодьевымъ откровеніемъ при царѣ мессіи „объявлятся вси кладове въ царствіи его, иже отъ Адама сокровенны суть. Царь же Михаилъ начнетъ давати людямъ богатство всякое...“.

Изслѣдованіе нѣмецкой легенды нельзя впрочемъ считать окончательнымъ. По нашему мнѣнію, остается еще опредѣлить точнѣе ея первоначальные источники, которые должны лежать еще дальше на Востокѣ, чѣмъ Византійская имперія, а также точнѣе опредѣлить ея отношеніе къ родственнымъ легендамъ другихъ европейскихъ народовъ, какъ болѣе западнымъ, въ родѣ легенды объ Артурѣ, такъ и славянскимъ. Мы не возьмемъ на себя спеціально этой задачи, но позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній, по возможности не очень удаляясь отъ нашего частнаго предмета.

Еще въ 1849 г. извѣстный зендистъ Фр. Шпигель въ статьѣ Die Sage von Säm und das Sämnahme (въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, III. B. 245—261) мимоходомъ обратилъ вниманіе на сходство нѣмецкой киффгейзерской легенды съ иранскими преданіями о божественной сначала, а потомъ героической личности Сама, и потомъ повторилъ свое сближеніе въ новомъ трудѣ Eränische Alterthumskunde (1871, т. I, стр. 257—264). Уже въ древне-иранскихъ памятникахъ, частяхъ Зендавесты, Самъ является однимъ изъ видовъ Кересары, иранскаго Геракла, воюющимъ со зміями и другими порожденіями бога зла. Онъ пораженъ въ борьбѣ, но живъ, и тѣло его стерегутъ 99,999 духовъ, фраваши.

Болѣе поздніе памятники, редижированные въ эпоху Сассанидовъ (III—VII в. по Р. Хр.) и тотчасъ по ней, но изъ древнихъ матеріаловъ, рисуютъ намъ Сама и его обстановку въ образахъ, во многомъ напоминающихъ императоровъ, посланниковъ «Откровенія Меѳодія» и ихъ западныхъ подражаній. Такъ *Минокиредъ* (книга о небесномъ разумѣ=Sophia) полагаетъ сонъ Сама, оберегаемаго 99,999 фраваши у подножія горы Дамавенда, въ которой заключенъ змій Дагака, главнѣйшее порожденіе злаго бога, своего рода антихриста. *Бундегешъ* (книга о началѣ, твореніи, бытіи) предсказываетъ, что когда передъ концемъ текущаго періода змій Дагака опять вырвется наружу, Самъ, котораго поразилъ нечистый туранецъ, встанетъ и убьетъ его. Двѣ другія книги, *Bahma-yasht* и *Jmaspanâma*, представляющія въ видѣ разговоровъ (въ первой самъ Заратунтра съ Оромуздомъ, во второй Ямаспа, его современникъ, съ царемъ Гудаспой) судьбу міра, преимущественно персовъ, составляютъ спеціальныя «откровенія», въ которыхъ видное

мѣсто занимаетъ появленіе посланниковъ для спасенія персовъ отъ враговъ и злаго бога: «Передъ концемъ текущаго періода міра наступятъ великія бѣды. Враги невѣрные нападутъ на персовъ; произойдетъ великая битва, такъ что кровь будетъ вертѣть мельницы. Тогда явится спасительный царь и временно поправитъ дѣло. Но зло опять возьметъ верхъ, послѣ чего Оромуздъ опять воззоветъ спасителя, который родится далеко (въ Китаѣ или Индіи) и котораго рожденіе возвѣститъ звѣзда, а также новаго пророка. Затѣмъ наступитъ страшный холодъ и переморитъ людей. *Тогда откроется Варъ* (сокровенный садъ, нѣкогда рай) *Джемшида, оттуда выйдетъ народъ его и населитъ землю.* Но зло опять пойдетъ по землѣ, пока не появится самъ *Созіохъ* (міровой мессія), но при немъ тогда вырвется на волю Дагака. Противъ этого своего рода антихриста встанетъ, по приказанію высшаго бога, Самъ, который обратитъ самаго Дагака къ вѣрѣ Созіоха; настанетъ всеобщее воскресеніе мертвыхъ, очищеніе людей въ огнѣ и полученіе ими новаго тѣла и блаженства[1]).

Мы подчеркнули выше въ изложеніи откровеній *Jamaspa-nâme* эпизодъ о выходѣ изъ Вара (сада) населенія его съ Іемомъ. Этотъ эпизодъ почему то не сближается Шпигелемъ съ киффгейзерской легендой, а между тѣмъ онъ указываетъ на такія иранскія представленія, которыя во многомъ имѣютъ еще болѣе сходства съ этой легендой, чѣмъ самыя представленія о Самѣ, и при томъ, по крайней мѣрѣ часть ихъ, изложены въ книгѣ столь древней и столь великаго авторитета въ извѣстномъ кругѣ, какъ Авеста. Во второй главѣ части ея, называемой Вендидатъ, расказывается судьба Іимы (потомъ Іемъ, дальше Джемъ, Іима Кшеста, Іима царь, Джемшадъ новоперсидской книги царей Фирдуси). Лицо это, Іама въ Ведахъ, принадлежитъ еще къ общимъ преданіямъ восточно-арійскихъ народовъ, и въ индійскихъ Ведахъ сохранило еще ясно условимыя черты солнечнаго божества, которое впрочемъ уже стало и первымъ человѣкомъ (вмѣстѣ съ сестрой своей Іами), и въ тоже время, но какъ «первымъ перепpавившимся въ страну мрака смерти», и царемъ подземнаго міра и вмѣстѣ предковъ. Въ спеціально иранскомъ памятникѣ, въ Авестѣ, Іима уже отдѣлился отъ космическихъ обра-

---

[1]) Spiegel, op. cit, а также Die traditionelle Literatur der Parsen, 128—134, 181—182; Avesta, I, 32—34; Der Bundehesh übers, von Justi, cap. XXX, стр. 39—42.

зовъ и является только первымъ изъ человѣковъ, съ которыми вступаетъ въ прямыя сношенія Агурамузда (Ормуздъ). Іима, повинуясь богу, сталъ покровителемъ, кормильцемъ и провидцемъ міровъ, въ которыхъ не было ни холоднаго вѣтра, ни жару, ни разложенія, ни смерти, и которые наполнились скотомъ, людьми, собаками, птицами и краснымъ горящимъ огнемъ. Царство это все расширялось, по молитвѣ Іимы, при помощи золотаго копья, даннаго ему Агурамуздой; но наконецъ богъ предупредилъ его, что настанетъ зима съ ея бѣдствіями, и велѣлъ ему очертить на землѣ четвероугольникъ, обвести его стѣнами и собрать туда найбольшія, найлучшія, найкрасивѣйшія каждаго рода твари и запереться съ ними. Іима такъ и сдѣлалъ, и живетъ въ этомъ саду (вара), гдѣ свѣтитъ свой свѣтъ, гдѣ нѣтъ ни споровъ, ни непріязни, обмана, бѣдности, болѣзни, длинныхъ зубовъ, ни другой несоразмѣрности, никакихъ признаковъ того, что сдѣлалъ людямъ Агромайніусъ (Ариманъ). Тамъ *свѣтитъ свой свѣтъ, годъ считается за день, а птица Каршипта научаетъ населеніе священному закону* [1]). Вышеприведенный отрывокъ Авесты не опредѣляетъ мѣстонахожденія, гдѣ скрывается Іима; но Минокеридъ помѣщаетъ его *варъ* подъ землей, а Бундегешъ *подъ горой Демканъ* [2]). Другая часть Авесты Іаштъ даетъ нѣсколько другую варіацію легендѣ о Іимѣ, упоминая о томъ, какъ отъ него *отлетѣло, въ видѣ птицы, царское величіе*, потому что онъ началъ любить «лживыя рѣчи». Здѣсь говорится и о томъ, какъ демонъ Спитіура послѣ этого разсѣкаетъ Іиму. Но и здѣсь отлетаніе царскаго величія совершается три раза, а потому и здѣсь сохраняется слѣдъ идеи о томъ, что Іима продолжаетъ жить въ своемъ раю, котораго образъ рисуетъ и Zamyad-yast словами одинаковыми съ Вендидабъ. Когда во второй разъ величіе отлетѣло отъ Іимы, тогда его перехватилъ Трастаона (Феридунъ въ Шахъ-Наме) который и побѣдилъ змія Дагаку, созданнаго злымъ богомъ, врага Іимы и людей [3]).

---

1) Avesta, übers, v. Spiegel, т. I, стр. 70—77.

2) Ibid., стр. 69. Einleitung in die traditionelle Litteratur der Parsen, т. I, стр. 140, 171. Eran. Alterthumskunde, т. I, стр. 528, Avesta, т. III, LIX. Der Bundehest, üb. v. Justi, c. XXX.

3) Avesta, üb. v. Spisegel, т. III, стр. 175 и слѣд. (Zamyad—yast).

Такъ какъ Авеста дошла до насъ уже въ отрывкахъ, то мы и не можемъ гадать о томъ, какъ примирялось у древнихъ иранцевъ противурѣчіе между двумя вышеупомянутыми варіантами сказанія о Іимѣ и его раѣ. Но мы видимъ, что въ болѣе позднихъ иранскихъ религіозныхъ книгахъ воспреобладало такое представленіе, по которому Іима живетъ подъ землею, и къ нему прибавилось еще и то, что онъ въ свое время выйдетъ наружу, такъ точно, какъ въ свое же время вырвется на волю и его врагъ,—змій Дагака, побѣжденный, но, согласно этимъ позднѣйшимъ книгамъ, не убитый Трастаоной.

Такимъ образомъ *уже въ легендѣ о Іимѣ мы имѣемъ всѣ элементы европейскихъ сказаній, насъ занимающихъ.* Эти элементы, привязываясь въ послѣднемъ счетѣ къ первобытнымъ натуралистическимъ миѳамъ, могли конечно сложиться и во всякой другой странѣ [1]), но они разработались спеціально въ иранскихъ вѣрованіяхъ, въ согласіи съ идеями дуалистическими, которыя, хотя находятся во всѣхъ почти религіяхъ, но съ наибольшей логичностью и мелочностью разработаны именно въ иранской религіи. Вслѣдствіе этого именно иранскія легенды этого круга и распространились среди сосѣднихъ съ иранцами, а потомъ и дальнѣйшихъ народовъ. Это распространеніе сдѣлалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что Иранъ въ эпоху Сассанидовъ явился первенствующимъ государствомъ западной Азіи, которое поддерживало живой культурный обмѣнъ въ одну сторону—съ Индіей, которой буддизмъ распространялся тогда въ Афганистанѣ и изъ которой иранцы вынесли тогда переводъ басенъ, потомъ переданный черезъ арабовъ (Kalila ve Dimna) всему западу, а съ другой съ евреями и христіанами, которые (особенно еретики, гонимые въ византійской имперіи) имѣли свои школы въ Вавилоніи, принадлежавшей Сассанидамъ [2]).

---

[1]) Подобныя сказанія видитъ Піо (Sagnet om Holger Danske, стр. 76—77) даже у мексиканцевъ въ вѣрованіяхъ о Квецалькоатлѣ. Впрочемъ детали образовъ, въ какихъ тольтеки, а за ними и ацтеки, представляли себѣ удаленіе, сонъ и будущее возвращеніе этого бога (жреца), довольно далеки отъ извѣстныхъ образовъ народовъ стараго свѣта (См. Réville, Histoire des réligions, т. II. La Réligion du Mexique, de l'Amérique centrale et du Perou, стр. 71—84).

[2]) См. объ этомъ между прочимъ у Шпигеля, Avesta, т. I, стр. 23—26. Въ ту эпоху были христіане, которые ставили Зароастра въ число предшественниковъ Христа. Впрочемъ еще раньше извѣстная симпатія христіанъ къ Ирану запечатлѣлась въ сказаніи о магахъ, которые поклонялись ребенку—Іисусу.

Даже у индійскихъ буддистовъ, которыхъ вѣрованія и сказанія сами такъ далеко распространились на западъ, можно усмотрѣть отголосокъ занимающей насъ иранской легенды въ сказаніи о первомъ ученикѣ Будды—Сакіамуни, Касіапѣ, который удалился въ гору Куккута-Пада и останется тамъ, пока не явится новый Будда, Майтрея [1]).

Въ передней Азіи отголосокъ подобныхъ вѣрованій пережили даже воинственный натискъ идей исламизма. Разныя магометанскія секты, преимущественно шіитскія, сохраняютъ у себя вѣрованія о святыхъ имамахъ, которые де не умерли, а живутъ въ чудесныхъ пещерахъ, откуда выйдутъ въ свое время, чтобъ уничтожить нечестіе и доставить торжество по всему міру истинной вѣрѣ пророка [2]). Изъ числа такихъ вѣрованій для насъ особенно интересно то, которое относится къ имаму Али, который, будучи преслѣдуемъ врагами, обратился къ богу, былъ подхваченъ небесной силой, перенесенъ за Іорданъ и скрытъ отъ людей до рѣшительнаго времени [3]).

Также точно пережили эпоху процвѣтанія старо-иранской религіи и сказанія о злыхъ существахъ, заключенныхъ въ подземельяхъ. Таковы особенно образы, которые находимъ въ книгѣ 1001 день, въ разсказѣ о демонахъ, заключенныхъ въ серединѣ земли Соломономъ, на котораго у теперешнихъ мусульманъ вообще перенесено много вѣрованій о старѣйшихъ герояхъ [4]). Мы будемъ еще имѣть случай возвратиться къ этимъ образамъ. Теперь замѣтимъ, что они должны были оказать вліяніе и на сложеніе образовъ о заключеніи Александромъ Македонскимъ нечистыхъ народовъ.

Что касается евреевъ, то даже, оставляя ихъ болѣе древнія идеи, сложившіяся въ эпоху плѣненія вавилонскаго и староперсидскаго царства,—изъ эпохи ихъ болѣе позднихъ мессіанистическихъ

---

[1]) Spiegel, Avesta, т. I, стр. 37—38.

[2]) D'Herbelot. Bibliothèque orientale, слово Mahadi (желанный, мессія) Freitag, Chrestomatie Arabe, стр. 162.

[3]) Pio, Sagnet om Kolder Danske; стр. 75.

[4]) P. Langlois, Les Mille et un jorus, день 185—186 и др. Болѣе западные отголоски подобныхъ сказаній см. напр. въ статьѣ г. Вс. Миллера: Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ, въ журналѣ Мин. нар. Просвѣщенія, 1883 г., январь.

ожиданій, мы имѣемъ книгу Abgat-Rocel, которую можно принять за прямую передѣлку упомянутыхъ выше иранскихъ откровеній. Въ ней между прочимъ предсказывается пришествіе мессіи, сына Іосифа, который побѣдитъ христіанъ и возвратитъ въ Іерусалимъ сосуды храма, потомъ появленіе Армита (своего рода антихриста), борьбу съ нимъ Михаила архангела и пророка Иліи; при появленіи Иліи, взятаго на небо, *оживутъ мертвые, погребенные въ Іерусалимѣ*, и Илія и мессія, сынъ Давидовъ, станутъ жить въ этомъ городѣ тысячу лѣтъ, послѣ чего наступитъ второе воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ [1]). Сильно напоминаютъ иранскія пророческія книги и многія мѣста книгъ еврейской Сивеллы, усвоенныхъ потомъ и христіанами [2]).

Сравнивая *Откровенія Меѳодія* съ упомянутыми выше иранскими книгами, нельзя не сдѣлать предположенія, что и этотъ памятникъ византійской письменности *вдохновлялся непосредственно, или посредственно иранскими откровеніями* и потому передалъ иранскія представленія и новоевропейскимъ народамъ. Это предположеніе найдетъ за себя аналогію въ распространеніи именно черезъ иранцевъ индійскихъ басень Камлы и Димны, а также повѣсти о Варлаамѣ и Іосафатѣ, которой древнѣйшія христіанскія редакціи непремѣнно предполагаютъ иранское посредничество между ними и житіемъ Будды. Но кромѣ этого *иранскіе образы* о замершемъ или заключенномъ подъ землею религіозно-національномъ героѣ, а равно и ихъ переднеазіатскіе отголоски, *должны были двигаться на западъ и сами собою устнымъ путемъ*. Такое движеніе должно было между прочимъ способствовать превращенію въ устныхъ европейскихъ сказаніяхъ заимствованныхъ ими изъ византійской письменности антипатичныхъ образовъ заключенныхъ Александромъ Македонскимъ нечистыхъ народовъ въ симпатичный образъ товарищей спящаго національнаго мессіи, которыхъ прототипомъ слѣдуетъ считать тѣхъ 99,999 духовъ, которые стерегутъ тѣло Сама.

Нѣкоторые южнославянскія редакціи темы, родственной съ киффгейзерской легендой, носятъ на себѣ явные слѣды такого уст-

---

[1]) Avesta, Spiegel, т. I, стр. 36—37.

[2]) См. особенно III книгу F. Delaunay, Moines et Silyles dans l'antiquité Judeo-Grecque, стр. 360 и слѣд.

наго перехода съ востока. Такова напр. сербская легенда о томъ, что когда Марко королевичъ въ послѣдней своей битвѣ, увидѣвъ, что товарищей его погибло столько, что люди и кони плавали въ крови, поднялъ руки къ небу и воскликнулъ: «Боже, что мнѣ теперь дѣлать?!» то богъ перенесъ его въ невѣдомую пещеру, гдѣ онъ и заснулъ, засунувъ свою саблю въ камни; около него спитъ его конь; сабля постепенно высовывается наружу, а конь поѣдаетъ кормъ; когда сабля совсѣмъ высунется, а конь поѣстъ весь кормъ, Марко выйдетъ вновь на свѣтъ [1]). Эта легенда есть очевидный отголосокъ легенды объ Али. Въ тоже время болгарскія представленія о Маркѣ носятъ на себѣ слѣды иранскихъ легендъ: Марко сидитъ въ пещерѣ, конь его въ другой, а собака его въ третьей; будетъ время, когда онъ выйдетъ и освободитъ болгаръ отъ турокъ, а пока онъ окруженъ *самодивами*, *халями* (существа въ родѣ самовилъ=самодивъ=вилъ, только болѣе злыя и страшныя) и змѣями, которыя всѣ приносятъ ему вѣсти отовсюду и служатъ ему, исполняютъ его волю [2]). Этотъ образецъ напоминаетъ Джемшида въ представленіи Шахъ-наме, по которому иранскій царь съумѣлъ подчинить себѣ демоновъ, которые служили ему до его грѣхопаденія, гордости [3]). Быть можетъ, и тѣ горныя птицы, которыя летаютъ около убѣжища нѣмецкаго императора, есть ничто иное, какъ отголоски этихъ слугъ Джемшида и Марка.

Сказанія западно-славянскія, изъ которыхъ болѣе извѣстные чехо-моравскія, такъ близки къ нѣмецкимъ, что теперь трудно сказать, которыя изъ нихъ старѣе и оригинальнѣе. Таковы напр. чешскія сказанія о королѣ Венцелѣ, живущемъ въ горѣ Бланикѣ [4]).

---

[1]) Въ Карадчичъ, Српски Рiечник, стр. 346. Другая легенда (тамже, а также у Болгаръ, Grohmann Sagen Buch von Böhmen und Mähren, т. I, стр. 10) о томъ, что Марко ушелъ въ пещеру, когда увидѣлъ въ первый разъ ружье, которымъ и „послѣдняя мелочь можетъ убить юнака", есть уже позднѣйшая поблѣднѣвшая варьяція старой темы.

[2]) Периодическо описание на Българското книжовно дружество. Май и юний, 1885 г., стр. 445—446.

[3]) Livre des rois, trad. par J. Mohl, 1876 г., т. I, стр. 33.

[4]) Изъ нѣсколькихъ разсказовъ, которые приводитъ Grohmann о горѣ Бланикѣ, мы изложимъ здѣсь только два. Разъ пришелъ къ кузнецу, жившему неподалеку горы, незнакомецъ, который повелъ его за собою и ввелъ въ гору. Тамъ кузнецъ увидѣлъ рыцарей, сидящихъ на коняхъ, положивъ во снѣ го-

Но моравскія сказанія сохранили явное указаніе на то, что они образовались прямо подъ вліяніемъ книжныхъ представленій объ Александрѣ Македонскомъ, передѣланныхъ устнымъ вліяніемъ; въ горѣ Бухлавъ или Радгость скрывается-де войско *Гой-Магой*, но только оно дружественно Моравіи, такъ какъ возвеличитъ ее [1]).

Сравнивая теперь съ изложенными выше наше малорусское сказаніе, мы видимъ, что оно во многомъ близко къ народнымъ чешскимъ и позднѣйшимъ народнымъ нѣмецкимъ. Значитъ ли это, что оно, если не составляетъ совсѣмъ отголоска этихъ западныхъ формъ данной легенды, то подверглось ихъ вліянію, или-же что наше сказаніе составляетъ промежуточную форму между самыми древними азіятскими и византійскими варіантами и этими западными? Мы не беремъ на себя смѣлости отвѣчать рѣшительно на эти вопросы, уже потому, что мы имѣемъ подъ рукою пока одинъ варіантъ С. Барончя съ обрывками другихъ, но считаемъ возможнымъ представить читателямъ и будущимъ изслѣдователямъ нѣсколько соображеній въ пользу древности малорусскаго варіанта.

Главное отличіе этого варіанта отъ западныхъ состоитъ въ выведеніи на сцену не только національнаго героя, заключеннаго въ горѣ царевича, но и врага—Буняка. Интересно, что уже въ нашей лѣтописи появленіе половцевъ съ Бунякомъ было первымъ поводомъ къ перенесенію къ намъ византійской редакціи легенды о заключенныхъ Александромъ Македонскимъ нечистыхъ народахъ (см. выше). Можно предположить, что подобное сказаніе проникло

ловы на шеи животныхъ. Незнакомецъ приказалъ кузнецу подковать коней, но такъ, чтобъ не разбудить спящихъ. Оканчивая работу, кузнецъ толкнулъ одного рыцаря. Этотъ проснулся и спросилъ: „уже пора?"—Еще нѣтъ, сказалъ незнакомецъ и погрозилъ кузнецу пальцемъ. За работу кузнецъ получилъ старыя подковы, которыя оказались золотомъ, когда онъ вышелъ на свѣтъ, но за то оказалось, что кузнецъ пробылъ въ горѣ цѣлый годъ и что его считали уже умершимъ.—Въ другомъ разсказѣ крестьянинъ, отправившись на Тройцу искать свою пропавшую лошадь, попадаетъ на моментъ, когда гора раскрылась и слышитъ, какъ рыцари пробуждаются и спрашиваютъ вождя: пора ли уже?—Онъ также пробылъ годъ. Въ третьемъ смѣльчакъ, пошедшій въ гору, пробылъ тамъ 100 лѣтъ.

[1]) Чешскія и моравскія легенды см. у Grohmann, Sagen Buch von Böhmen und. Mähren, стр. 13—61. Hennam Rhyn, Die Deutche Volksage, стр. 517, 528 (изъ Vernalecken, Mythen und Bräuche des Volkes in Oesterreich), а также Піо и Веселовскаго.

еще въ половецкую эпоху и въ народную среду, при чемъ эти запертые до времени и потомъ выходящіе люди представлялись сначала войскомъ врага, Буняка, и только послѣ уже сказаніе это передѣлалось въ варіантъ Баронча, можетъ быть, слившись съ проникшими къ намъ инымъ путемъ легендами о пребываніи подъ землею національнаго мессіи [1]). Въ пользу такого предположенія говоритъ и существованіе напечатаннаго у Чубинскаго (Труды Экспедиціи въ юго-западный край, т. I., стр. 3) когда-то «воинство Бунякъ», которому принадлежитъ образованіе валовъ и горъ.

Но и въ теперешнемъ своемъ видѣ легенда Барончa заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя подробности, которыя даютъ основаніе предполагать значительную древность ея. Это прежде всего то обстоятельство, что Буняка обрекаетъ королевича на заключеніе за то, что онъ *не по правдѣ поступаетъ*, принимая сторону царицы, нарушившей свое слово. Подробность эта можетъ быть сближена съ мотивомъ втораго варіанта легенды о Іимѣ въ Зендъ-Авестѣ, по которому Іима потерялъ свое царственное величіе, когда «*сталъ любить лживыя рѣчи*». По этому варіанту (см. выше) величіе Іимы отлетѣло отъ него, и онъ подвергся нападенію демона. Мы видѣли, что это мѣсто въ Авестѣ не примирено съ другимъ, по которому Іима не разсѣченъ, а только царство его сокращено и удалено отъ остальнаго міра. Но въ устныхъ редакціяхъ оба эти варіанта должны были соглашаться, такъ какъ позднѣйшія иранскія откровенія говорятъ о продолженіи Іимой жизни подъ землею. По этому очень возможно, что уже въ древнемъ Иранѣ былъ варіантъ, по которому Іима скрылся въ землю отъ преслѣдованій демона, скорѣе всего Аци—Дагака, который въ Бундегешѣ называется убійцею Іимы. Этотъ Аци—Дагака (въ основѣ котораго лежитъ *аги*, змій, похищающій воду, олицетвореніе облака, съ которымъ борется громовникъ Индра) въ Авестѣ изображается какъ самое страшное порожденіе

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ сдѣлать оговорку по поводу того, что въ легендѣ Барончa герой называется польскимъ королевичемъ. Во первыхъ сборникъ Барончa не производитъ впечатлѣнія точности записыванія, а во вторыхъ въ Галичинѣ часто народъ называетъ свою землю Польша, вовсе не считая себя поляками. Такъ и въ херсонской губерніи украинцы часто зовутъ украинскую кіевскую губернію Польша, при чемъ прекрасно отличаютъ ея жителей отъ поляковъ.

злаго бога, змій съ тремя головами, тремя носами, шестью глазами,— въ позднѣйшихъ преданіяхъ нѣсколько антроморфизировался. У Фирдуси, который сводилъ книжныя и устныя преданія въ XI в., принаравливая ихъ къ мусульманскимъ вѣрованіямъ, Дагака является уже арабскимъ царемъ въ Вавилонѣ Зогакомъ, но съ зміями на плечахъ и во всякомъ случаѣ главнымъ врагомъ Джемшида, потерявшаго право на райское царство за свою гордость и пренебреженіе богопочитанія [1]). У мусульманина Фирдуси, Джемшидъ бѣжитъ передъ Зогакомъ и потомъ погибаетъ, но очевидно, что это уже совсѣмъ поздняя передѣлка легенды Іима, а въ промежуточныхъ между старо-иранскими и фирдусіевою редакціяхъ этой легенды должна была существовать такая, по которой Джемшидъ скрылся подъ землею передъ Зогакомъ. Отъ подобной редакціи, конечно устной, должна была пойти и та, которую записалъ Барончъ и въ которой такимъ образомъ королевичъ является отголоскомъ Джемшида, а Буняка—Зогака, Дагака.

Интересно, что Буняка въ нашихъ народныхъ преданіяхъ носитъ на себѣ еще и другой слѣдъ иранскго вліянія: въ упомянутомъ выше сообщеніи Чубинскаго говорится, что въ луцкомъ уѣздѣ существуетъ повѣрье, по которому «происхожденіе кургановъ приписывается какому-то воинству, подъ названіемъ Бунякъ», которое прошло всю вселенную и на мѣстахъ своего отдыха дѣлало курганы, насыпая при этомъ землю своими башмаками». Это, очень антропоморфизированное уже и не весьма полное, сообщеніе напоминаетъ подробности въ изложенныхъ у Барονча легендахъ о Букякѣ, по которымъ насыпала горы царица Елена, уходя отъ Буняка, а въ разсказѣ Сѣмѣнскаго валы появились отъ того, что княгиня Ольга, обратившись въ мышь, рылась подъ землею. Совокупность этихъ повѣрій обращаетъ нашу мысль къ описанію происхожденія горъ въ Бундегешъ, гдѣ весь міръ происходитъ черезъ борьбу между добрымъ богомъ и злымъ, при чемъ въ частности горы произошли послѣ того, какъ Ариманъ, разозленный успѣхомъ творенія Оримузда, прорылся подъ землей [2]).

---

[1]) Livre des rois, trad. p. J. Mohl, т. I, стр. 37, 41 и слѣд. Отмѣтимъ, что у Фирдуси Джемшидъ до грѣхопаденія является собирателемъ сокровищъ: ср. царя Михаила у Меѳодія, нѣмецкихъ императоровъ и нашего королевича.

[2]) Der Bundehesh, übers v. Justi, VIII гл. Срав. другое украинское повѣрье о томъ, что горы образовались на мѣстѣ борьбы чорта съ архангеломъ

Повѣрье о сотвореніи горъ и кургановъ Бунякомъ должно быть такимъ образомъ частью тѣхъ украинскихъ дуалистическихъ представленій о сотвореніи міра, которыя такъ извѣстны изъ этнографическихъ сборниковъ (см. послѣднюю выноску), и изъ трудовъ Буслаева (Истор. очерки, I, 438 и слѣд.), Аѳанасьева (Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу, II, 459 и слѣд), Пыпина (Истор. слав. литературъ, I, 81 и др.). Эти вѣрованія, въ которыхъ ученые старой, почвенной (націоналистической и народнической) школы видѣли остатокъ исконныхъ славянскихъ вѣрованій, на самомъ дѣлѣ (какъ мы это надѣемся показать въ особомъ изслѣдованіи) иранскаго происхожденія и проникли къ намъ не только черезъ болгарскихъ богумиловъ, которые сами были ничто иное, какъ побѣги иранскаго манихейства, но и черезъ посредство турецкихъ племенъ, у которыхъ они тоже существуютъ [1]). Буняка въ этомъ повѣрьи первоначально просто замѣнилъ сатану и чорта другихъ болѣе полныхъ разсказовъ [2]). Этотъ чортъ-Буняка, а не Елена, долженъ былъ первоначально прорывать землю, превращаясь въ мышь. Вслѣдъ за именемъ Буняка образы этого повѣрья перешли и въ сказку о преслѣдованіи имъ царицы Елены и тутъ передѣлались такъ, что уже сама царица рыла валы.

Такимъ образомъ разобранныя сейчасъ легенды о Бунякѣ кажутся намъ ничѣмъ инымъ, какъ побѣгами иранскихъ легендъ о Джемшидѣ, Ариманѣ и его порожденіи Дагакѣ. отголосками довольно темными и спутанными, какъ вслѣдствіе долговременнаго проживанія ихъ въ нашей народной средѣ, такъ и потому, что они дошли сюда не прямо, а чрезъ посредство племенъ, населявшихъ наши степи. Самъ по себѣ фактъ проникновенія въ нашъ народъ иранскихъ преданій и черезъ такое посредство не можетъ удивлять никого теперь, когда изслѣдователи открываютъ все большее участіе

Михаиломъ (Чубинскій, Труды, т. I, стр. 39—40), или что горы сдѣланы изъ частей земли, украденной сатаною, когда Богъ послалъ его достать изъ воды сѣмена земли (у Драгоманова, Малор. нар. преданія и разсказы, стр. 15, 89—91 Чубинскій, op. cit. стр. 141—144; Основа, 1862 г., іюнь, стр. 59—60).

[1]) Radloff, Proben der Volkslitteratur der Türkischen Stämme Sad—Sibiriens, т. I, стр. 175—184 (сотвореніе міра), стр. 285 (сотвореніе человѣка, собака и чортъ); ср. Драгоманова, Малор. нар. пред, стр. 91.

[2]) Дальше мы увидимъ другіе примѣры отождествленія чорта съ Бунякой;

иранскаго элемента въ т. наз. скиѳскомъ населеніи, кагда оказывается, что иранское племя осетинцевъ имѣло когда то гораздо большее распространеніе на сѣверѣ, чѣмъ теперь [1]). Наконецъ въ настоящее время извѣстно, что политическое и торговое вліяніе иранскаго царства Сассанидовъ простиралось довольно далеко на сѣверъ по обѣ стороны Каспійскаго моря и даже по Волгѣ, на берегахъ которой находятъ иранскія монеты, а теперешній Туркестанъ, Теджентъ, Мервъ и др. было послѣднимъ убѣжищемъ староиранской культуры, даже и тогда, когда главныя иранскія земли были захвачены мусульманскимъ завоеваніемъ. Вотъ въ эту то сассанидскую эпоху и въ послѣдующее за нею время передвигались черезъ туранскія и каспійскія степи разныя племена, обладавшія поочередно нашими степями, захватывали иранской культуры и традицій и передавали затѣмъ элементы ихъ и нашимъ предкамъ. Занимавшія насъ легенды о Бунякѣ составляютъ часть этого пріобрѣтенія.

Образы этихъ преданій настолько врѣзались въ память нашего народа, что онъ ихъ прикладываетъ къ личностямъ почти современнымъ. Такъ, говорятъ, въ Галичинѣ разсказываютъ о знаменитомъ опрышкѣ (гайдамакѣ) XVIII ст. Добошѣ, будто онъ не умеръ, а живетъ въ Чорногорѣ (въ Карпатахъ) въ пещерѣ, заколдованный своей ревнивой любовницей. Тамъ сидитъ онъ, считая деньги, которыя онъ скрылъ. Въ извѣстные дни онъ выходитъ оттуда съ своими товарищами, и его часто тамъ видѣли горцы. Къ самому же жилищу Добоша нужно идти чрезъ трое желѣзныхъ дверей; но пещера эта такъ глубока, что многіе изъ тѣхъ, которые изъ жадности хотѣли добыть сокровища Добоша, погибли въ ней. Кромѣ того Добошъ самъ затягиваетъ къ себѣ всякаго, кто приближается къ его жилищу, и не выпускаетъ назадъ. Такими плѣнниками онъ усили-

---

[1]) Въ кіевской губерніи чигиринскаго уѣзда есть село Осота, въ которомъ между прочимъ найдены разные металлическія вещи и въ томъ числѣ статуетка пріапическаго характера (Похилевичъ, Сказанія о насел. мѣстн. кіев. губ., стр. 691). Мы слышали, что какъ разъ такія вещи и статуетки находятся часто въ курганахъ на сѣверѣ Кавказа и въ частности въ Осетіи. О распространеніи осетиновъ въ бассейнѣ Дона и даже въ окрестностяхъ Ольбіи въ скиѳскую эпоху см. у г. Вс. Миллера. Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1885 г., октябрь.

ваетъ свое войско, съ которымъ, когда пройдетъ время силы чаръ его любовницы, онъ выйдетъ на свѣтъ и отомститъ тѣмъ, которые обманули его. Иногда Добошъ посѣщаетъ свою жену, которая живетъ въ пещерномъ домѣ около Полянскаго, заколдованная ревнивицей. Тогда въ этомъ домѣ (скалѣ) слышно музыку и пѣсни, видѣнъ свѣтъ и люди и между ними Добошъ [1]).

Недавно одинъ галичанинъ, посѣтившій кіевскую губернію, сообщилъ, что тамъ существуетъ легенда о безсмертіи Тараса Шевченка, что будто онъ находится въ Сибири, прикованный къ столбу, что столбъ этотъ уже подгнилъ, а когда сгніетъ совсѣмъ, то Шевченко воротится къ своимъ.

Интересно сравнить эти два украинскія преданія съ великорусскимъ о Ст. Разинѣ, переданнымъ въ извѣстной монографіи Костомарова. [3]) Преданіе это рисуетъ знаменитаго разбойника чертами героя не симпатичнаго (какъ тѣ славянскія преданія, которыя мы до сихъ поръ разбирали, исключая развѣ Добоша), но антипатичнаго,—антимессіи. По этому преданію русскіе люди, возвращаясь изъ плѣна, проходили Персію и увидѣли разъ старика, который спросилъ ихъ: не зажигаютъ ли на Руси въ церквяхъ сальныхъ свѣчей, вмѣсто восковой?—Старикъ сказалъ имъ, что онъ Ст. Разинъ и что его земля не приняла за его грѣхи, и живетъ онъ въ горахъ, гдѣ змѣи сосутъ его серце. Двое змѣевъ уже отлетѣли отъ него черезъ 200 лѣтъ; остался еще одинъ, а какъ пройдетъ еще сто лѣтъ, на Руси грѣхи умножатся, люди станутъ Бога забывать и сальныя свѣчи зажгутъ вмѣсто восковыхъ передъ образами, тогда Стенька опять пойдетъ по свѣту и будетъ бушевать пуще прежняго.

Это великорусское вѣрованіе чрезвычайно близко подходитъ къ персидскому сказанію о Дегіалѣ. Въ 186 днѣ сборника 1001

---

[1]) Grohmann, Sagenbuch von Böhmen und Mähren, т. I, стр. 11—13. Не знаемъ, легло ли народное преданіе и если да, то насколько, въ основаніе стихотворенія Іос. Федьковича „Король Гуцулъ", о томъ какъ король Гуцулъ наказанъ за вмѣшательство въ борьбу боговъ (бѣлаго и чернаго) заключеніемъ въ Сокальскую гору, гдѣ онъ сидитъ со своимъ войскомъ, а вокругъ летаютъ сокола (Дѣло, 1886 г., № 38). Вообще желательна новая перевѣрка народныхъ преданій о Добошѣ.

[2]) Дѣло, 1886 г., № 38.

[3]) Костомаровъ, Историч. монографіи, т. I (изд. 1863 г.), стр. 319—380.

день Абулфацарисъ разсказываетъ, какъ онъ, возвращаясь на родину изъ плѣна, куда его увлекли разные злодѣи и чудовища, видѣлъ въ подземельи чудовища Дегіала, родъ змія дракона, прикованнаго къ скалѣ.—«Молодой человѣкъ, спросило чудовище, откуда ты и какому пророку вѣруешь?» и когда узнало, что Магомету, то спросило между прочимъ: «совершаютъ ли магометане правильно моленія, чисты ли они и невинны нравами?»—«Они совершаютъ моленія, отвѣчалъ тотъ, но увы! много имъ недостаетъ, чтобъ исполнить предписанія пророка Магомета».—«Прекрасно, тѣмъ лучше! воскликнуло чудовище.... развращеніе должно сдѣлаться общимъ.... прелюбодѣяніе будетъ царствовать повсюду, ежедневно люди будутъ творить клятовопреступленія. ѣсть свинину, пить публично вино, женщины будутъ ѣздить на лошади!»—«О это время не очень далеко, отвѣтилъ путникъ, подобное уже замѣчается». Слова эти доставили удовольствіе чудовищу: «о сынъ Адама, воскликнуло оно съ восторгомъ, воможно ли, чтобы люди были такъ преступны? Какую счастливую вѣсть приносишь ты мнѣ! Значитъ, наступило время мнѣ выйти изъ заключенія и показаться людямъ. Узнай, молодой человѣкъ, что я Дегіалъ; я пойду въ міръ распространить ужасы!» При этихъ словахъ онъ разбилъ свои цѣпи, но былъ удержанъ двумя геніями, изъ которыхъ одинъ возстановилъ ему цѣпи, а другой ударилъ его стальнымъ молотомъ и сказалъ: сиди, сиди проклятый... твой часъ еще не пришелъ! [1]) Прибавимъ еще, что образъ Стеньки, котораго сосутъ змѣи, имѣетъ аналогію съ образомъ Зогака въ Шахъ-наме, гдѣ онъ уже представленъ человѣкомъ, у котораго отъ поцѣлуя Аримана выросли на плечахъ два змѣя, вѣчно возобновляющіеся, если ихъ отрѣзать, и питающіеся человѣческими мозгами [2]).

Надѣемся, что эта новая параллель между иранскимъ и великорусскимъ преданіемъ еще разъ подтвердитъ и прежнія наши

---

[1]) Lacroix, op. cit. стр. 412—413.

[2]) Livres des rois, trad. p. Mohl, т. I, стр. 45.

предположенія о перехожденіи другихъ славянскихъ преданій, болѣе прямо подходящихъ къ нашему предмету [1]).

(Окончаніе слѣдуетъ.).

[1]) Для полноты напомнимъ здѣсь и великорусское вѣрованіе о сокрытіи отъ Б.тыя города Б. Китежа, который останется невидимымъ до страшнаго суда (Сказаніе см. при книгѣ Кирѣевскаго-Безсонова, Пѣсни, т. IV, 2 отд. CXVIII и слѣд. и Гацисскаго „У невидимаго города Китежа", Древн. и Нов. Россія, 1877 г., № XI). Въ основѣ этого сказанія лежитъ, вѣроятно, древній культъ озера Свѣтлояра и преданіе о свайныхъ постройкахъ (см. Майнова, На нантскомъ конгрессѣ и въ Бретани. Знаніе, 1876 г., Мартъ, стр. 16), но оно потомъ измѣнено было раскольницкими книжниками, приложено къ нашествію Батыя и къ мессіанистическимъ идеямъ, почему мы тутъ его и упоминаемъ. Многія сказанія такого рода въ Европѣ получили окраску библейской повѣсти о Содомѣ и Гоморрѣ.

Все настоящее изслѣдованіе было уже написано, когда мы нашли въ „Кіевской Старинѣ", 1887 г., кн. IV, на стр. 661—672 въ статьѣ „Крестьянскія движенія въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи въ 1861—62 гг." сообщеніе о странникѣ, который внушалъ крестьянамъ: „Не слушайте дворянъ. Идетъ царь Михаилъ; онъ былъ заключенъ до сего времени за 2 желѣзными дверями и 6 замками, а теперь вышелъ на свободу. Идетъ онъ не одинъ, а съ нимъ большое воинство, и хочетъ онъ извести всѣхъ баръ на русской землѣ"... Не смотря на новѣйшія черты, въ этомъ „внушеніи" даже и имя царя Михаила взято изъ среднѣвѣковыхъ византійско-славянскихъ книжныхъ пророчествъ. Ср. у г. Веселовскаго.

Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой.

Обдумывая планъ мести полякамъ за свои и всенародныя обиды и притѣсненія Богданъ Хмельницкій и его приверженцы-совѣтники естественно остановились на мысли, какими они обладаютъ средствами, чтобы затѣваемое ими казацкое возстаніе имѣло успѣхъ, а не было бы подавлено въ самомъ началѣ, какъ было при прежнихъ возстаніяхъ. Оказывалось, что у нихъ нѣтъ ни вооруженныхъ людей, ни пушекъ; что на общее возстаніе можно было разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, если бы первыя стычки козаковъ съ поляками были удачны. Нужно было искать союзниковъ; къ кому-же обратиться?

— Я думаю, говорилъ Хмельницкій, ни у кого намъ нельзя просить помощи, кромѣ москалей и татаръ; всѣ другіе сосѣди слабы. Сказалъ бы я: просить москалей; они православные и ради одной съ нами вѣры могли бы за насъ вступиться, но ихъ въ недавнее время побѣдили поляки, они сами еще въ силу не пришли и едвали ихъ можно будетъ упросить [1]).

Рѣшились обратиться къ татарамъ.

Готовность татаръ помочь козакамъ въ ихъ расправѣ съ поляками не могла подлежать сомнѣнію; народъ этотъ, привыкшій жить грабежемъ сосѣдей, ежегодно нападалъ или на московскія или на польскія окраины, если только не былъ отвлеченъ войною съ цезаремъ и другими южными владѣтелями. Татары и безъ просьбы козаковъ готовились напасть на польскія окраины, когда къ нимъ явился Хмельницкій съ просьбой о помощи. Нѣкоторое колебаніе, выказанное ханомъ—помочь или не помочь козакамъ вѣрнѣе всего

---

[1]) Н. Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 72 (изд. 3-е).

можно объяснить желаніемъ какъ можно дороже продать свои услуги, и когда Хмельницкій предложилъ татарамъ взять себѣ весь полонъ польскій, который козаки будутъ имѣть, колебанія хана исчезли[1]). Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не пріятно таскать каштаны изъ огня чужими руками? Послѣдствія показали, что татары лишь тогда вступали въ бой съ поляками, когда это могло имъ стоить очень дешево и напротивъ всегда являлись тамъ, гдѣ шла рѣчь о дѣлежѣ добычи. Они никогда не думали о томъ, съ кѣмъ и для чего воюютъ, было бы выгодно, добычливо.

Иное дѣло Москва. Правда, одной изъ существенныхъ задачъ московскихъ государей была защита православной вѣры и эта черта проходитъ во всей политикѣ московскаго государства; но еще большее значеніе имѣло стремленіе вездѣ и во всемъ соблюсти выгоды для укрѣплявшагося государства. Охота ли Москвѣ втянуться въ новую войну съ Польшей, разсчитывая на помощь небольшой горсти козаковъ, безоружныхъ, беззапасныхъ, отдѣленныхъ большимъ пространствомъ? Нѣтъ, религія-религіей, а политика-политикой: Москва не могла понимать стремленія козаковъ освободиться отъ пановъ, потому что у ней самой процвѣтало крѣпостное право; если бы козаки жаловались на притѣсненія въ исправленіи религіозныхъ обязанностей, поляки могли бы показать документы, обезпечивающіе свободу вѣроисповѣданія для подданныхъ греческаго вѣроисповѣданія. Москва, конечно, очень была рада возникшей смутѣ, такъ какъ всякое ослабленіе стариннаго врага служило къ усиленію ея; а потому, наружно сочувствуя польскому правительству въ его желаніи подавить возстаніе, тайнымъ образомъ поддерживала козаковъ, дозволяя имъ селиться въ своихъ владѣніяхъ и покупать хлѣбъ въ Россіи, каковую помощь впослѣдствіи призналъ самъ Хмельницкій[2]). Въ то время, какъ въ письмахъ къ брацлавскому воеводѣ Адаму Киселю московскіе бояре давали совѣтъ не допускать черкасъ поступить въ холопство къ крымскому царю, а хотмышскій воевода писалъ ему-же, что онъ готовъ идти съ ратными людьми на помощь полякамъ противъ черкасъ, Хмельницкому тотъ же воевода писалъ: «не имѣйте отъ насъ никакого опасенія: мы съ вами одной православной христіанской вѣры». Такимъ образомъ

[1]) Столб. сибир. прик., № 7608.

[2]) Ibid.

московское правительство играло роль друга и поляковъ и козаковъ, во всякомъ случаѣ разсчитывая имѣть свою выгоду: побѣдятъ поляки, Москва являлась искреннимъ другомъ, всегда находившимся въ готовности помочь своимъ союзникамъ; побѣдятъ козаки, они должны быть благодарны Москвѣ за дружественный нейтралитетъ.

Но Хмельницкій требовалъ отъ Москвы болѣе прямой политики: «хотите воевать съ нами, писалъ онъ въ Москву, или хотите быть нашими пріятелями? Если послѣднее, такъ прибывайте къ намъ на помощь, а мы, какъ случится, обязаны будемъ отслуживать вамъ во всякое время» [1]).

Во время этой переписки скончался польскій король Владиславъ. Сообщая объ этомъ въ Москву, Хмельницкій писалъ: «далъ-бы Богъ, чтобъ онъ (государь) и ляхамъ и намъ былъ одинъ православный государь: чтобъ ляхи не помышляли больше наступать на вѣру нашу и биться съ нами», давая этимъ понять, что при помощи козаковъ на польскій престолъ могъ бы быть избранъ русскій государь. Однако переписка эта ни къ чему не повела. Москва упорно молчала, а Хмельницкій едва-ли серьезно думалъ о присоединеніи къ Россіи и только старался обезпечить себѣ нейтралитетъ со стороны ея, пока не управится съ поляками и не заключитъ съ ними выгоднаго мира, а потому ему тоже не было особой нужды заводить такія сношенія, которыя могли бы къ чему нибудь обязывать.

Но вскорѣ отношенія эти случайнымъ образомъ измѣнились. Въ концѣ 1648 г., проѣздомъ въ Россію, прибылъ къ молдавскому господарю іерусалимскій патріархъ Паисій. Узнавши изъ разсказовъ господаря, что населеніе южной Россіи подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго возстало противъ поляковъ и что не только весь лѣвый, но и правый берегъ Днѣпра, по которому предстояло ему ѣхать, находится во власти Хмельницкаго, Паисій просилъ господаря послать къ Хмельницкому письмо о присылкѣ охранной грамоты. Въ отвѣтъ на такое письмо Хмельницкій, вмѣсто охранной грамоты, прислалъ къ границѣ княжества полковника Мужиловскаго съ отрядомъ козаковъ для провожанья патріарха въ Кіевъ. Подъ охраной Мужиловскаго патріархъ прибылъ благополучно въ Кіевъ и здѣсь остановился на нѣкоторое время; здѣсь же онъ видѣлся и съ самимъ Хмельницкимъ, который раз-

сказалъ ему о своихъ успѣхахъ въ борьбѣ съ поляками за святую православную вѣру. Патріархъ очень хвалилъ храбраго козака за защиту религіи, убѣждалъ его продолжать столь блистательно начатое дѣло, но въ тоже время высказалъ свое удивленіе, почему онъ обратился за помощью не къ православному царю московскому, а къ врагу креста Христова, хану крымскому. Хмельницкій отвѣчалъ ему на это, что русскій царь, недавно передъ тѣмъ заключившій договоръ вѣчнаго мира съ Польшей, едвали согласился бы помогать козакамъ въ войнѣ противъ союзника; да и когда началась война у козаковъ съ поляками, русскіе готовили свои войска на помощь союзнику противъ ихъ козаковъ, а татары, напротивъ, оказали ему быструю и сильную помощь. Патріархъ на это возразилъ, что татары не могутъ быть постоянными союзниками христіанскаго народа и что православная вѣра тогда только восторжествуетъ окончательно, если она будетъ находиться подъ охраной великаго русскаго царя, подъ могучую руку котораго и совѣтовалъ отдаться козакамъ. Однако Хмельницкій не очень то охотно склонялся па это предложеніе; положеніе его въ это время было лучшее, чѣмъ когда либо прежде или послѣ. Онъ совершенно разсѣялъ польское войско, на голову поразивши его подъ Корсунемъ и Пилявцами, побѣдоносно прошелъ по всей правой сторонѣ Днѣпра, взялъ огромный (1.000.000 ефимковъ) выкупъ со Львова и теперь ожидалъ отъ новоизбраннаго польскаго короля Яна Казиміра признанія независимости козацкаго населенія отъ Польши подъ протекторатомъ польскаго короля. Польскіе послы, какіе-то два іезуита, которые стали было склонять его покориться королю безъ всякихъ условій, были спроважены внизъ на Запорожье; не такихъ предложеній ждалъ онъ отъ короля. Но тутъ онъ получилъ извѣстіе отъ своихъ пословъ, присутствовавшихъ на избирательномъ сеймѣ, что поляки вовсе не намѣрены уступить ему его завоеванія, что переговорами о мирѣ они имѣютъ въ виду лишь протянуть время, чтобы собраться съ новыми силами и потомъ подавить козацкое возстаніе. Тогда Хмельницкій сдѣлался болѣе доступнымъ убѣжденіямъ патріарха, согласился на его предложеніе быть посредникомъ въ этихъ переговорахъ и послалъ въ Москву для веденія переговоровъ того же Мужиловскаго, который провожалъ патріарха. Ему не было дано какихъ либо точныхъ инструк-

цій, онъ не долженъ былъ дѣлать никакихъ предложеній, а только просить царя о помощи ратными людьми. Вѣрнѣе, цѣль миссіи Мужиловскаго состояла въ томъ, чтобы на мѣстѣ развѣдать, какъ московское правительство смотритъ на козацкое движеніе и какое придаетъ ему значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ попытаться попросить помощи. Кажется, посольство Мужиловскаго было тайной не только для народа, но и для старшины; въ глазахъ козаковъ онъ поѣхалъ въ Москву въ качествѣ проводника при патріархѣ. Подъ видомъ проводника онъ явился и въ Москву; но здѣсь немедленно заявилъ въ посольскомъ приказѣ, что явился не въ качествѣ лишь провожатаго при патріархѣ Паисія, но и какъ посланникъ отъ гетмана войска запорожскаго.

30 января думному дьяку Михаилу Волошенинову, да дьяку Алмазу Иванову велѣно было допросить въ посольскомъ приказѣ, «для какихъ дѣлъ пріѣздъ его къ царскому величеству». Посланъ былъ за нимъ на подворье посольскаго приказа переводчикъ Иванъ Максимовъ. Когда Мужиловскій вошелъ въ посольскую палату, дьяки «съ нимъ виталиеь и спрашивали его о здоровьѣ», а потомъ, конечно, спросили и о цѣли его пріѣзда въ Москву. На это Мужиловскій отвѣчалъ, что де послалъ его запорожскій гетманъ съ патріархомъ Паисіемъ для провожанья, «для того, что нынѣ у поляковъ учинилась съ ними черкасы ссора и война и ему бы отъ поляковъ какого дурна не учинилось». Дьяки не удовольствовались этимъ отвѣтомъ и стали приставать, чтобъ онъ открылся, имѣетъ ли онъ какой словесный или письменный наказъ отъ гетмана. На это Мужиловскій отвѣчалъ, что дѣйствительно имѣетъ словесный наказъ отъ гетмана, но о какихъ дѣлахъ, о томъ гетманъ наказалъ ему говорить только царю лично и непремѣнно при патріархѣ Паисіи, который будетъ ему въ его рѣчахъ свидѣтелемъ, а опричь де царскаго величества самого иному никому тѣхъ рѣчей объявить ему не можно». Дьяки возражали ему, что посланники всѣхъ государей обыкновенно объявляютъ о цѣли ихъ пріѣзда тѣмъ приказнымъ людямъ, которыхъ къ тому назначаетъ самъ государь, «а того николи не бываетъ, чтобъ самимъ имъ царскому величеству какія дѣла объявлять и тѣ его рѣчи къ дѣлу не пристойны»; однако Мужиловскій рѣшительно отказался объяснить имъ цѣль своего пріѣзда и лишь просилъ дьяковъ, чтобы они всѣ его рѣчи довели до государя. Тогда дьяки начали распрашивать посланца, что у нихъ дѣлается съ поляками.

Мужиловскій разсказалъ, что, когда онъ поѣхалъ въ Москву, гетманъ распустилъ по домамъ все войско, а татаръ отпустилъ въ Крымъ, а на масляное заговѣнье велѣлъ черкасамъ снова собираться къ нему въ обозъ и тогда у нихъ будетъ «соймъ», и что будетъ поставлено на томъ сеймѣ, о томъ съ сойма разошлютъ имъ черкасамъ листы и пошлютъ къ королю на коронацію пословъ для мирнаго договора; а тѣхъ пословъ, которые явились къ гетману изъ Польши, гетманъ сослалъ на низъ. Во время минувшей войны черкасы взяли у поляковъ воеводства: Кіевское, Бряцлавское, Подольское и Черниговское со всѣми уѣздами; поляки въ этихъ воеводствахъ всѣ побиты, «а смирилъ де ихъ Богъ за ихъ гордость и побито ихъ столько, что не поспѣли трупу ихъ звѣри поѣдать». Въ Литву Хмельницкій посылалъ объявленіе, чтобы литовцы были въ миру съ черкасами, а они черкасы Литву тѣснить ничѣмъ не станутъ, а если Литва начнетъ ихъ чѣмъ задирать, и имъ въ домахъ своихъ не усидѣть; однако нѣкоторые черкасы самовольно начали были грабить Литву и литовцы вступили съ ними въ бой подъ начальствомъ Воловича и Паца, но были всѣ побиты. Адамъ Кисель, по словамъ Мужиловскаго, уніатъ, а не истинный христіанинъ, и хотѣлъ было онъ въ Кіевѣ учинить патріаршество также, что и въ московскомъ государствѣ, однако не рѣшился на это, опасаясь, что вселенскіе патріархи и всѣ православные христіане не позволятъ ему сдѣлать этого, тѣмъ болѣе, что патріарха онъ хотѣлъ получить изъ рукъ папы.—Такими разговорами и окончилось это первое свиданіе Мужиловскаго съ приказными людьми московскаго государя.

Слѣдующее свиданіе Мужиловскаго съ дьяками въ посольскомъ приказѣ состоялось 1-го февраля. Дьяки объявили Мужиловскому, что они его слова донесли государю и онъ указалъ тѣ рѣчи, которыя наказаны ему отъ гетмана, сказать имъ, а они опять передадутъ его слова государю; однако полковникъ «въ томъ отказалъ впрямъ, что ему мимо гетманова приказу учинити и тѣхъ дѣлъ мимо царскаго величества объявити никому нельзѣ» и билъ челомъ, чтобъ государь дозволилъ ему видѣть свои очи вмѣстѣ съ патріархомъ іерусалимскимъ какъ можно скорѣе, потому что на патріархѣ и на немъ полковникѣ «въ томъ дѣлѣ много належитъ». На вопросъ дьяковъ: «какъ же онъ будетъ править посольство?» Мужиловскій

отвѣчалъ, что когда ему дозволено будетъ видѣть государевы очи вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ, то онъ, войдя къ государю, прежде всего будетъ править челобитье отъ гетмана Хмельницкаго, потомъ поздравитъ государя «на его царскомъ превысочайшемъ престолѣ» (со вступленіемъ на престолъ), а затѣмъ объявитъ государю, что посланъ онъ отъ войска запорожскаго для береженья съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и до московскаго государства довезъ его въ добромъ здоровьѣ, а нынѣ вручаетъ его великому государю, потому что онъ «великій христіанскій государь какъ солнце на всемъ свѣтѣ благочестіемъ сіяетъ и они всѣ православные христіане имѣютъ себѣ христіанскимъ царемъ одного его великаго государя и къ его государской милости всѣ прибѣгаютъ»; послѣ того онъ скажетъ, что съ нимъ есть отъ гетмана и всего войска запорожскаго словесный наказъ о большихъ дѣлахъ и спроситъ, изволитъ ли государь самъ выслушать его рѣчи, или своимъ боярамъ и думнымъ людямъ укажетъ его выслушать и кому государь укажетъ выслушать его рѣчи, тогда онъ тѣмъ лицамъ разскажетъ или на письмѣ подастъ тѣ дѣла при патріархѣ, а предварительно, написавъ тѣ дѣла на бумагѣ, положитъ подъ ноги царскаго величества.

Много еще приставали дьяки къ Мужиловскому, чтобъ онъ объявилъ имъ о своихъ дѣлахъ, но онъ «въ томъ отказалъ впрямъ» еще разъ. Мужиловскій былъ отпущенъ на подворье.

Читая эти переговоры, невольно задаешься вопросомъ: для чего Мужиловскій такъ таинственно велъ переговоры, что никому, кромѣ самаго царя, не хотѣлъ объявить истинную причину своего пріѣзда? Конечно, въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ, точно соображаясь съ приказомъ гетмана; гетманъ же вѣроятно желалъ найменьшей огласки этого посольства, имѣвшаго цѣлью предложеніе русскому царю принять Малороссію подъ свое покровительство, такъ какъ въ это же самое время онъ послалъ къ королю польскому посольство съ извиненіями за возстаніе и самыми сильными увѣреніями въ своей преданности польскому престолу. Само собою понятно, что разъ въ Польшѣ сдѣлалось бы извѣстнымъ, что гетманъ сдѣлалъ предложеніе московскому царю принять Малороссію въ свое подданство, его посламъ не было бы никакой вѣры и Польша всѣми силами обрушилась бы на него, что впослѣдствіи и случилось. По

этому Хмельницкій какъ можно осторожнѣе долженъ былъ вести свои сношенія съ Москвой, не зная еще, какую выгоду онъ можетъ получить отъ этихъ сношеній. Съ своей стороны московское правительство, хорошо освѣдомленное о положеніи дѣлъ въ Малороссіи чрезъ своихъ пограничныхъ воеводъ, а еще лучше черезъ греческихъ монаховъ, проѣзжавшихъ съ Востока въ Россію черезъ Малороссію, видѣло крайнюю необходимость вступить въ сношенія съ Хмельницкимъ, чтобы узнать о его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ и соотвѣтственно тому установить свои отношенія къ нему; поэтому оно чрезвычайно интересовалось узнать, съ какимъ дѣломъ прибылъ въ Москву Мужиловскій, а отсюда и крайняя уступчивость требованіямъ послѣдняго — объяснить свое дѣло лично государю, что дѣйствительно противорѣчило обычаямъ московскаго двора, свято ихъ соблюдавшаго.

4-го февраля Мужиловскій вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ былъ принятъ государемъ. За нимъ были присланы на подворье сани съ государева двора. Будучи у государя у руки, онъ дѣйствительно, какъ заявлялъ дьякамъ, положилъ письма своей руки, въ которыхъ было изложено посольское дѣло, къ государевымъ ногамъ, а государь ему сказалъ, съ кѣмъ онъ будетъ толковать о дѣлахъ. Въ этотъ день онъ получилъ обѣдъ съ государева стола. Въ письмѣ, которое подалъ Мужиловскій государю, послѣ государева титула было написано: «Война тая, которая всчалася между козаками войска запорожскаго съ ляхами, не откуда инуды, одно не могучи козаки войска запорожскаго бѣдъ, утрапеня и утинковъ отъ ляховъ козакомъ выраженныхъ терпѣти. На Запорожье его милость панъ Богданъ Хмельницкій съ нѣкоторымъ товариствомъ своимъ вшелъ было, и тамъ ляхи, чинячи на здоровье его милости пана Богдана Хмельницкаго разныя ему пакости, и товариству его выражали — въ домахъ ихъ маетность всю побрати, женъ и дѣтей мучити, а на остатокъ вѣру православную христіанскую мечомъ выкореняти — ту себѣ предъ ся взятую мысль. Николай Потоцкій, гетманъ великій коронный, собравши войско квартяное, мимо воли святыя памяти его милости короля Владислава до Черкасъ прибѣгнулъ и въ Черкасахъ, собравши козаковъ реестровыхъ войска запорожскаго, присягать передъ собою, что ему не измѣнятъ, велѣлъ, и ихъ, когда присягнули, челнами на Запорожье, чтобъ нынѣшнаго пана Богдана

Хмельницкаго, давъ имъ за старшаго Шемберека (Шемберга) коммиссара[1]), поймали, выправилъ. Господь всемогущій смиловался надъ народомъ, яко неколи надъ людьми своими израильскими, въ Египтѣ въ неволѣ будучими, чтобъ имя Бога живаго хвалено оставалось; ровнымъ способомъ и нынѣ Господь всемогущій, въ Троицѣ святой единый, чтобъ вѣра православная христіанская не упадала и о всемъ въ преднихъ своихъ расширялась, между тѣми, которые присягали Потоцкому, козаками Богъ всемогущій замыслъ ихъ помѣшалъ: коммиссара и иныхъ полковниковъ между собою сами измѣнниковъ и доброхотныхъ ляхомъ козаковъ побили. Гетманъ самъ Потоцкій сына своего полемъ съ выборнымъ людомъ нѣсколько тысячъ на раззоренье его милости пана Богдана Хмельницкаго и войска его послалъ. То войско, которое было съ комиссаромъ, до его милости пана Богдана Хмельницкаго предався, противъ сына Потоцкаго пошли, котораго въ дикихъ поляхъ осадили. Татаровя, услышавъ о той войнѣ, съ стороны смотрѣли: больная нога *послизняется;* и когда добывали сына Потоцкаго въ полѣ дикомъ черезъ три недѣли за помощью Божіей, яко воинъ воинови помогъ, сына Потоцкаго раненаго поймали, на Запорожье послали, гдѣ и умеръ, а сами, съ ордою снявшися, всякій по себѣ—своимъ кошемъ, до табора Николая Потоцкаго, гетмана короннаго, съ которымъ были: гетманъ польный, каштелянъ черниговскій, обозный коронный Казановскій, панъ Синявскій и иныхъ пановъ не мало тягнули. Довѣдавшись о раззореніи сына своего и о томъ, что панъ Богданъ Хмельницкій съ войскомъ не малымъ, Потоцкій горшее *укривженье* народу христіанскому чинить велѣлъ: жены и дѣти козацкія посѣчены, маетности ихъ въ грабленье отданы, на остатокъ мѣсто Корсунь украинное съ церквами сожгли, церковные аппараты и сосуды поимали, пограбили, а агнцы Божіи, тѣло Христово, на землю роскидали, священниковъ посѣкли, побили, ту причину даючи, что отъ нашей Руси измѣна всчинается, за которые недобрые поступки Потоцкаго Богъ скаралъ и его самого и воеводу черниговскаго Калиновскаго и каштеляна черниговскаго Одрывонскаго и иныхъ пановъ въ неволю татарскую подалъ, а иныхъ подъ мечь его милости пана

---

[1]) Н. И. Костомаровъ (ibid.. стр. 96) говоритъ, что челны были подъ начальствомъ Ильяша и Барабаша, а сухопутный отрядъ подъ начальствомъ Потоцкаго и что Шембергъ находился въ этомъ же отрядѣ. Кому вѣрить?

Богдана Хмельницкаго и его войска пустилъ. Когда та война началась на той сторонѣ Днѣпра, князь Вишневецкій на сей сторонѣ Днѣпра не только въ маетностяхъ своихъ, но и по чужимъ неисчетныя кривды христіаномъ чинилъ. Обавлячися войска запорожскаго людей, черезъ Нѣжинъ съ войскомъ къ Чернигову шелъ, черезъ Десну въ Черниговѣ перевезся, въ Лоевѣ черезъ Днѣпръ до Брачина, съ Брачина подъ Чернобыль черезъ Припеть и подъ Котельну пришелъ и таборомъ сталъ, и куда ни шелъ, вездѣ кривду чинилъ. Его милость, панъ Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго, орду на страхъ ляхамъ и жидамъ за Бѣлую Церковь и за Паволочь пустилъ, однако расписалъ до православныхъ христіанъ листы, чтобъ, вѣдаючи объ ордѣ, всѣ до мѣстъ сбѣгали. Вишневецкій какъ кривды чинилъ, горшія чинити христіанамъ не перестаетъ, съ шляхтою воеводства кіевскаго сносячися, противъ козаковъ армуется, жидовъ съ собою беретъ, а христіанъ въ мѣстахъ *стинаетъ*, до Немирова съ войскомъ своимъ пошелъ и тамъ священниковъ поймавши на колье посажалъ, людямъ многія кривды починилъ, побилъ, маетности ихъ поималъ, и тотъ плачъ христіанъ убогихъ и невинное разлитіе крови небеса проникали и до войска запорожскаго донеслись: Кривоноса послалъ полковника съ полкомъ его и Гиру бѣлоцерковскаго полковника, чтобъ его догнавши осадили, а самъ съ войскомъ съ арматою, не хотячи крови христіанской проливанья, по малу тягнулъ подъ Паволочь. Тутъ о смерти королевской довѣдалося войско запорожское, а въ безкоролевствіе Вишневецкій, что хотѣлъ, то и дѣлалъ. А поспольство довѣдався, что короля въ землѣ нѣтъ, въ козачество все поворотилось и какъ на сей сторонѣ, такъ и на той Днѣпра пановъ своихъ, которые не убѣжали, ляховъ, жидовъ, ксендзовъ побили, костелы попустошили, города, въ которыхъ ляхи и жиды позапиралися, поимали, а именно: по Заднѣпру, по всей Вишневетчинѣ и города королевскіе—первый гомельскій городъ, другой стародубскій, третій новгородскій, четвертый черниговскій, лоевскій, любецкій, брачинскій, острецкій, по части и литовскимъ досталось, а во всѣхъ тѣхъ ляховъ и жидовъ побили, казну и достатки поимали. Войска собралось по за-Днѣпру больше 80,000. Полковникъ борзненскій, полковникъ иченскій, полковникъ прилуцкій, полковникъ миргородслій со всѣмъ войскомъ своимъ пошли съ его милостью паномъ

гетманомъ подъ Паволочь, а полку нѣжинскому велѣлъ его милость панъ гетманъ идти подъ Кодакъ, городъ ляцкій, въ которомъ было большое собраніе служилаго люда и 500 нѣмцевъ; тѣ люди ляцкіе выступили за приступомъ полка нѣжинскаго. А его милость панъ гетманъ, собрався съ войскомъ, за Кривоносомъ и за Гирею, которые тѣ два полка, городы емлючи, шли подъ Константиновъ за Вишневецкимъ. Кривоносъ и Гира, сойдясь подъ Константиновымъ съ Вишневецкимъ, дали вѣсть его милости пану гетману, чтобъ поспѣшилъ и имъ на помочь послалъ чигиринскій полкъ, а самъ на скаржиновскомъ полѣ за боромъ сталъ, съ скаржинскаго поля къ Поплинцу подвинулся, а съ Поплинца меня, Силуяна Андреевича Мужиловскаго, на хотѣнье господаря волошскаго, листовне послалъ до святѣйшаго отца патріарха іерусалимскаго, придавши мнѣ товарища Михаила Крису, а самъ хотѣлъ до Пилявецъ подвинуться. Вишневецкій, сойдясь подъ Константиновымъ съ тѣми полками, выправивши передъ собою свои возы, утекъ подъ Глиняны, недалеко отъ Львова, гдѣ сбиралось ляцкое войско, котораго было 120,000 и съ тѣмъ войскомъ сойдясь, пришли подъ Пилявцы къ козацкому табору съ снарядомъ, имѣя 100 пушекъ. Нечаемая орда бѣлогородская пришла и Господь всемогущій помогъ козакамъ погромить ляховъ: однихъ подъ Пилявцами въ рѣкѣ потопили, а иныхъ въ Константиновѣ побили и потопили, а за иными гнались. Тутъ Тугай-бей съ царемъ крымскимъ и съ братомъ его пришли, а съ ними людей было больше 100,000. И ту орду бѣлогородскую съ добычею войско запорожское отправило до домовъ ихъ, а съ царемъ крымскимъ шли подъ Львовъ, изъ подъ котораго татары распустили свои загоны подъ Краковъ, подъ Люблинъ и ажъ за Вислою были. Львовъ мѣсто поддалось, жиды и ляхи откупилися и тотъ скарбъ татарамъ отдали, а самъ его милость панъ гетманъ пошелъ къ Замостью, (гдѣ) ляховъ было не мало замкнулось, но видя свой упадокъ, также откупились. Ляхи сгодне или не сгодне обрали себѣ короля Казиміра, который некоронованный писалъ листъ до его милости пана гетмана и до всего войска запорожскаго, прося Богомъ живымъ, чтобъ уже больше не воевали, обѣщаясь быть русскимъ королемъ, и что саблею взяли, и то бы себѣ держали, крѣпко обѣщаясь, что одноконечно хотятъ подтвердить. И такъ до масляного заговейна помирились, а по масляномъ заговейнѣ снова вое-

вать, если не будетъ Казимiръ королемъ русскимъ, хочетъ войско запорожское. Любо татаръ съ потребу свою имѣетъ на помочь себѣ войско запорожское и самихъ съ 300,000 есть, понеже воеводство кiевское все, воеводство черниговское, воеводство бряцлавское, воеводство подольское, воеводство волынское и въ княжествѣ литовскомъ, въ повѣтѣ мозырскомъ козаковъ много, однако вашего царскаго величества, яко православнаго царя и христолюбиваго, о помощи какъ черезъ войско донское, такъ и черезъ иные служивые люди усердно черезъ пресвятѣйшаго отца патрiарха iерусалимскаго и черезъ меня усердно молятъ. Не повѣрилъ той тайны листу его милость панъ гетманъ, но повѣрилъ святителю и мнѣ вашему царскому величеству о томъ дѣлѣ челомъ бити, певнымъ будучи и имѣючи въ Бозѣ надежду, что ваше царское величество, яко царь православный всея русiи, благодаря Бога, въ Тройцѣ святой единаго, что вѣра христiанская православная множится, съ расширенiя оной и звитежства, которымъ войско запорожское Богъ одарилъ, тишитись рачишь, и чтобъ тажъ вѣра христiанская множилась и хвала Божiя квитнула и церкви христiанскiя обновлялись, здоровою думою сносясь съ войскомъ запорожскимъ черезъ послы свои, помочью ратными людьми ваше царское величество восхочешь быти, за что отъ Господа, въ Тройцѣ святой единаго, гойную и стократную заплату на небеси одержати рачишь, а на семъ свѣтѣ отъ войска запорожскаго вѣрное услуженiе въ дѣлѣ рыцарскомъ, за повелѣнiемъ вашего царскаго величества, и расширенье царства вашего царскаго величества христiанскаго за вѣку своего доглядѣтися рачишь, чего мы всѣ христiане усердно желаемъ, чтобъ еретики и непрiятели вѣры православной христiанской были покорены подъ ноги вашего царскаго величества и гробъ Божiй за самодержавство вашего царскаго величества изъ руки турецкой съ патрiархами освобожденный былъ, Христа Бога молимъ». Затѣмъ Мужиловскiй проситъ о скорѣйшемъ отвѣтѣ по этому дѣлу и объ отпускѣ.

Приведенный документъ представляетъ большой интересъ въ томъ отношенiи, что онъ устами современника, человѣка хорошо освѣдомленнаго, принимавшаго непосредственное участiе въ событiяхъ, даетъ ясное понятiе какъ о причинахъ возстанiя козаковъ, такъ и о современномъ состоянiи Малороссiи и о цѣляхъ козацкаго движенiя, это—защита религiи отъ поруганiя ея ляхами. Къ

сожалѣнію дурной переводъ дѣлаетъ очень труднымъ чтеніе его, подлинный же текстъ совсѣмъ почти недоступенъ для пониманія его.

Долго московское правительство не давало отвѣта Мужиловскому. Предложеніе было слишкомъ важно, чтобы отвѣчать немедленно; вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе было слишкомъ неопредѣленно. Помогать... но на какихъ условіяхъ? какія выгоды въ свою очередь можетъ извлечь Москва изъ этой помощи? Да нельзя ли и такъ какъ нибудь устроить, чтобы и безъ войны козаки очутились подъ властью русскаго царя? При томъ и въ словахъ посланниковъ какое-то разногласіе: Паисій говоритъ, что Хмельницкій желаетъ поступить подъ высокую руку государя, а Мужиловскій о томъ ни слова! Нѣтъ, надо имѣть точныя свѣдѣнія, чего козаки желаютъ и что можетъ Москва отъ нихъ получить. Съ такимъ запросомъ былъ посланъ къ Хмельницкому гонецъ Василій Михайловъ. Въ отвѣтъ Хмельницкій писалъ: «писали мы дважды до твоего царскаго величества черезъ посланца воеводы путивльскаго и черезъ посланца воеводы сѣвскаго, чтобы благословилъ на ляцкую землю войскамъ своимъ отъ Смоленска наступить, чтобы больше надъ нами христіаны власти не имѣли и крови не проливали, а мы отсюда на оныхъ наступили и сбили, чтобъ ваше царское величество былъ надъ нами государемъ и царемъ православнымъ, но мы на тѣ два листа вѣдомости никакія не имѣли». Далѣе онъ пишетъ, что въ грамотѣ, привезенной Михайловымъ, выражено желаніе. чтобы козаки прекратили войну, и они козаки готовы жить въ покоѣ, но не могутъ вѣрить ляхамъ, которые, присылая пословъ для мирныхъ переговоровъ, не перестаютъ собирать войска, а потому и козаки въ свою очередь готовятся къ войнѣ. «А мы, какъ первѣе, такъ и нынѣ желаемъ того, чтобъ намъ найнижайшимъ слугамъ и подданнымъ своимъ учинился государемъ и царемъ и самодержцею и велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ наступити... А когда не будетъ милости твоей и не восхощешь выручки и помощи давать, тогда мы, освидѣтельствуючись Богомъ и всѣми святыми, взявши Бога на помочь, потуду станемъ съ ними биться, докуду насъ православныхъ станетъ». А Мужиловскій тѣмъ временемъ съѣздилъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь, не разъ побывалъ и у патріарха. Любопытна его жалоба на пріѣхавшихъ съ нимъ козаковъ, которые однажды ночью (24 февраля) взбунтова-

лись и хотѣли за что-то избить его, такъ что онъ спасся отъ побоевъ лишь побѣгомъ къ грекамъ, стоявшимъ на одномъ съ нимъ подворьѣ. Жалуясь на такое неуваженіе козаковъ къ себѣ, Мужиловскій говоритъ въ челобитной, что хотя ему и предоставлено по ихъ козацкимъ правамъ наказывать подданыхъ своихъ чѣмъ угодно, однако онъ не хочетъ ихъ наказывать, такъ какъ буйство козаковъ произошло лишь отъ пьянства, а потому просилъ уменьшить отпускъ имъ хмельныхъ напитковъ на половину. Желаніе его было исполнено. Нѣсколько разъ послѣ того Мужиловскій писалъ письма къ дьяку Волошенинову съ просьбой поскорѣе отпустить его въ Украйну, такъ какъ тамъ скоро должны начаться военныя дѣйствія, а онъ къ тому времени долженъ привезть къ гетману отвѣтъ изъ Москвы.

Когда возвратился отъ Хмельницкаго гонецъ, Мужиловскому приказано было явиться на казенный дворъ, чтобы поговорить по поводу своего доклада съ бояриномъ Григоріемъ Гавриловичемъ Пушкинымъ и думнымъ дьякомъ Михаиломъ Волошениновымъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій пошелъ ратговоръ такой:

— Въ письмѣ своемъ, говорилъ Пушкинъ Мужиловскому, ты просилъ только о томъ, чтобы государь помогъ войску запорожскому въ войнѣ съ поляками, а между тѣмъ прибывшій теперь отъ гетмана нашъ гонецъ Василій Михайловъ привезъ отъ гетмана грамоту, въ которой онъ проситъ принять его и все запорожское войско подъ высокую руку государя и послать своихъ ратныхъ людей подъ Смоленскъ; но государь, похваляя гетмана и войско запорожское за ихъ доброе хотѣнье, велѣлъ объявить тебѣ, что ему ратныхъ людей подъ Смоленскъ послать не доведется, потому что у него заключенъ вѣчный миръ съ Польшей и благочестивому и великому христіанскому государю такого великаго мира нарушать непозволительно и на корону польскую съ войскомъ запорожскимъ наступить невозможно, потому что это будетъ грѣхъ передъ Богомъ и позоръ передъ всѣми христіанскими государями.

— Если государь хотѣлъ бы помочь войску запорожскому, возразилъ на это Мужиловскій, то онъ можетъ это сдѣлать, не нарушая мира съ Польшей, такимъ образомъ: у государя есть вольные люди—донскіе козаки; запорожскіе козаки пошлютъ ихъ звать къ себѣ на помочь, а государь бы имъ позволилъ придти на помочь. Да кромѣ того они, запорожскіе козаки, теперь отъ польской неволи освободились и

взяли у нихъ нѣсколько городовъ, которые сдѣлались собственностью козаковъ, а поляки и литовцы до тѣхъ городовъ уже не касаются, и если государь приметъ запорожское войско въ подданство, то и тѣ города будутъ государевы и онъ можетъ послать въ нихъ свое войско, «какъ есть на свою прямую отчинную землю», которое оберегало бы тѣ города, а они козаки пойдутъ дальше отбивать у поляковъ и другіе города, въ которыхъ живутъ православные христіане, чтобы въ нихъ жили одни православные христіане, а полякамъ до тѣхъ городовъ не было бы дѣла.

Этотъ практичный совѣтъ Мужиловскаго не былъ однако принятъ бояриномъ; бояринъ отвѣчалъ.

— Если государь тайно пошлетъ приказъ донскимъ козакамъ помогать вамъ, то это дѣло, скрытое отъ людей, не скроется отъ очесъ всевышняго Бога, предъ которымъ такой поступокъ будетъ также грѣшенъ, какъ и явное нарушеніе мира. А пусть лучше козаки пошлютъ своихъ пословъ въ Польшу и Литву къ панамъ-радѣ уговорить ихъ, чтобы они вмѣстѣ съ вами козаками избрали своимъ королемъ русскаго государя и послали бы о томъ къ великому государю своихъ великихъ пословъ; а если у нихъ король уже избранъ, то они помирились бы съ вами на томъ, чтобы вамъ, запорожскому войску, быть въ подданствѣ великаго государя безъ нарушенія вѣчнаго мира между Польшей и Россіей, и если они на это согласятся, тогда государь приметъ васъ подъ свою высокую руку.

Такой отвѣтъ, разумѣется, отнималъ всякую возможность вести дальнѣйшіе переговоры съ Москвою, потому что никто, и самъ говорившій это, конечно не сомнѣвались, что Польша никогда не пойдетъ на подобныя предложенія. Мужиловскій предвидѣлъ подобный совѣтъ и отвѣчалъ:

— Да и гетманъ тоже думалъ, что царскому величеству, вслѣдствіе вѣчнаго мира съ Польшей, нельзя оказать помощи запорожскому войску въ борьбѣ съ ляхами, а потому онъ просилъ іерусалимскаго патріарха Паисія потолковать съ московскимъ патріархомъ и съ иными духовными людьми о томъ, можно ли государю за вѣчнымъ доконченьемъ вступиться за войско запорожское для православной христіанской вѣры. Во всякомъ случаѣ, продолжалъ онъ, какъ бы государь о томъ учинить не изволилъ, войско запорожское его милости къ себѣ желаетъ и хочетъ служить ему всѣмъ сердцемъ, потому что онъ, великій государь, одинъ на свѣтѣ благочестивый

христіанскій государь. Однако хорошо было бы, еслибы государь послалъ отъ себя къ панамъ-радѣ, чтобъ они поляки не наступали на козаковъ и въ православной христіанской вѣрѣ имъ насилованія не чинили, а если поляки по прежнему будутъ тѣснить вѣру православную, то ему, государю, за единовѣрныхъ не вступиться нельзя.

Бояринъ отвѣчалъ, что съ подобнымъ порученіемъ уже посланъ отъ государя гонецъ къ панамъ-радѣ, только доселѣ еще не возвращался. Къ этому онъ прябавилъ, что о всемъ, что они говорятъ съ нимъ Мужиловскимъ, написано самому гетману, что грамота эта будетъ послана съ дворяниномъ и что съ нимъ можетъ отправиться и онъ посланникъ. Мужиловскій благодарилъ за посылку къ гетману дворянина, иначе «гетману въ томъ дѣлѣ было бы сумнительно и того бы невѣдомо было, изволитъ ли ихъ царское величество подъ свою государеву руку принять или нѣтъ». Въ заключеніе полковникъ просилъ позволенія видѣть на отпускѣ царскія очи, что ему и было обѣщано.

Мужиловскій былъ принятъ государемъ на другой же день, 14 марта. Лошадь съ санями подъ него была послана съ государевой конюшни. Въ полатѣ являлъ его государю думный дьякъ Михаилъ Волошениновъ. Послѣ челобитья полковника ему была сказана рѣчь: «пріѣзжалъ еси къ нашему царскому величеству по присылкѣ гетмана Богдана Хмельницкаго съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, поздравляючи насъ, великаго государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія. И мы великій государь, наше царское величество, гетмана войска запорожскаго Богдана Хмельницкаго и васъ жалуемъ, милостиво похваляемъ и нынѣ отпускаемъ тебя къ гетману къ Богдану Хмельницкому; да мы жъ, великій государь, наше царское величество, посылаемъ отъ нашего царскаго величества къ гетману, къ Богдану Хмельницкому о нашихъ государскихъ дѣлахъ дворянина нашего съ тобою вмѣстѣ». Послѣ рѣчи было сказано полковнику государево жалованье; службы ему было дано: атласъ гладкій, сукно багрецъ, сорокъ соболей въ 50 р. и денегъ 30 руб. козакамъ, бывшимъ съ нимъ; 5 человѣкамъ по сукну доброму и по 10 р. денегъ, людямъ его, пяти же человѣкамъ, по 5 руб. человѣку; изъ нихъ оказались одинъ пасынокъ полковника, а другой племянникъ и имъ было дано по 10 р., по сукну доброму да по парѣ соболей, въ 3 р, пара [1]).

[1]) Сибирскаго прик. столбцы разбитые №№ 273—275, 288—284.

Мужиловскій выѣхалъ изъ Мосавы 16 марта вмѣстѣ съ московскимъ посланцомъ Григоріемъ Унковскимъ и подъячимъ Семеномъ Домашневымъ. Ѣхали они очень быстро: 18 марта были въ Калугѣ, 25-го въ Сѣвскѣ, 31-го въ Путивлѣ. Отсюда путивльскій воевода, напередъ увѣдомивши конотопскихъ властей о прибытіи царскаго посланца, проводилъ ихъ до самаго Конотопа, куда они прибыли 21-го апрѣля. Не доѣзжая до Конотопа 5 верстъ, ихъ встрѣтили конотопскій сотникъ Иванъ Рыбаченко, атаманъ и писарь, съ сотней конныхъ козаковъ, и при встрѣчѣ высказывали большую радость по поводу прибытія царскаго посланца. При въѣздѣ въ городъ стрѣляли изъ пушекъ. Здѣсь Унковскій отъ сотника узналъ, что Хмельницкій заключилъ перемиріе съ поляками до Троицына дня, но отказалъ послать своихъ пословъ на коронацію короля, а также отказалъ полякамъ мириться, не желая быть подъ державою короля и пановъ-рады, «для того, что унихъ не одинъ король и паны рада всѣ называются королями». Изъ Конотопа Унковскій пошелъ на Красный, Прилуки, Басань, Переяславль. Въ Переяславлѣ его догнали путивльцы Михаилъ Кольцовъ и Н. Драковцовъ съ государевой грамотой. Унковскому поручалось сдѣлать выговоръ полковнику Мужиловскому за то, что тотъ, уѣзжая изъ Москвы, говорилъ про московское государство непригожія слова, «что въ московскомъ государствѣ правды ни въ чемъ нѣтъ». Унковскій немедленно исполнилъ приказъ. Мужиловскій отговаривался: «государеву милость къ себѣ и жалованье я помню, и гетману, и полковникамъ, и всему войску запорожскому хвалить буду, а про московское государство ни съ кѣмъ никакихъ непригожихъ словъ не говаривалъ, развѣ въ пьянствѣ что молвилъ, и то не хитростью, по иноземскому обычаю, что государевою милостью и жалованьемъ съ Москвы поѣхалъ пьянъ».

12-го апрѣля посолъ прибылъ въ Алмазовъ (Глемязовъ), 14-го перевозились черезъ Днѣпръ въ Долматовѣ», а перевозу было внизъ по р. Днѣпру 10 верстъ». 15-го пришли въ Черкаскъ. Здѣсь Унковскій узналъ, что черкасскій сотникъ, Янъ Кровченокъ, только что вернулся изъ Крыма, куда былъ посланъ Хмельницкимъ. Унковскій сталъ допрашивать, для чего онъ былъ въ Крыму и какія тамъ вѣсти. Кровченокъ отвѣчалъ: «посланъ я былъ въ Крымъ гетманомъ къ крымскому царю, царевичамъ и мурзамъ, чтобы они шли

со всею ордою помогать по прежнему договору гетману и всему войску запорожскому на ляховъ, и они отписали къ гетману, что прибудутъ со всею ордою къ Тройцыну дню. Да крымской же царь говорилъ мнѣ: какъ намъ Богъ поможетъ повоевать ляховъ, и гетманъ и вы все войско подите съ нами воевать московскаго за ихъ неправды, что они нынѣ во всемъ передъ прежними крымскими царями чинятъ намъ кривды большія, казну даютъ не сполна и пословъ нашихъ безчестятъ, и по городамъ разсылаютъ, и голодомъ морятъ». Унковскій не повѣрилъ было, чтобы ханъ могъ говорить такія рѣчи, но Кравченокъ съ клятвою подтвердилъ свои рѣчи.

За десять верстъ отъ Чигирина Мужиловскій уѣхалъ впередъ, чтобы предупредить гетмана, а за пять верстъ Унковскаго встрѣтили тотъ же Мужиловскій да гетманской хорунжій и привѣтствовали его отъ имени гетмана. За полверсты отъ Чигирина встрѣтили его сынъ Хмельницкаго Тимоѳей, два писаря, есаулъ войсковой, войтъ изъ Паволочи, сотникъ и атаманы, человѣкъ 20, всѣ пѣшкомъ. Унковскій тоже сошелъ съ лошади; поздоровавшись, молодой Хмельницкій извинялся, что встрѣтили его въ такомъ близкомъ разстояніи и при томъ пѣшкомъ, «потому что подъ городомъ въ рѣкѣ вода велика, мосты и плотины снесла, а судовъ такихъ не изготовлено, лошадей перевозить не на чѣмъ». По приглашенію Унковскаго, Тимоѳей сѣлъ на лошадь Мужиловскаго, а всѣ остальные пошли пѣшкомъ; черезъ Тясмень перевезлись въ лодкахъ, а на берегу дожидались лошади. Посланникъ былъ поставленъ у городничаго Яна [1]). Въ тотъ же день къ нему явился есаулъ Михайло съ извиненіями отъ гетмана, что онъ самъ не присутствовалъ при встрѣчѣ, по болѣзни; вмѣстѣ съ тѣмъ Унковскому были доставлены кормы: 10 хлѣбцовъ пшеничныхъ малыхъ; 10 хлѣбцовъ ржаныхъ людскихъ, гуся, утю, двухъ поросятъ, четырехъ куръ, 50 яицъ, 2 сыра, баранъ, ногу говядины, 50 черенковъ соли; питья: сткляницу вина двойного, сткляницу вина венгерскаго, сткляницу мальвазеи, ведро вина простаго, три ведра меду, пять ведеръ пива, десять свѣчъ сальныхъ, четь овса и острамокъ сѣна. Въ случаѣ недостатка кор-

---

[1]) Останавливаюсь на подробностяхъ пріема Унковскаго, потому что онъ былъ *первый* посолъ отъ московскаго государя и церемоніалъ встрѣчи устанавливался *впервые*; послѣдующіе послы требовали тѣхъ же церемоній при встрѣчѣ, которыя были описаны въ статейномъ спискѣ Унковскаго.

мовъ есаулъ предложилъ обращаться за ними на гетманскій дворъ, гдѣ уже сдалано объ этомъ распоряженіе.

Унковскій благодарилъ за присылку кормовъ и просилъ доложить гетману, чтобы онъ принялъ его какъ можно скорѣе и чтобы на его пріемѣ не было пословъ и посланниковъ другихъ государствъ.

На другой же день, 17 апрѣля, къ Унковскому пришли два писаря, войсковой есаулъ, паволочскій войтъ и чигиринскій атаманъ съ приглашеніемъ повидаться съ гетманомъ. Мужиловскій поѣхалъ на присланной отъ гетмана лошади; впереди его подъячій везъ государеву грамоту, а по сторонамъ шли писаря, есаулъ, войтъ и атаманъ. На гетманскомъ дворѣ у крыльца его встрѣтили гетмановы ближніе люди, а въ свѣтлицѣ у самой двери встрѣтилъ самъ гетманъ. Унковскій подалъ ему грамоту; гетманъ приложился къ печати и поцѣловалъ; тоже велѣлъ сдѣлать и обозному своему Чернятѣ. Затѣмъ Унковскій спросилъ отъ имени государя гетмана и все войско о здоровьѣ, на что въ отвѣтъ всѣ присутствовавшіе низко поклонились. Въ свою очередь гетманъ спросилъ о здоровьи государя и царевича Дмитрія Алексѣевича. Послѣ того посланникъ объявилъ государево жалованье: гетману три сорока соболей, дѣтямъ его Юрью и Тимоѳѣю, обозному Ивану Чернятѣ, писарямъ: Ивану Крычевскому да Ивану Выговскому, войсковому есаулу Михайлѣ, гетману Костырскому Яну, полковникамъ: черниговскому Ѳедору Вешняку, корсунскому Мазуренкѣ, нѣжинскому Шумейкѣ, миргородскому Матвѣю Гладкому—по парѣ соболей. Всѣ одаренные били челомъ. Послѣ того гетманъ прочиталъ государеву грамоту про себя одинъ и, снова поцѣловавши печать, отдалъ ее Ивану Выговскому, благодарилъ за милостивое слово и предложилъ Унковскому сѣсть около себя; полковники разсѣлись по скамьямъ и тутъ же гетманъ предложилъ посланнику у него отобѣдать. День закончился обѣдомъ у гетмана.

19 апрѣля Унковскій послалъ къ гетману Мужиловскаго, чтобы онъ назначилъ день. Прибывши въ его домъ съ тою же церемоніей, какъ и въ первый разъ, Унковскій нашелъ у Хмельницкаго всю старшину, которая въ то время была въ городѣ. Поздоровавшись, гетманъ взялъ его подъячаго и писаря Выговскаго въ отдѣльную комнату и только теперь началась рѣчь о дѣлахъ.

— Въ государевой грамотѣ, началъ Хмельнцкій, писано ко мнѣ, чтобы я послалъ своихъ пословъ въ Польшу и Литву къ панамъ-

родѣ ходатайствовать объ избраніи на польскій престолъ русскаго царя, но то дѣло миновалось: въ Польшѣ король выбранъ; пусть теперь государь съ своими войсками самъ наступитъ на Литву, и она навѣрное предложитъ ему свою корону, а на Польшу я и войско запорожское помочи не просимъ: Польшѣ противъ насъ и крымскаго царя неустоять и такимъ образоомъ государь станетъ государемъ Литвы и Польши. Да писалъ я государю, чтобы онъ меня съ войскомъ принялъ подъ свою высокую руку, но въ царской грамотѣ отвѣта на это предложеніе нѣтъ; не наказано ли тебѣ чето-нибудь объ этомъ?

— Если, Богъ дастъ, вы освободитесь отъ Польши и Литвы безъ нарушенія мира, тогда государь васъ пожалуетъ, велитъ быть подъ своею высокою рукою.

— Да мы и теперь свободны; цѣловали мы крестъ служить вѣрой и правдой королю Владиславу, а теперь въ Польшѣ и Литвѣ выбранъ королемъ Янъ Казиміръ и коронованъ, однако насъ Господь отъ нихъ избавилъ: короля мы не выбирали, не короновали и креста ему не цѣловали, а они къ намъ о томъ не писали и не присылали, а потому мы стали свободны. Почему же бы теперь государю не помочь намъ? Если онъ опасается Польши и Литвы, что въ прошлые годы причинили московскому государству многія бѣды и разореніе, то теперь этого опасаться нечего: безъ нашего запорожскаго войска вездѣ они будутъ худы, а и въ тѣхъ-то войнахъ были сильны лишь нашимъ войскомъ. Теперь счастье само дается въ руки государю: безъ всякаго ущерба онъ можетъ получить большое государство и множество ратныхъ людей. А мы желаемъ поступить подъ государеву руку, потому что наша благочестивая вѣра явилась отъ общаго корня, отъ Св. Владиміра, только ляхи своими неправдами и насиліемъ отлучили насъ отъ московскаго государства, а я такъ думаю: на чьей сторонѣ войско запорожское и вся Бѣлая Русь будетъ, та сторона будетъ страшна всѣмъ непріятелямъ, потому что войско запорожское имѣетъ огромныя сылы, что извѣстно и государю, и если насъ государь не принимаетъ и отъ своей милости отгоняетъ, то намъ кажется, что мы православные христіане ему не годны и милостивымъ къ намъ быть не хочетъ.

— Такія рѣчи говоришь ты, гетманъ, не помня къ себѣ царской милости: отъ вѣка прежніе гетманы и войско запорожское не ви-

дали такихъ милостей, какъ милость къ тебѣ. Въ прошломъ 156 (1648) году присылали къ государю извѣстіе паны-рада польскіе и литовскіе, что войско запорожское отъ нихъ отложилось и войну противъ нихъ начало, а потому просили на васъ помочи ратными людьми, согласно договора; но госурарь и не подумалъ посылать на васъ войско, а напротивъ отвѣчалъ, чтобы они войны и кровопролитіе прекратили. Затѣмъ, когда государь узналъ, что у васъ хлѣбъ не родился, саранча поѣла, а соли вслѣдствіе войны добыть негдѣ, то позволилъ вамъ покупать хлѣбъ, соль и всякіе товары въ своихъ городахъ и пріѣзжать для покупки торговымъ людямъ. Что если бы государь запретилъ вамъ вывозить изъ своего государства хлѣбъ, соль и всякіе товары? Вѣдь вы тогда всѣ умерли бы съ голода, не только что смогли бы воевать съ ляхами! Когда я ѣхалъ сюда черкасскими городами, то народъ говорилъ мнѣ, что они всѣ молятъ Бога за эту милость государеву! Да вотъ и сейчасъ государь жалуетъ васъ новою милостью, дозволяетъ вашимъ людямъ привозить всякіе товары въ свои порубежные города *безпошлинно*.

Гетманъ благодарилъ за эту милость и объявилъ, что и онъ сейчасъ же прикажетъ пропускать изъ московскаго государства торговыхъ людей со всякими товарами безпошлинно же.

— А долго ли быть войнѣ у васъ съ поляками и на чемъ вы хотите помириться?

— Ну, нашей войнѣ съ ляхами и Литвою конецъ одинъ Богъ вѣдаетъ. Много они намъ бѣдъ и разореній причинили: святыя Божіи церкви сквернили, насъ хотѣли поневолить въ свою проклятую вѣру, но милосердный Богъ призрѣлъ на наши слезы и терпѣніе, не допустилъ ихъ въ конецъ насъ раззорить, подавши намъ побѣду на нихъ за ихъ злодѣйство, а мнѣ, послѣднему въ человѣцѣхъ, повелѣлъ надъ войскомъ запорожскимъ въ войнѣ сей начальникомъ быть и надъ ляхами побѣды имѣть. Послѣ этихъ побѣдъ ляхи и литва присылали къ намъ пословъ и много разъ писали, чтобъ намъ по прежнему быть подъ ихъ властью на томъ условіи, что они будутъ почитать святыя Божія церкви и православую христіанскую вѣру, не будутъ держать ляцкихъ духовныхъ и вообще дадутъ намъ во всемъ повольность, а мнѣ гетману, даютъ городъ Чигиринъ да еще четыре города, гдѣ я хочу, и кромѣ того кіевское воеводство,—въ этомъ они готовы присягнуть. Однако мы знаемъ, какова ихъ

присяга! И прежде они не разъ присягали, да присяга не удерживала ихъ отъ притѣсненій и кровопролитья. А теперь, какъ слышно, за нынѣшнюю войну грозятъ не оставить въ живыхъ ни одного козацкаго младенца! Я съ своей стороны предлагалъ имъ помириться на томъ, чтобы имъ, ляхамъ и литвѣ, до насъ, войска запорожскаго, и до Бѣлой Руси дѣла не было, а границы наши и Бѣлой Руси были бы тѣже, какъ владѣли благочестивые великіе князья. «Если они не пойдутъ на предложенныя мною условія, то война затянется Богъ знаетъ до коихъ поръ, а если согласятся помириться, то послѣ мира къ кому намъ обратиться, какъ не къ великому московскому государю? Не турского царя и не нѣмецкихъ королей призывать!

Рѣчь, достойная великаго патріота, какимъ былъ Хмельницкій! Онъ какъ будто вовсе забылъ о причинахъ, побудившихъ его поднять казацкое возстаніе; онъ вовсе не думаетъ о своихъ личныхъ интересахъ, даже благополучіе всего войска запорожскаго не составляетъ цѣли его дѣйствій,—цѣль эта выше шире! Онъ мечтаетъ возстановленія Руси въ тѣхъ границахъ, какъ она была *при великихъ князьяхъ,* онъ смотритъ на войско запорожское, какъ на неразрывную часть цѣлаго—Великой Руси, къ которой онъ поэтому всѣми силами души стремится. Велика козацкая душа! Страннымъ даже представляется, что у простаго козака могла явиться такая идея,—идея, о которой Москва, преслѣдуя свои узкіе интересы, не имѣла никакого представленія. Не могло не казаться обиднымъ Хмельницкому, что Москва не хочетъ понять его великой идеи, не имѣетъ мужества рискнуть побороться за свои старинныя земли, тогда какъ онъ, отказываясь отъ лично выгодныхъ условій мира, стремится осуществить эту идею. Но онъ все таки не теряетъ вѣры въ успѣхъ своихъ плановъ, не теряетъ надежды когда-нибудь привлечь Москву къ задуманному предпріятію, а потому продолжаетъ развивать свои планы передъ Унковскимъ въ полной увѣренности, что каждое его слово будетъ вѣдомо государю. Высказавши свои планы, онъ сталъ говорить о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ:

— 15-го мая [1]) прислалъ ко мнѣ Янъ Казиміръ пословъ, черни-

[1]) Очевидно ошибка писца, писавшаго статейный списокъ. Польскіе послы не могли быть у гетмана 15-го марта, потому что королевская грамота, привезенная ими, помѣчена *семнадцатымъ* числомъ марта. Безъ сомнѣнія нужно читать: *15 апрѣля,* когда Унковскій былъ еще въ Черкасахъ, а ужъ никакъ не *15 мая,* такъ какъ Унковскому грамота эта передана гетманомъ на свиданіи 19 апрѣля.

говскаго подстолія Бартоломея Вирженскаго[1]) съ 40 чел., которые привезли мнѣ королевской листъ, да хоругвь и булаву. Въ грамотѣ написано, что король не сомнѣвается въ вѣрности войска запорожскаго, а потому не велѣлъ польскимъ войскамъ переходить дальше рѣки Горыни, а гетману княжества литовскаго приказалъ не безпокоить козаковъ подъ страхомъ жестокаго наказанія; затѣмъ слѣдуютъ упреки, что я не отпустилъ съ комиссарами польскихъ плѣнникомъ, взятыхъ въ Кодакѣ, и просьба объ отпускѣ ихъ. Послѣ того король проситъ о скорѣйшемъ составленіи списковъ войсковыхъ, а самъ обѣщается по первой статьѣ моихъ условій ни чѣмъ не стѣснять греческой вѣры, имѣть всегда кіевскимъ каштеляномъ пана греческаго вѣроисповѣданія; относительно моего требованія, чтобы кіевскій митрополитъ считался первымъ послѣ примаса польскаго, король пишетъ, что онъ внесетъ это предложеніе на сеймъ, потому что безъ согласія сейма не имѣетъ права увеличивать число сенаторовъ; относительно Чаплинскаго король писалъ, что онъ его уже выключилъ изъ войсковаго списка, а затѣмъ приказалъ требовать его на сеймъ для суда и наказанія. Въ заключеніе пишетъ, чтобы всѣ свои желанія я передалъ его послу Вареоломею Смаровскому и король исполнитъ ихъ. А нѣсколько дней спустя присланъ другой листъ, въ которомъ писано: вѣдомо королю и панамъ радѣ учинилось, что ты, гетманъ, и войско запорожское ищете себѣ новаго государя, а искони вы были подъ властью польскихъ королей, и вамъ бы то надо памятовать и держаться прежнихъ своихъ государей. На это посланіе я имъ отвѣчалъ, что какъ мы были подъ властью королей вашихъ, и тогда вы святымъ Божіимъ церквамъ и нашей христіанской вѣрѣ безпрестанно поругались и насъ имѣли собакъ хуже, и мы отнынѣ и до скончанія вѣка подъ властію королей вашихъ и у васъ въ подданствѣ быти не хотимъ, а дастъ намъ Господь Богъ государя благочестиваго христіанскія вѣры». Присылалъ ко мнѣ пословъ и король венгерскій, а въ листу писалъ, что онъ хочетъ намъ помогать на ляховъ ратными людьми за то, что

[1]) Въ королевской грамотѣ онъ дважды называется Вареоломеемъ *Смаровскимъ*, въ статейномъ спискѣ Унковскаго тоже дважды *Вирженскимъ*. У Н. И. Костомарова (Моногр. Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 94, изд. III) тоже упоминается фамилія *Смяровскій*; по его мнѣнію, это былъ шпіонъ, котораго А. Кисель держалъ около Хмельницкаго.

ляхи учинили ему великія обиды и завладѣли его землями. Присылали пословъ съ грамотами Мултьянской, Волошскій да Дьянскій (господари), что хотять они намъ помогать ратными людьми и казной и радуются нашему освобожденію изъ ляшской неволи. Но мнѣ помощниковъ не нужно, есть у меня сознкиъ могучій и вѣрный,—то ханъ крымскій со всей своей ордой.

— Чѣмъ же у васъ укрѣплено съ ханомъ крымскимъ и надежны ли вы на его правду?

— Съ ханомъ крымскимъ укрѣплено душами и письменнымъ договоромъ, что ему отъ меня и войска запорожскаго не отступить и намъ отъ нихъ не отстать. А правда его явилась въ прошлой войнѣ, когда татары за насъ сражались, не щадя своихъ головъ; да и сейчасъ его передовые ратные люди съ перекопскимъ воеводою къ намъ пришли, а бѣлогородскіе татары пошли по Днѣстру на польскую границу, наконецъ и самого хана со всею ордою со дня на день ожидаю; а свое запорожское войско и нарядъ я уже послалъ на польскую границу на указныя мѣста. Если, Богъ дастъ, эту войну кончимъ благополучно, тогда и царь со всѣмъ Крымомъ хочетъ освобождаться изъ неволи отъ турскаго султана и меня съ войскомъ запорожскимъ позоветъ на помочь, а за помощь уступаетъ намъ весь турецкій полонъ и животы, какъ мы поступились ему польскимъ полономъ и животами. Крымскій ханъ надѣется освободиться отъ турскаго султана, потому что у турокъ теперь большіе упадки: много ихъ нѣмцами побито и на Бѣломъ морѣ [1]) путь къ Египту отняли. Да ханъ-же говорилъ мнѣ, что у нихъ мудрые люди въ книгахъ своихъ нашли, что пришло время православнымъ христіанамъ освободиться отъ всѣхъ вѣръ. Въ то время, какъ наши послы были у хана, пришли къ нему послы и отъ польскаго короля и пановъ рады и предлагали ему получить большую казну съ условіемъ отступиться отъ войска запорожскаго; ханъ прислалъ королевскій листъ ко мнѣ и спрашивалъ, какъ ему поступить. Я посовѣтовалъ ему взять ту казну, которую ему даютъ и потомъ идти съ нами воевать; онъ такъ и сдѣлалъ. Да въ прошломъ году, послѣ польской войны, ханъ предложилъ мнѣ идти съ

[1]) Въ документахъ XVII ст. Средиземное море всегда называется Бѣлымъ моремъ.

нимъ воевать московское государство, но я его унялъ, пригрозивши тѣмъ, что если онъ пошлетъ свое войско подъ государевы украинные города, то мы, войско запорожское, отступимся отъ него и пойдемъ воевать Крымъ, потому что у насъ съ московскимъ государствомъ единственно православная христіанская вѣра.

— Такая недобрая мысль крымскаго царя, отвѣчалъ Унковскій, не страшна и не опасна, потому что нашъ мудрый и храбрый государь постоянно усиливаетъ свои войска, строитъ новые города на границахъ и укрѣпляетъ ихъ, а въ тѣхъ городахъ и зиму и лѣто стоятъ большое число ратныхъ людей, постоянно готовыхъ отразить непріятелей. Однако, если онъ опять почнетъ звать тебя на московское государство, или самъ будетъ собираться, то тебѣ его отъ того-бы отклонять и самому такое недоброе дѣло не мыслить и войску запорожскому воли не давать.

— Да, мы слышали отъ Силуяна Мужиловскаго, что у васъ большое войско и построено много новыхъ городовъ; это хорошо, потому что Крымъ бусурманской вѣры и въ нихъ живетъ большое непостоянство. Но я и войско запорожское, поставляю на душу свою свидѣтеля Бога, на такое дѣло не помыслимъ и ихъ отъ такого дѣла унимать будемъ и во всякомъ случаѣ немедленно-же извѣстимъ порубежныхъ воеводъ, если татары задумаютъ идти въ московское государство.

— А правда-ли, будто крымскій ханъ за большой выкупъ отпускаетъ въ Польшу гетмановъ Потоцкаго и Калиновскаго?

— Не вѣрь ты тому! пока я живъ, ихъ изъ плѣна не выпустятъ, а сдѣлаютъ съ ними все, чего мы захотимъ.

— Вотъ ты говоришь, что желаешь всякаго добра великому государю; а извѣстно-ли тебѣ, что черкасы нападаютъ на порубежныхъ людей, чинятъ имъ великія обиды, грабятъ и убиваютъ, въ угодья въѣзжаютъ, пчелъ выдираютъ, рыбу ловятъ, хлѣбъ и сѣно увозятъ насильно и что ваши порубежные начальные люди такихъ воровъ не наказываютъ и не сыскиваютъ? Когда эти порубежныя земли были за поляками, такихъ обидъ не было.

Въ отвѣтъ на эту жалобу гетманъ приказалъ Выговскому немедленно послать грамоты къ порубежнымъ начальникамъ, чтобы строго наказывали такихъ своевольниковъ, безъ всякой пощады.

Въ заключеніе бесѣды Унковскій просилъ гетмана отписать на государеву грамоту и поскорѣе отпустить, что гетманъ и обѣщалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его опять отобѣдать у него. Унковскій согласился.

Отпускъ Унковскаго происходилъ 22 апрѣля, послѣ обѣда у гетмана, который вручилъ ему грамоту къ государю и предложилъ ѣхать вмѣстѣ съ его посломъ, *чигиринскимъ* [1]) полковникомъ Ѳедоромъ Вешнякомъ [2]). На отпускѣ гетманъ подарилъ Унковскому лошадь, да лукъ съ саадашнымъ лубьемъ, тоже и подъячему, а при отъѣздѣ ихъ изъ Чигирина прислалъ съ Выговскимъ Унковскому 100 ефимковъ (30 рублей), подъячему 50 да людямъ 30 ефимковъ. Изъ Чигирина до перевоза черезъ Тясьминъ московского посла провожали Тимоѳей Хмельницкій, всѣ полковники, есаулы, писаря, сотники и атаманы, бывшіе въ Чигиринѣ, съ гетманскимъ знаменемъ, съ литаврами и трубами. Обратный путь Унковскій имѣлъ по другой дорогѣ: на Черкасскъ, Мошны, Михайловку, Кіевъ, Бровары, Свѣтильново, Гоголево, Басань, Нѣжинъ, Борзну, Батуринъ, Конотопъ, Путивль, Сѣвскъ, Калугу, откуда вышелъ въ Москву 22 мая.

Помимо свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Малороссіи, сообщенныхъ ему съ такою откровенностью гетманомъ, Унковскій собиралъ подобныя свѣдѣнія и отъ другихъ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Въ росписи расхода отпущенныхъ ему соболей значится: «да отъ государевыхъ дѣлъ отъ провѣдыванья вѣстей роздалъ сорокъ соболей въ сорокъ рублей, а кому именемъ и отъ какого дѣла что дано, и то писано въ сей-же росписи». Лица, отъ которыхъ онъ собиралъ вѣсти, были слѣдующія: конотопскіе: сотникъ Ив. Рыбаченко, атаманъ Семенъ Пивоваровъ да писарь Семенъ, переяславскій полковникъ Ѳедоръ Лобода, елмязовскій сотникъ Ив. Щуренко (дана пара соболей для того, что сказывалъ,

---

[1]) Вѣроятно описка. Выше Унковскій самъ называетъ Вешняка полковникомъ *черниговскимъ*. Но С. М. Соловьевъ (Ист. Рос., т. X, стр. 224, изд. 2) и Н. И. Костомаровъ (Моногр. „Богданъ Хмельницкій“, т. II, стр. 238) тоже называютъ его *чигиринскимъ*.

[2]) Въ грамотѣ Хмельницкій, не распространяясь о дѣлахъ, проситъ о немедленной посылкѣ ратныхъ людей на Литву и о принятіи его съ войскомъ запорожскимъ въ подданство.

какъ онъ былъ въ посольствѣ въ Литвѣ у Радзивила и о какихъ дѣлахъ, и для того, что онъ гетману *свой*), черкасскіе: полковникъ Манка да сотникъ Ив. Кравченко (бывшій въ послахъ у хана крымскаго), войсковой есаулъ Лесовецъ, войсковой судья Матьяшъ и писаря: Кричевскій и Выговскій, приходившіе къ нему на подворье и сообщавшіе разныя вѣсти. Отъ этихъ лицъ Унковскій узналъ, что гетманъ отпустилъ польскаго посла, брацлавскаго воеводу Адама Киселя въ великій постъ съ тѣмъ, что гетманъ и все войско запорожское и вся Русь кіевская подъ властью польскаго короля и пановъ рады быть не хотятъ и паны-бъ рада на войско запорожское и всю Русь не наступали и крови не проливали, но Адамъ Кисель съ такими условіями въ Польшу идти не рѣшился, потому что, отправляясь посломъ, хвалился войско запорожское на миръ привести по прежнему и теперь живетъ въ своей маетности городѣ Гощѣ, а городъ этотъ принадлежитъ войску запорожскому. Въ Польшѣ король и паны рада объявили посполитое рушенье и польскаго войска собралось такъ много, сколько прежде никогда не бывало; сборнымъ пунктомъ этого войска назначенъ островъ за р. Горыней, а польнымъ гетманомъ назначенъ Андрей Фирлей, товарищемъ ему хорунжій Красовскій. Король самъ съ войскомъ своимъ будетъ въ Львовъ вскорѣ послѣ Тройцына дни, а при немъ 6,000 цесарскихъ людей да польское остальное войско; мѣшкаетъ онъ выступить въ походъ потому, «что благословилъ его папа жениться на королевѣ брата его Владислава короля», а женясь наскоро въ войскѣ будетъ. У Вишневецкаго гетманство и булава отняты въ наказаніе за то, что нынѣшняя война началась отъ него, и теперь найвысшаго гетмана не будетъ, потому что самъ король взялъ на себя этотъ чинъ. Для увеличенія своего войска король посылалъ въ Швецію просить помощи, обѣщаясь отказаться отъ шведскихъ титуловъ, да въ прусскую землю, въ Гданскъ. Пруссаки сначала было отказали ему въ помощи, но когда король пригрозилъ, что онъ, помирясь съ войскомъ запорожскимъ, всѣми силами нападетъ на нихъ, тогда пруссаки дали ему на ратныхъ людей 20 бочекъ ефимковъ, вслѣдствіе чего король щедро платитъ своему войску: вдвое и втрое противъ прежняго. А запорожское войско стоитъ подъ Баромъ, въ Константиновѣ и въ Гощѣ, подъ начальствомъ Нечая полковника брацлавскаго, Штепы попа да

винницкаго Гавтеренка, отъ польскаго войска верстахъ въ пяти; войска съ ними до тридцати тысячъ. Стычекъ между непріятелями не бываетъ, потому что поляки ожидаютъ возвращенія своихъ пословъ отъ гетмана; но отпускъ ихъ гетманъ затянетъ настолько, пока не получитъ вѣсти о прибытіи крымскаго хана. Впрочемъ, когда Унковскій выѣхалъ изъ Чигирина, гетманъ оставался тамъ не больше недѣли, потому что получилъ извѣстіе о прибытіи хана съ крымскими и ногайскими татарами и темрюцкими черкасами и пошелъ ему на встрѣчу, чтобы провести татаръ *полемъ*, не захватывая козацкихъ городовъ. Кромѣ хана обѣщалъ помощь гетману князь Корецкій, потому что родители его были православной христіанской вѣры. За то увеличилось и число враговъ; то было литовское войско въ количествѣ 16,000, расположившееся въ Рѣчицахъ. Во время военныхъ дѣйствій 1648 г. Литва оставалась спокойной, вслѣдствіе договора гетмана съ Литвой, но теперь она тоже поднялась противъ козаковъ. Войско литовское было подъ начальствомъ Радзивила, Сапѣги, Кишки, Служки и Воловича. Изъ нихъ отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ Служки, пошелъ было подъ сѣверскіе города войска запорожскаго, но былъ совершенно разбитъ полковникомъ Ѳедоромъ Солдатомъ, имѣвшимъ 4,000 козаковъ. Гетманъ опять посылалъ къ литовскимъ сенаторамъ съ предложеніемъ, чтобы они не посылали войска противъ козаковъ, угрожая нашествіемъ татаръ, но сенаторы отвѣчали посламъ, что въ прошломъ году у нихъ не было короля и они могли заключать миръ, но теперь должны повиноваться королевской волѣ, хотя сами они весьма были-бы рады прекратить войну. Впрочемъ войско запорожское имѣетъ еще хорошихъ союзниковъ, это—донскіе козаки. Гетманъ посылалъ къ нимъ Михаила Войтова съ просьбой идти на помощь, и козаки донскіе обѣщались выступить немедленно и многіе изъ нихъ, которые прежде принадлежали къ войску запорожскому и къ населенію Бѣлой Руси, уже пришли. Прибывшіе донскіе козаки очень хвалятъ милостивое отношеніе къ нимъ московскаго государя, который ежегодно посылаетъ имъ денежное жалованье, сукна, хлѣбные и пушечные запасы и струги; въ отвѣтъ на ихъ похвалы запорожскіе полковники говорятъ: «а мы польскому королю и панамъ радѣ служили и польскому государству

прибыль чинили, а ни отъ кого ничего не видали, кромѣ разоренья и кровопролитія; и если бы великій государь велѣлъ намъ быть подъ своею высокою рукою и такая-бъ его милость къ намъ была, что и къ донскому войску, и мы пошли-бы на какое угодно государство, только бы было царское повелѣнье. А если Господь за грѣхи наши отдасть насъ подъ мечь супостатамъ, то не всѣхъ же насъ побьютъ! остальные уйдутъ до времени въ старожитное свое мѣсто въ Запороги, а съ кѣмъ Богъ и не велѣлъ намъ братства и совѣта имѣть—съ крымскою землей будемъ жить посполу и надъ ляхами промышлять, а въ подданствѣ у нихъ быть не хотимъ».

Будучи въ Кіевѣ, Унковскій узналъ, что кіевляне посылали поздравлять польскаго короля со вступленіемъ на престолъ Юрья Крамнина съ товарищами, и король, принимая ихъ поздравленіе, говорилъ имъ, чтобы они оставались подъ его властью по прежнему, а онъ ихъ пожалуетъ, дастъ имъ льготу—не велитъ брать съ нихъ никакихъ налоговъ и пошлинъ, православную вѣру тѣснить ничѣмъ не велитъ, римскіе костелы въ Кіевѣ уничтожитъ и польскихъ начальниковъ и жидовъ туда пускать запретитъ. Но кіевляне вовсе не вѣрятъ этимъ обѣщаніямъ, и кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, печерскій архимандритъ Іосифъ Трызна, слуцкій архіепископъ и весь духовный чинъ и торговые посадскіе люди послали къ гетману слуцкаго архимандрита Мелетія съ просьбой защитить ихъ отъ польскихъ насилій, такъ какъ, по ихъ словамъ, польскій король съ сенаторами приговорили монастыри и церкви сжечь, всѣхъ православныхъ предать смерти, а прежде другихъ духовный чинъ, а потому они въ Кіевѣ и во всей Бѣлой Руси находятся въ большомъ страхѣ.

Наконецъ Унковскій старательно провѣдывалъ о настроеніи населенія малорусскихъ городовъ, объ ихъ желаніи находиться въ подданствѣ русскаго царя. Изъ многочисленныхъ распросовъ онъ убѣдился, что дѣйствительно этого хочетъ весь малорусскій народъ, однако рѣшеніе этого вопроса оставляли на волю гетмана: «Господь Богъ далъ намъ нынѣ христіанской вѣрѣ оборонителя и отъ проклятой вѣры освободителя гетмана Богдана Хмельницкаго; какъ

его воля на такое дѣло будетъ, мы отъ него отставать не будемъ» [1]).

Ни посольство Мужиловскаго, ни посольство Вешняка не принесли Хмельницкому какихъ либо выгодъ. Правда, Москва все время войны козаковъ съ поляками держала дружественный нейтралитетъ по отношенію къ нему, предоставивъ даже свободу донскимъ козакамъ помогать ему, но активнаго участія въ событіяхъ не принимала, если не считать слабыхъ представленій польскому правительству о козакахъ. Гораздо больше Москва извлекла пользы для себя изъ сношеній Хмельницкаго: увѣренная словами гетмана, что крымскій ханъ, пока онъ будетъ въ союзѣ съ козаками, не тронется противъ нея, она тѣмъ съ большей смѣлостью и настойчивостью стала хлопотать въ Польшѣ о своихъ интересахъ. Почему же московское правительство не рискнуло принять Малороссію въ подданство въ 1649 г., не смотря на просьбы козаковъ? Вѣрнѣе всего на этотъ вопросъ можно отвѣтить словами Хмельницкаго; что въ Москвѣ опасались Польши и Литвы, потому что они причинили московскому государству въ прошлые годы большое разореніе. Съ конца еще XVI ст. и до самаго царствованія Алексѣя Михайловича поляки во всѣхъ столкновеніяхъ съ Москвой одерживали верхъ и въ Москвѣ не могла не утвердиться мысль о сильномъ могуществѣ польскаго государства, а отсюда страхъ вы-

---

[1]) Переговоры Унковскаго съ Хмельницкимъ и собранныя имъ вѣсти извлечены изъ документовъ московскаго архива министерства юстиціи (Сибирскій приказъ, столбецъ № 7608). Относительно свѣдѣній, сообщенныхъ статейнымъ спискомъ Унковскаго, слѣдуетъ замѣтить, что вообще статейные списки московскихъ пословъ отличаются крайней точностью и правдивостью. Шагъ за шагомъ, слово за словомъ заноситъ посолъ въ свой списокъ ясно, точно и опредѣленно. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ тѣхъ случаяхъ, когда переговоры были очень длинны, послы просили того, у кого были, перечитать ихъ статейный списокъ, чтобы подтвердить точность его. Но нельзя ручаться за точность передаваемыхъ статейнымъ спискомъ вѣстей. Посолъ записалъ точно то, что ему передано, но насколько вѣрны сообщенныя ему вѣсти, онъ не ручается; онъ только указываетъ лицо, которое ему передало вѣсти; не его дѣло судить объ ихъ основательности. Эта оговорка необходима въ виду того, что вѣсти, сообщенныя Унковскимъ, не всегда совпадаютъ съ фактами, которые установились въ исторической литературѣ. Дѣло критика указать, кому слѣдуетъ вѣрить.

звать ея силы противъ себя. Правда, теперь Польша, кажется, побита козаками, но вѣдь побита въ союзѣ съ татарами, которые приходили на Польшу въ огромномъ количествѣ. А кто могъ поручиться, что если козаки будутъ приняты въ подданство Россіи, то Крымъ останется спокойнымъ? Не слѣдовало ли въ такомъ случаѣ ожидать союза татаръ съ поляками, а слѣдовательно выдерживать войну съ двумя сильнѣйшими государствами, изъ коихъ каждое въ отдѣльности побѣждало русскихъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что очень вѣсскія соображенія удержали на сей разъ государя отъ присоединенія Малороссіи.

А. Востоковъ.

Библіографія.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 54-й, Спб. 1886 г.

Въ дѣлѣ изданія документовъ, преимущественно дипломатическихъ, по русской исторіи XVIII и XIX столѣтій Русское Историческое Общество перевалило уже во вторую полусотню объемистыхъ томовъ. Въ недавно вышедшемъ томѣ, помѣченномъ прошлымъ годомъ, дошла очередь до матеріаловъ, относящихся къ жизни и дѣятельности извѣстнаго херсонскаго генералъ-губернатора герцога Ришелье, ставшаго потомъ, по оставленіи имъ Россіи, министромъ иностранныхъ дѣлъ при королѣ Людовикѣ XVIII, отчасти благодаря именно своимъ симпатіямъ къ русскому императору, съ которымъ, такъ же, какъ и съ его министрами, онъ велъ дѣятельную переписку до самой смерти своей въ 1822 году.

Само собою разумѣется, что для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе всего въ разбираемой книгѣ матеріалы, выясняющіе личность Ришелье, его взгляды, имѣющіе отношеніе къ управленію новороссійскимъ краемъ, и наконецъ самую административную дѣятельность его.

Герцогъ Армандъ Эммануилъ Ришелье происходилъ изъ стариннаго рода знаменитаго кардинала Ришелье. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ легитимистомъ и во многихъ отношеніяхъ поклонникомъ стараго порядка во Франціи. Онъ идеализировалъ средневѣковое рыцарство, въ порчѣ нравовъ и въ упадкѣ рыцарскаго духа усматривалъ главную причину бѣдствій революціи и считалъ большимъ несчастіемъ для Франціи, что «торговля и доходныя мѣста такъ обогатили народъ (т. е. буржуазію), тогда какъ опытъ показалъ, что дерзость его возрастала соотвѣтсвенно возрастанію его зажиточности» (№102, стр. 377—387). Будущій новороссійскій генералъ-губернаторъ

началъ свою служебную карьеру во Франціи въ должности перваго придворнаго кавалера и въ день бѣгства короля Людовика XVI изъ Парижа былъ дежурнымъ. Послѣ ареста короля, Ришелье выѣхалъ изъ Парижа съ разрѣшенія народнаго собранія, подъ условіемъ возвращенія во Францію, въ виду желанія его, «чтобы пріобрѣтенныя имъ военныя познанія предоставили ему со временемъ возможность содѣйствовать славѣ отечества»; въ дѣйствительности Ришелье возвратился въ свое отечество только по окончаніи революціонныхъ бурь и по возстановленіи Бурбоновъ въ Франціи, въ 1814 году.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Ришелье былъ обласканъ императрицею Екатериною, зачисленъ въ русскую службу и отправленъ въ армію Конде, для участія въ походѣ 1792 г. По неудачномъ исходѣ кампаніи, онъ возвратился въ Петербургъ и подалъ императрицѣ замѣчательный по смѣлости мысли, удостоившійся одобренія, проэктъ о поселеніи французскихъ эмигрантовъ на югѣ Россіи и о сформированіи изъ нихъ военныхъ колоній. Предполагалось отвести эмигрантамъ 630 тысячъ десятинъ земли, въ предѣлахъ таврической и екатеринославской губерній, по берегамъ Азовскаго моря и р. Берды. Каждый мушкатеръ простого происхожденія имѣлъ получить 30 десятинъ, каждый дворянинъ 60, каждый офицеръ 300, священникъ такое же число на содержаніе церкви, каждый изъ 6 высшихъ офицеровъ 600 и т. д. Военные колонисты какъ офицеры, такъ и простые мушкатеры, освобождались отъ поземельной подати во время службы и въ отставкѣ. По дѣламъ гражданскимъ, колоніями завѣдуетъ губернаторъ, а по военнымъ дается отчетъ главному командиру. Каждой колоніи предоставлялось имѣть свой судъ въ главномъ поселеніи, который рѣшаетъ тяжебныя дѣла по законамъ и обычаямъ колонистовъ; въ дѣлахъ уголовныхъ военные колонисты судятся по русскимъ военнымъ законамъ и приговоръ утверждается военной коллегіей, а простые колонисты судятся въ губернскомъ городѣ. Русское правительство обязывалось построить для каждаго колониста, который явится въ теченіи 5 лѣтъ, удобный домъ, сверхъ того двѣ церкви въ двухъ главныхъ поселеніяхъ и по часовнѣ въ каждомъ «дистриктѣ». Каждый военный поселенецъ получитъ на обзаведеніе по рублю на десятину, т. е. простой мушкатеръ 30 р., офицеръ 300 и т. д.; сверхъ того, каждый мушкатеръ получитъ по двѣ лошади, по двѣ коровы и по шести овецъ; офицеры—по пропорціи. Колонистамъ предоставлялось заводить всякаго рода фабрики и заводы, продавать продукты, получаемые на нихъ, внутри имперіи безданно и беспошлинно (№№ 8 и 9, стр. 201—208). Съ такимъ то проэктомъ Ришелье отправился въ Кобленцъ, везя съ собою 60,000 червонцевъ, полученныхъ отъ русскаго двора, но

чисто внѣшняя причина, именно военныя дѣйствія на Рейнѣ помѣшали вывозу французскихъ эмигрантовъ и водворенію ихъ на югѣ Россіи.

Мысль о колонизаціи новороссійскихъ степей не оставляла герцога Ришелье и послѣ, когда онъ сталъ херсонскимъ генералъ-губернаторомъ. 10 мая 1810 г. онъ писалъ императору Александру: «слѣдуетъ припомнить, какъ трудно было въ прежнее время переводить русскія арміи степями для нападенія на турецкія провинціи; мало того, сколько разъ, послѣ блестящихъ успѣховъ, онѣ вынуждаемы были ретироваться на зимнія квартиры въ Малороссію; никакого пособія въ этихъ пустыняхъ, никакого убѣжища для солдатъ, 700 верстъ степей отдѣляли ихъ отъ непріятеля. Но когда ихъ мужество и настойчивость присоединили эти степи къ имперіи, когда здѣсь основались города и села, —для перенесенія военныхъ дѣйствій на Дунай не стало болѣе тѣхъ препятствій, которыя столько разъ задерживали арміи: онѣ находятъ въ Новороссіи все необходимое; наконецъ, въ послѣднее время Новороссія не только выслала большое количество провіанта для войскъ въ Корфу и для молдавской арміи, но и средства для перевоза получены въ новороссійскихъ портахъ. Въ Херсонѣ, Таганрогѣ и Одессѣ нашлось достаточно барокъ и кораблей для доставки всего необходимаго для дунайской арміи» (68, стр. 307).

Читатель видѣлъ, что и въ проэктѣ выселенія на югъ Россіи французскихъ эмигрантовъ дѣло не обошлось безъ «мужика»; но то былъ мужикъ французскій. Къ русскому мужику герцогъ Ришелье не обнаруживалъ такой снисходительности. О запорожцахъ онъ вспоминаетъ съ ужасомъ и говоритъ о новороссійскихъ степяхъ, при Екатеринѣ и ранѣе, какъ о пустынѣ необитаемой: «не прошло еще 30 лѣтъ, пишетъ онъ въ цитированномъ выше письмѣ къ государю, какъ страны, образующія теперь Новороссію, были необитаемы, по крайней мѣрѣ русскими; только Крымъ имѣлъ довольно многочисленное населеніе, сосѣднія же мѣста были или пустынны, или обитаемы татарскими ордами и запорожцами, у которыхъ цивилизація не сдѣлала никакого прогресса и которые сами старались уничтожить ее у сосѣдей своими вторженіями и разбоями» (стр. 306—307. О запорожцахъ ср. № 103, стр. 387). Столь же неблагосклонно смотрѣлъ Ришелье и на колонизацію Новороссіи бѣглыми. Припоминая съ похвалой льготы, дарованныя новороссійской губерніи при первоначальномъ ея заселеніи, онъ говоритъ: «можно даже сказать, что зашли въ этомъ направленіи слишкомъ далеко, закрывъ глаза на побѣги крестьянъ изъ сосѣднихъ провинцій, на дезертирство рекрутовъ, что было полной несправедливостью по отношенію къ помѣщикамъ тѣхъ губерній, откуда они бѣжали»

(стр. 388). Между тѣмъ помѣщичья колонизація привлекала вниманіе герцога и находила въ немъ поддержку. Извѣстно, что вновь присоединенныя земли въ Новороссіи раздавались огромными участками желающимъ, съ обязательствомъ населить имѣніе въ опредѣленный срокъ, и несоблюденіе этого послѣдняго условія влекло за собою отобраніе имѣнія въ казну. Ришелье признавалъ возможнымъ ходатайствовать передъ министромъ внутренихъ дѣлъ о снисхожденіи къ такимъ помѣщикамъ въ мѣстностяхъ между Бугомъ и Днѣстромъ и находилъ разныя обстоятельства въ оправданіе ихъ (№ 69, стр. 314). Такимъ образомъ видно, что помѣщичья колонизація представляла большія трудности: побѣги крестьянъ изъ сосѣднихъ губерній признавались непозволительною несправедливостью, а иначе неоткуда было ихъ взять. Понятно, поэтому, сочувственное отношеніе Ришелье къ колонизаціи иностранной. Изъ писемъ къ нему графа Кочубея видно, что герцогъ привлекалъ къ поселенію въ русскихъ владѣніяхъ ногайскихъ татаръ, болгаръ, сербовъ и даже евреевъ; 15 октября 1807 г. гр. Кочубей увѣдомляетъ его о высылкѣ на этихъ колонистовъ суммы въ 300 тысячъ рублей (№№ 37 и 44, стр. 251 и 266). Къ сожалѣнію, писемъ самого Ришелье объ этомъ предметѣ въ сборникѣ нѣтъ.

Колонизацію новороссійскаго края герцогъ Ришелье ставилъ въ неразрывную связь съ увеличеніемъ національнаго богатства и съ этой именно точки зрѣнія оцѣнивалъ результаты колонизаціи Новороссіи въ промежутокъ времени отъ Екатерины II по царствованіе Александра. Для молодого края онъ считалъ неизбѣжными всякія льготы и поощренія и только этимъ покровительственнымъ путемъ находилъ возможнымъ двинуть промышленность его. Само собою понятно, что льготы эти собственно предназначались для представителей верхнихъ слоевъ колонистовъ, между которыми выдавались по своей численности и значенію иностранные комерсанты и фабриканты, не касаясь совсѣмъ крѣпостного класса. Для новороссійскаго края у Ришелье не было причинъ бояться поддерживать и буржуазію, и капитализмъ, которые такъ страшили его во Франціи; съ его точки зрѣнія, понятія національнаго и народнаго богатства сливались воедино, и развитіе послѣдняго у него обусловливалось и ставилось въ связь съ развитіемъ капитализма. Настаивая на необходимости продленія льготъ по части выкуриванія и продажи водки, онъ говоритъ: «замѣчу, что только эта льгота способна была заставить богатыхъ собственниковъ переводить въ наши степи избытокъ населенія, стѣсненный въ земельномъ отношеніи внутри Россіи». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Люди стекались со всѣхъ сторонъ, правительство цѣной незначительныхъ жертвъ создало неизмѣримые капиталы, увеличило

источники доходовъ и національныя богатства и приготовило огромную массу продуктовъ, которые, возрастая постоянно, содѣйствуютъ могуществу всего государства, котораго ранѣе невозможно было достигнуть». (№ 103, стр. 388—389). Конечно, съ своей точки зрѣнія Ришелье очень высоко ставилъ развитіе морской торговли. «Новороссія, писалъ онъ, ограничиваемая на протяженіи около 2 тысячъ верстъ берегами морей Чернаго и Азовскаго, всецѣло должна ждать своего благосостоянія отъ морской торговли, оживленіе которой создастъ капиталы, привлечетъ населеніе, населитъ города, разовьетъ земледѣліе, однимъ словомъ, измѣнитъ всю физіономію страны» (№ 118, стр. 413). По этому онъ хлопоталъ объ учрежденіи портофранко въ новороссійскихъ городахъ, о развитіи транзита, судостроенія и т. д. и въ этомъ направленіи видимо сдѣлалъ многое.

Рядомъ съ этимъ шли заботы герцога о насажденіи и развитіи просвѣщенія въ Новороссіи. Онъ порекомендовалъ императору Александру іезуита аббата Николя, впослѣдствіи ставшаго начальникомъ аристократическаго лицея въ Одессѣ, названнаго ришельевскимъ.

Такое страшное несчастіе, какъ чума, посѣтившая Новороссію въ 1812 и 1813 г., вызывало герцога на самую энергическую и самоотверженную борьбу, въ которой и протекли послѣдніе мѣсяцы дѣятельности Ришелье въ новороссійскомъ краѣ и въ Россіи. Восшествіе на французскій престолъ Людовика XVIII вызвало его въ отечество къ подножію законнаго государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно, что положеніемъ своимъ въ Россіи онъ становился недоволенъ, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и, кажется, тому были какія-то важныя причины въ Петербургѣ, ускользающія однако отъ пониманія при чтеніи его полуоффиціальной переписки въ «Сборникѣ». Льготы новороссійскому краю, о которыхъ герцогъ такъ хлопоталъ, ограничивались, вопреки его настойчивой оборонѣ въ представленіяхъ и докладныхъ запискахъ, подаваемыхъ министрамъ и государю. Во время самаго разгара борьбы съ чумою, въ которой дѣятельнѣйшая роль взята была самимъ Ришелье, посланъ былъ изъ Петербурга съ большими полномочіями кн. Куракинъ, который, по прибытіи въ мѣста, недалекія отъ зачумленныхъ, позволилъ себѣ отмѣнять распоряженія генералъ-губернатора; такъ, въ «Сборникѣ» помѣщена переписка объ удаленіи отъ руководства въ борьбѣ съ чумою въ александрійскомъ уѣздѣ Пишчевича и о назначеніи на его мѣсто губернскаго предводителя дворянства Чорбы и пр.

Замѣтно однако, что отношенія Ришелье къ императору Александру не измѣнились и по оставленіи первымъ Россіи. Даже постъ министра иностранныхъ дѣлъ во Франціи занялъ онъ, благодаря только расположенію къ

русскому императору, смѣнивъ Талейрана, возбудившаго негодованіе Александра Павловича враждебнымъ образомъ дѣйствій относительно Россіи во время вѣнскаго конгресса.

О внѣшней сторонѣ изданія приходится сказать немного, а именно, что она вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ подобнымъ собраніямъ матеріаловъ. Всѣ, безъ исключенія, документы напечатаны съ подлинниковъ на французскомъ языкѣ; имъ предпослана обстоятельная вводная статья редактора издаваемыхъ матеріаловъ, А. А. Половцова; въ концѣ тома помѣщенъ алфавитный указатель.

В. Н.

Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I, часть I. Бытовая и семейная жизнь бѣлоруcса въ обрядахъ и пѣсняхъ. СПБ. 1887 г. III—XXVI+585+4.

Историческая жизнь бѣлорусскаго племени сложилась въ высшей степени печально. Расположившись среди топей и болотъ, въ крайне нездоровомъ климатѣ, на мало плодородной почвѣ, оно съ трудомъ могло поддерживать свое существованіе: природа для него была скорѣе мачихою, чѣмъ матерью. Окруженное со всѣхъ сторонъ сильными сосѣдами, оно подпадало то той, то другой власти, переходило изъ однихъ рукъ въ другія... Не оно само рѣшало свою судьбу: за него рѣшали другіе. Часто Бѣлоруссія была ареной борьбы соперниковъ, но сама въ борьбѣ принимала мало участія. Въ разное время борьба кончалась различно, но для бѣлорусса она всегда имѣла одно и то же значеніе: всегда побѣдитель несъ съ собою дальнѣйшее закрѣпощеніе, а очень часто и религіозныя преслѣдованія.

Все это тяжело ложилось на народномъ характерѣ: оно создало ту забитость и пришибленность, которая является характернымъ признакомъ бѣлорусса и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, и въ разсказахъ непосредственныхъ сосѣдей (напр. въ разсказахъ малороссовъ о «дзѣгунахъ», «лопацонахъ» и т. д.).

Благодаря этому и бѣлорусская народная поэзія отличается недостаткомъ самобытности и оригинальности, какою-то безличностью: если внимательно пересмотрѣть существующіе «бѣлорусскіе сборники», то придется сознаться, что бóльшую часть бѣлорусскихъ пѣсенъ нужно отнести на долю общерусскаго пѣсеннаго наслѣдства,—остальныя пѣсни

заимствованы у малороссовъ, великороссовъ, поляковъ и очень немногія созданы бѣлоруссами въ позднѣйшее время.

Не смотря на интересъ ученыхъ къ дѣлу русской этнографіи вообще и бѣлорусской въ частности, съ *этой* точки зрѣнія бѣлорусскія пѣсни совсѣмъ почти не изучены. Даже такіе серьезные знатоки бѣлорусской народности и собиратели, какъ П. В. Шейнъ, почти упускаютъ ее изъ виду[1]); быть можетъ, этотъ вопросъ найдетъ себѣ талантливаго изслѣдователя въ А. Н. Пынинѣ, которой началъ печатать свои статьи о «бѣлорусской этнографіи» въ апрѣльскомъ номерѣ «Вѣстника Европы» за нынѣшній годъ.

Изданіемъ новаго «бѣлорусскаго сборника» г. Шейна Академія даетъ богатый матеріалъ для постановки и рѣшенія этого вопроса.

Въ нашу непосредственную задачу не входитъ детальный разборъ сборника г. Шейна; мы только коснемся не безъинтереснаго и для малорусской этнографіи общаго вопроса о классификаціи и систематизаціи народныхъ пѣсенъ, при чемъ постараемся, насколько это возможно, отмѣтить бѣлорусскія пѣсни, сходныя съ малорусскими. Классификація г. Шейна отличается такой же искусственностью, такимъ же отсутствіемъ одного логическаго «principium divisionis» въ подраздѣленіяхъ, какъ и классификація почти всѣхъ изданій по малорусской этнографіи. Почему напр. пѣсня шуточная не можетъ быть въ той же самое время и пѣсней бытовой, семейной и т. д.? Почему семейныя пѣсни не бытовыя? Почему пьяницкія пѣсни выдѣляются изъ бытовыхъ, шуточныхъ? Народная пѣсня отличается часто такимъ разнообразіемъ содержанія, что ее трудно подвести подъ какую-нибудь опредѣленную рубрику.

Не особенно давно г. Потебня предложилъ иной способъ группировки—по строю куплета. Но этотъ методъ не настолько еще разработанъ, чтобы можно было имъ руководствоваться при систематизаціи пѣсенъ.

По нашему мнѣнію, самая простая и естественная группировка—это по мѣстностямъ записыванія съ дѣленіемъ на основныя рубрики: пѣсни обрядовыя (съ частными подраздѣленіями), бытовыя и баллады. Первое дало бы возможность опредѣлить характеръ творчества всякой данной мѣстности, второе помогало бы разбираться въ пѣсняхъ.

Самаго поверхностнаго знакомства съ малорусскими народными пѣснями достаточно, чтобы найти въ сборникѣ г. Шейна пѣсни, заим-

---

1) При немногихъ только пѣсняхъ указаны соотвѣтствующія малорусскія.

ствованныя бѣлоруссами отъ малороссовъ. Такъ въ отд. I («пѣсни крестинныя») № 17 «И камышъ тращиць» (стр. 27) есть ничто иное, какъ малорусская пѣсня «И ледъ трищить». Большинство «колыбельныхъ и дѣтскихъ пѣсенъ» (отд. I) сходны съ таковыми же пѣснями сборниковъ Чубинскаго, Гулака-Артемовскаго и другихъ (№№ 21, 24, 25, 28, 34). Изъ колядокъ поражаютъ своимъ сходствомъ съ малорусскими №№ 38, 39, 48, 49, 53, 61, 69, 75, 76, 77, 80, 83, 84 и т. д.

Изъ веснянокъ укажемъ на №№ 124, 125, 133, 157, 165, 166; изъ петровскихъ № 204; изъ толочанскихъ №№ 218, 221, 222; изъ купальскихъ №№ 246, 247; изъ жнивныхъ №№ 264, 273, 283, 290; изъ дожиночныхъ № 298.

Перейдемъ теперь ко II отдѣлу. Изъ любовныхъ и семейныхъ укажемъ на №№ 337, 338, 343, 345, 347, 349, 353, 354, 356, 357, 363, 366, 383, 406, 410, 414, 416, 423, 425, 433, 446, 452, 456, 468, 479, 480, 524, 529, 531, 532; изъ бытовыхъ №№ 551, 554, 561, 566, 591; изъ шуточныхъ №№ 611, 620, 535, 636, 637; изъ разгульныхъ № 650; изъ пьяницкихъ и плясовыхъ №№ 651, 652, 654, 655, 659, 666, 667, 701, 704, 716, 789.

При самомъ бѣгломъ просмотрѣ, какъ видно, мы наткнулись на массу сходныхъ пѣсенъ; болѣе тщательное сравненіе увеличило бы въ нѣсколько разъ нашъ реестръ.

В. К—шъ.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммисіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Ч. VII, т. 1. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ. 1886 г.

Настоящее собраніе актовъ въ ряду многочисленныхъ изданій кіевской коммисіи принадлежитъ къ числу найболѣе выдающихся какъ по важности вопроса, которому оно посвящено, такъ и по искусному подбору актовъ и тщательной ихъ обработкѣ. По особымъ обстоятельствамъ трудъ этотъ принадлежитъ двумъ лицамъ: подборъ актовъ сдѣланъ проф. В. Б. Антоновичемъ, изслѣдованіе же по нимъ проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ.

Въ составъ настоящаго тома вошли акты, обнимающіе время 1386—1700 г. и касающіеся исторіи заселенія югозападнаго края Россіи. Всѣхъ актовъ 85; они извлечены изъ книгъ кіевскаго центральнаго архива, изъ Литовской Метрики, изъ собранія рукописей самой коммис-

сіи и изъ нѣкоторыхъ другихъ архивовъ. Это жалованныя грамоты литовскихъ князей и польскихъ королей разнымъ лицамъ и учрежденіямъ на земли въ нынѣшнемъ югозападномъ краѣ, описанія укрѣпленныхъ украинскихъ замковъ, люстрація староствъ, земельныя сдѣлки частныхъ лицъ и пр. Всѣ эти документы обстоятельно указываютъ движеніе колонизаціи въ названномъ краѣ, съ мельчайшими подробностями изображаютъ экономическій бытъ населенія, административное и юридическое положеніе селъ и городовъ, состояніе укрѣпленныхъ замковъ и ихъ боевую готовность, этнографическій составъ замковой стражи и тянувшихъ къ замкамъ поселеній. Въ актахъ не мало данныхъ для географіи и топографіи края, для исторіи Кіева, положенія въ заселяемомъ краѣ православія, а также данныхъ по вопросу о соціальномъ строѣ государства и отношеніи къ нему колонизуемой окраины. Вообще все собраніе актовъ отличается богатѣйшимъ и разнообразнымъ содержаніемъ и обличаетъ опытную и умѣлую руку, какую мы привыкли видѣть въ трудахъ проф. В. Б. Антоновича.

Въ предпосланной актамъ статьѣ проф. Владимірскій-Будановъ кратко указываетъ цѣль изданія и значеніе помѣщенныхъ въ нихъ актовъ, равно и самаго вопроса о колонизаціи югозападной Россіи, а также излагаетъ предварительныя замѣчанія и дѣлаетъ нѣкоторые выводы по этому вопросу, за время однако съ половины XIII лишь до половины XV вѣка, и это потому, что со времени изготовленія настоящаго тома найдено много другихъ однородныхъ документовъ о заселеніи края въ XV, XVI и XVII вв., которые находятся уже въ печати и составятъ второй томъ изданной теперь VII ч. Съ выходомъ ихъ авторъ обѣщаетъ сдѣлать дальнѣйшіе замѣтки и выводы о колонизаціи югозападной Руси съ половины XV по конецъ XVII в. Отлагая до этого времени подробный обзоръ всѣхъ актовъ, касающихся столь важнаго вопроса, мы ограничимся здѣсь разсмотрѣніемъ предварительныхъ замѣчаній автора, касающихся заселенія юго-западной Россіи.

Указанному вопросу профессоръ Будановъ придаетъ большое значеніе и въ документальномъ разрѣшеніи его видитъ ключь къ уясненію судебъ не только этого края русской земли, но и цѣлой Россіи въ ея отношеніяхъ къ восточному и западному міру. Въ своихъ замѣткахъ онъ выдвигаетъ двѣ давно уже господствующія теоріи заселенія южной Руси: 1) такъ называемую туранскую, по которой туземный славянскій этнографическій элементъ воспринялъ будто бы въ себя большую дозу тюркско-татарскаго и 2) польскую, какъ называетъ ее авторъ, по которой колонисты съ запада, именно изъ Польши, смѣшавшись съ остатками кореннаго населенія, положили будто-бы въ юж-

ной Руси основаніе новому племени, болѣе близкому къ лехитской расѣ, чѣмъ къ русской. На основаніи впервые публикуемыхъ теперь актовъ, авторъ наноситъ рѣшительное пораженіе послѣдователямъ и творцамъ обѣихъ теорій, приводя рядъ неопровержимыхъ доказательствъ въ пользу преобладанія въ указанное время въ населеніи южной Руси чисто русскаго элемента. Полагая, согласно съ польскими историками, начало колоназаціи въ слѣдъ за разореніемъ, причиненнымъ нашествіемъ Батыя, г-нъ Будановъ начинаетъ свое изслѣдованіе перечисленіемъ разоренныхъ татарами городовъ и опредѣленіемъ размѣровъ опустошенія, произведеннаго ими въ 1240 г., послѣ чего приходитъ въ заключенію, что какъ ни велико быво это опустошеніе, все же оно не превратило края въ пустыню; нѣкоторые города и мѣста совершенно уцѣлѣли, какъ Кременецъ и Даниловъ, Холмъ и Болоховская земля; въ другихъ, взятыхъ татарами, городахъ далеко не все населеніе перебито, какъ въ Галичѣ, Бакотѣ, Перемышлѣ и Пинскѣ. Если Кіевъ казался болѣе пострадавшимъ и менѣе былъ возстановленъ, то причину этого явленія г. Будановъ видитъ въ упадкѣ этого города, начавшемся еще до нашествія Батыя, вслѣдствіе передвиженія центра политической жизни на западъ: въ Галичъ и Волынь, и на востокъ — въ Суздаль. Найболѣе уцѣлѣвшими частями Кіевщины авторъ считаетъ заднѣпровскую ея половину: остерскую и любечскую волости и вообще за-десенскую лѣсистую страну Черниговщины, полагая, что большинство жителей этихъ странъ бѣжало передъ татарами не только въ лѣсистыя и малодоступныя Карпаты, какъ думаютъ другіе, но гораздо ближе—въ Полѣсье припетское (по правую сторону Днѣпра), и за-десенское (по лѣвую). По замѣчанію автора, во время нашествія Батыя, найбольшему истребленію и гибели подверглось населеніе городское, въ слѣдствіе чего съ возвращеніемъ разбѣжавшихся жителей на прежнія мѣста произошла перестановка въ отношеніяхъ классовъ населенія, явился перевѣсъ пѣхоты надъ конницей, смердовъ надъ дружиннаками, сельчанъ надъ горожанами, и это обстоятельство имѣетъ, по мнѣнію автора, чрезвычайную важность для новыхъ явленій послѣдующей русской исторіи. Но что особенно важно, этнографическій составъ населенія послѣ татарскаго погрома остался тотъ-же, какой былъ и прежде. Измѣненіе состава наблюдается лишь въ городскомъ населеніи Галиціи и Волыни, гдѣ, кромѣ русскихъ, можно встрѣтить нѣмцевъ, поляковъ и евреевъ. Примѣсь татарскаго племеннаго начала была ничтожна; смѣшенію препятствовали вражда національная, культурная, религіозная и историческая; только на югъ отъ Роси и Сулы авторъ признаетъ постоянные осадки татарскихъ поселеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ возможнымъ предполагать, что во время бѣгства населенія изъ

Черноговщины въ Карпаты и обратнаго его возвращенія въ наиболѣе безопасныя мѣста должно было произойти смѣшеніе этнографическихъ элементовъ—сѣверянъ, полянъ, волынянъ и червоноруссовъ. Что касается до участія Польши въ дѣлѣ колонизаціи южной Руси въ XIII в., то авторъ, указавъ на существованіе въ это время на югѣ королевства Даніила, а потомъ Гедимина и Ольгерда и на раздробленность Польши на многія враждовавшія между собою княженія, совершенно отрицаетъ ея колонизаторскую дѣятельность. Въ XIV в. южная Русь вошла въ составъ литовскаго государства; но авторъ не допускаетъ и мысли, чтобы въ составъ осѣдлаго земледѣльческаго класса входила литовская примѣсь не только въ XIV, но и въ начала XV в. Напротивъ разсмотрѣніемъ документовъ начала XV в. онъ старается подтвердить фактъ постепеннаго обрусѣнія литовцевъ. Въ періодъ литовскихъ набѣговъ, по мнѣнію г. Буданова, могло произойти лишь передвиженіе русскихъ этнографическихъ группъ, т. е. сближеніе сѣверо-западнаго бѣлорусскаго племени съ юго-западнымъ, малорусскимъ. Обрусѣвшіе и принявшіе православіе, литовскіе князья въ землѣ кіевской (Владиміръ, Свидригайло и Олельковичи) и подольской (Коріатовичи) содѣйствовали возстановленію русской народности и процвѣтанію православной вѣры въ южной Руси; Кіевъ снова сдѣлался резиденціею митрополитовъ и соперникомъ Москвы; Русское государство на югѣ успѣло не только возстановить населеніе въ своихъ древнихъ предѣлахъ, но и подвинуть границы далеко на югъ. Уже Ольгердъ довелъ предѣлы кіевской земли до Синихъ водъ и Бѣлобережья (Синюхи и Запорожья), а при Витовтѣ они доходили до Чернаго моря. Огромная часть этого пространства въ XV в. входила въ составъ княжества кіевскаго, простиравщагося отъ Мозыря до Чернаго моря и отъ бассейна Днѣпра до Донца. Границы опоясаны были укрѣпленными пунктами, городами-замками, изъ чего слѣдуетъ, что первымъ пріемомъ колонизаціи была колонизація военная. Вокругъ замковъ селилась полувоенное промышленное населеніе мѣщанъ. Такимъ образомъ военная колонизація ведетъ за собою городскую, промышленную. Вблизи замковъ и подъ защитою ихъ садятся села. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ повѣты. Села населены преимущественно служилыми людьми; частнаго землевладѣнія почти не видно. Такъ шла впередъ земледѣльческая (крестьянская) колонизація, полуслужилая, полувоенная, самая прочная. Съ XV в. начинается землевладѣльческая колонизація кіевскихъ украинныхъ мѣстъ. Раздача земель здѣсь начинается къ югу отъ Роси и въ Заднѣпровьи при Владимірѣ Ольгердо

вичѣ. Витовтъ раздаетъ земли въ прибужской украинѣ; Александръ Владиміровичъ раздаетъ земли внутри и на сѣверѣ кіевщины; Семенъ Александровичъ подвинулъ колонизацію въ южныя степныя пространства и по Днѣстру, при чемъ въ пустынныхъ мѣстахъ владѣлецъ самъ долженъ былъ созвать населеніе. Здѣсь находимъ уже и частное землевладѣніе и древній способъ временнаго пользованія волостями бояръ мѣстнаго замка. Другой способъ землевладѣнія представляютъ хмѣльницкіе бояре, защищающіе свой общій грунтъ. Одинаковое значеніе съ землевладѣльческой колонизаціей имѣетъ колонизація монастырская, которую вели по преимуществу кіевскіе монастыри: Пустынно-Николаевскій на югъ въ Запорожье, Печерскій на сѣверѣ Кіевщины и въ Черниговщинѣ. Въ кіевскомъ княжествѣ всѣми этими способами распространялось исключительно русское населеніе.

Въ Подоліи ростъ русской націи идетъ медленнѣе вслѣдствіе завоеванія Галиціи и западной Волыни Казиміромъ В. въ 1340 г., но въ 1370 г. Волынь снова возвращается литовскимъ князьямъ. Унія 1386 г. не отразилась на національномъ складѣ, такъ какъ Витовтъ ни въ чемъ не уступалъ Ягеллу, защищая русскіе интерессы. Если въ 1340 г. Казиміръ В. занялъ западное Подолье (т. е. Днѣстровское Низовье), то оно не только не было имъ колонизуемо, но даже не было освобождено отъ татаръ; его защитали отъ татаръ 4 брата Коріятовичи и настроили городовъ (Смотричъ, Бакота, Каменецъ), которые и заселили исключительно русскимъ элементомъ, а упавшіе города отдавали частнымъ лицамъ для заселенія. Въ 1393 г. Витовтъ занялъ Подолію и западную часть ея отдалъ за 20,000 какъ литовскихъ грошей Ягеллу, а король перепродалъ свои права п. Спитку, который сталъ раздавать населенныя мѣста польской шляхтѣ. Но эта раздача не есть колонизація; послѣдняя всецѣло принадлежитъ Витовту, строившему и населявшему города. Послѣ смерти Витовта Польша хитростью захватила западное Подолье у Свидригайла, но кн. Θеодоръ Несвижскій отнялъ ее у поляковъ; не вознагражденный Свидригайломъ, онъ призналъ права Польши на Подолье и остался до смерти правителемъ этой страны, и только тогда она перешла къ Польшѣ. Восточная часть Подоліи, т. е. Побужье, всегда и юридически и фактически оставалась за Литвой и въ обѣихъ частяхъ русское вліяніе до половины XV в. не прерывалось.

Таково обильное выводами содержаніе первой части изслѣдованія профессора Буданова по изданнымъ актамъ. Въ слѣдующей части онъ предполагаетъ разсмотрѣть вліяніе Польши на колонизацію южной Руси послѣ 1569 г. и обусловленное этимъ вліяніемъ появленіе козачества и борьбу его противъ польской цивилизаціи. Въ свое время мы позна-

комимъ читателей съ дальнѣйшими выводами проф. Буданова, которые обѣщаютъ быть не менѣе настоящихъ интересными и поучительными.

И. Каманинъ.

Труды комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Вып. III (приложеніе къ Подольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ). 1886 г. Каменецъ-Подольскъ. 1887 года.

Въ провинціальной исторической литературѣ настоящее изданіе представляетъ весьма отрадное явленіе какъ по богатству вошедшихъ въ составъ сборника матеріаловъ, такъ и по тщательной и вполнѣ добросовѣстной, хотя и не вполнѣ совершенной, ихъ обработкѣ. Изданные теперь комитетомъ матеріалы составляютъ разнаго рода акты: административные, судебные, нотаріальные, заимствованы они изъ актовой книги, хранящейся въ архивѣ подольской духовной консисторіи.

Послужившая основою изданія подлинная актовая книга принадлежитъ бывшей въ предѣлахъ Подоліи уніатской епархіи и заключаетъ въ себѣ дѣла бывшаго уніатскаго духовенства, писанныя преимущественно на польскомъ и отчасти на латинскомъ языкѣ. Дѣлятся они на «acta litigiosa», куда относятся рѣшенія консисторскаго оффиціала или судьи по обвиненіямъ священниковъ въ разнаго рода преступленіяхъ, дѣла бракоразводныя, духовныя завѣщанія, записи на викаріатство или коадьюторство и т. п. и 2) на «acta gratiarum», куда относятся разрѣшенія на постройку церквей и часовень, на освященіе тѣхъ и другихъ, устройство кладбищъ и проч., разрѣшенія на вступленіе въ бракъ и запрещеніе таковаго, на присоединеніе и отлученіе отступниковъ отъ уніи, на присоединеніе и отдѣленіе части приходовъ, разрѣшеніе отъ запрещеній, отлученій и клятвъ, налагаемыхъ церковными судами; сюда-же вписывались: распредѣленіе деканатовъ, назначенія на мѣста администраторовъ, коадъюторовъ и комендаріевъ приходовъ, предоставленіе права на граціальные (льготные) годы вдовамъ и сиротамъ священниковъ, разрѣшеніе разнымъ лицамъ на употребленіе во время поста скоромной пищи и т. п.

Акты напечатаны, правда, не въ первоначальномъ ихъ видѣ и не представляютъ собою точной копіи документовъ, съ соблюденіемъ всѣхъ ихъ особенностей въ формѣ, языкѣ, терминахъ и правописаніи, какъ привыкли мы видѣть въ изданіяхъ ученыхъ коммисій; но, какъ говорятъ издатели, «содержаніе актовъ передано здѣсь въ самомъ короткомъ

перссказѣ, съ сохраненіемъ, *по возможности*, ихъ характерныхъ особенностей, и только два документа сохранены во всей своей цѣлости». Итакъ, это скорѣе опись актовъ, а не самые акты, и какъ опись мы и будемъ разсматривать настоящій сборникъ.

Ознакомленіе съ актами посредствомъ описи и передачи ихъ содержанія имѣетъ свои выгоды; оно устраняетъ многія лишнія мелочи, составляющія общую формулу каждаго изъ документовъ; но судить о достоинствѣ ея, не имѣя подъ руками самыхъ документовъ, мы не имѣемъ физической возможности; скажемъ только, что достоинство описи стоитъ въ прямой зависимости отъ объема знаній и опытности составителя и что людямъ, впервые принимающимся за такое дѣло, лучше печатать акты цѣликомъ.

Объ описи избранной издателями актовой книги вообще надо сказать, что она довольно подробна и даже въ такихъ частностяхъ, которыя могли-бы быть сокращены, или опущены безъ вреда для дѣла, каковы напр. подробности обычныхъ формъ судопроизводства и разныя мелочи въ изложеніи дѣлъ. Вообще акты, рисующіе бытъ духовенства, описаны болѣе обстоятельно, чѣмъ это оказывается необходимымъ для характеристики самаго быта. Къ числу недостатковъ описи надо отнести также пестроту языка и излишнее употребленіе терминовъ и даже обычныхъ актовыхъ выраженій, которыя безъ всякаго ущерба для характеристики времени, лицъ или событій могли-бы быть замѣнены обыкновенными литературными выраженіями. Странными кажутся напр. фразы: «заливаться напитками до потери силъ» (№ 417), «дать бракъ» (№ 530 и друг.); «въ храмовой день ругалъ значительныхъ особъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ и уже умершихъ»... «отвѣтчикъ аппелировалъ на рѣшенія судьи и когда судья аппеляцію рефутовалъ (отсрочилъ), сталъ на судѣ», т. е. приступилъ къ рѣшенію дѣла» (№ 533). Юридическіе термины: рѣшеніе, истецъ, отвѣтчикъ, въ гражданскихъ дѣлахъ, постоянно смѣшиваются съ приговоромъ, жалобщикомъ и обвиняемымъ въ уголовныхъ и т. п.

Описи актовъ предпослано предисловіе, заключающее въ себѣ двѣ главы: 1) историческій очеркъ уніи въ Брацлавщинѣ и вліяніе школъ іезуитско-базиліанскихъ на распространеніе уніи и 2) административныя и судебныя власти и учрежденія въ церкви уніатской. Въ первой главѣ излагается вообще дѣятельность уніатскихъ епископовъ и митрополитовъ: Іосифа Шумлянскаго (1668—1708 г.), Варлаама (1709—1715 г.), Аѳанасія (1715—1745 г.) и Льва (1748—1779 г.) Шептицкихъ и наконецъ Ясона Юноши-Смогоржевскаго (1779—1788 г.), притомъ дѣятельность ихъ не въ одной только Брацлавщинѣ, но и во всемъ западномъ краѣ. Школамъ удѣлено очень немного мѣста и вліяніе ихъ остается

недостаточно выясненнымъ. Статья эта представляетъ впрочемъ простую компиляцію по найболѣе важнымъ въ исторической литературѣ сочиненіямъ. Во второй главѣ четыре первые параграфа 1) о митрополичьей и епископской власти, 2) о должностныхъ лицахъ при епископѣ и оффиціальскомъ урядѣ, 4) о деканатскомъ и парохіальномъ урядѣ и 4) о судопроизводствѣ въ уніатской церкви также представляютъ компилятивный очеркъ, хотя судопроизводство авторъ старается излагать на основаніи напечатаннаго матеріала; но болѣе всего этотъ послѣдній послужилъ для пятаго параграфа, въ которомъ изображаются нравственные недостатки уніатскаго духовенства. Такими недостатками были: непрерывное пьянство, приводившее къ самоуправству и грубости, брани и дракамъ, кощунству и святотатству; грубыя суевѣрія, заботы о матеріальномъ обезпеченіи въ ущербъ духовно религіознымъ обязанностямъ, проступки противъ семейной нравственности. Характеристику эту можно было-бы иллюстрировать многочисленными примѣрами изъ отдѣла «актовъ»; но авторъ очерка упустилъ это изъ виду, предоставляя читателю самому искать подтвержденія указанныхъ положеній. И безъ того впрочемъ характеристика нравственности уніатскаго духовенства выходитъ самая мрачная, и можно пожалѣть, что она разсматривается здѣсь обособленно, безъ всякаго сравненія съ нравственнымъ состояніемъ католическаго и православнаго духовенства того-же времени. Сравненіе привело-бы, можетъ быть, автора къ иному выводу и правильно опредѣлило-бы значеніе и роль нравственности духовенства въ распространеніи уніи.

Намъ кажется упущеніемъ со стороны издателей и то, что значительная часть актовъ, именно: о назначеніи священниковъ, о постройкѣ новыхъ церквей, освященіи ихъ, каплицъ, престоловъ, кладбищъ и проч., не удостоилась ихъ вниманія, а между тѣмъ она могла привести къ указанію на постепенное территоріальное распространеніе уніи въ Брацлавщинѣ, которая послѣ подавленія гайдамачины, уничтоженія Запорожской Сѣчи и присоединеніи Крыма стала быстро и густо заселяться; такимъ образомъ обнаружилась-бы связь уніи съ колонизаціей и съ экономическимъ положеніемъ крестьянъ.

Къ изданію приложены указатели: личный, географическій и юридическихъ терминовъ. Это какъ-бы роскошь въ скромномъ провинціальномъ изданіи и дѣлаетъ большую честь издателямъ. Къ сожалѣнію, и тутъ не безъ недосмотровъ. Въ личномъ указателѣ не всегда указывается званіе или сословіе лица, за весьма немногими исключеніями; въ географическомъ не опредѣлено административное положеніе мѣста, повѣтъ или воеводство. Въ указателѣ юридическихъ терминовъ, состав-

ленномъ вообще довольно тщательно, встрѣчается не рѣдко не точная передача и опредѣленіе нѣкоторыхъ словъ и названій. Такъ наприм. ссова *generosus*, *urodzony* авторъ считаетъ эпитетомъ потомственнаго дворянина, а *szlachetny* эпитетомъ личнаго, тогда какъ въ Польшѣ не было, какъ извѣстно, дѣленія дворянства на личное и потомственное, а существовало лишь послѣднее, которое носило общее названіе шляхты и шляхетнымъ величался всякій дворянинъ. Впослѣдствіи, когда *индигенатъ* въ Польшѣ получилъ нѣкоторое распространеніе, когда въ ряды потомственнаго дворянства стали входить лица другихъ сословій и иноземцы, тогда-то и входитъ въ употребленіе эпитетъ «урожоного», т. е. туземнаго, кореннаго, родовитаго дворянина въ отличіе отъ дворянина вообще, шляхтича. Эпитетъ «урожоного» прилагается также часто къ служилымъ и состоятельнымъ людямъ, а шляхетный къ неслужилымъ и захудалымъ представителямъ этого сословія; отсюда ошибка у авторовъ въ переводѣ эпитета nobilis, nobilitas, означающаго дворянство вообще. Изъ числа выраженій относящихся къ крестьянскому быту, слова: *roboczy*, *pracowity*, *laboriosus* собственно значатъ работящій, трудолюбивый, но вовсе не рабочій въ современномъ значеніи этого слова; *monachus sacerdos* правильнѣе было-бы перевести словомъ *іеромонахъ*, а не рядовой монахъ, *pocillator* почему-то переводится польскимъ терминомъ *чесникъ*, а не русскимъ *чашникъ*; *репротестація*, т. е. встрѣчная жалоба, смѣшивается съ терминомъ *gravamen*, означающимъ всякаго рода притѣснительныя дѣйствія суда, и т. д.

Безъ нѣкоторыхъ ошибокъ не обошлось и въ предисловіи. Такъ напр. звенигородскій повѣтъ авторъ относитъ къ брацлавскому воеводству (стр. 3), тогда какъ брацлавское воеводство вело только споръ съ кіевскимъ объ этомъ пограничномъ повѣтѣ. О программѣ Шумлянскаго замѣчается, будто она легла въ основаніе всей внутренней политики Рѣчи Посполитой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эта программа не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго и практиковалась въ дѣлѣ распространенія уніи до и послѣ Шумлянскаго (стр. 17). Наконецъ упоминается какой-то «народный» королевскій судъ, дающій поводъ думать, не смѣшалъ-ли авторъ этотъ терминъ съ «задворнымъ» или «надворнымъ» королевскимъ судомъ (стр. 15) и т. п.

Впрочемъ все сказанное сейчасъ нисколько не умаляетъ достоинства настоящаго выпуска «Трудовъ комитета», ихъ важности и полезности для занимающихся исторіей: ошибки свойственны каждой работѣ; не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Помимо указанныхъ недостатковъ разобранная нами книга даетъ драгоцѣнный, совершенно новый и необходимый матеріалъ, а приложенные къ ней указатели, особливо указатель юридическихъ терминовъ, много облегчатъ пользованіе изданными, точнѣе описанными теперь актами.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія)

Изъ археологической экскурсіи.

Село Кальникъ и его памятники старины.

Село Кальникъ лежитъ въ центрѣ почти липовецкаго уѣзда (кіев. губ.) на берегу рѣки Соба. Въ настоящее время это небольшое село обращаетъ на себя вниманіе развѣ только тѣмъ, что въ немъ существуетъ громадный сахарный заводъ, принадлежащій кальницкому товариществу и по цыфрѣ своего производства и благоустройству относящійся къ разряду самыхъ солидныхъ заводовъ юго-западнаго края.

Въ прошедшемъ было, правда недолгое, время, когда Кальникъ игралъ довольно важную историческую роль въ судьбѣ края. Въ 1648 году, во время возстанія Хмельницкаго, все Пособье, недавно энергически заселенное и обращенное въ панщину Вишневецкими и Калиновскими, возстало весьма дружно противъ польско-шляхетского строя. Во главѣ возставшихъ жителей отличались рѣшимостью и энергіею жители Кальника и потому поселеніе это было признано административнымъ центромъ всей полосы края, тянувшейся вдоль по теченію Соба и Десны (западной). Кальникъ сталъ козацкимъ полковымъ городомъ и сосѣдніе города и мѣстечки: Погребище, Зозовъ, Липовецъ, Илинцы, Дашевъ и т. д. были подчинены ему въ качествѣ сотенныхъ мѣстечекъ. Кальницкій полкъ, по географическому своему положенію, занималъ передовое мѣсто: онъ, со-

гласно статьямъ зборовскаго договора, прилегалъ длинною тесьмою къ границамъ области, остававшейся еще во власти Польши. При каждомъ новомъ разрывѣ польскія арміи ударяли прежде всего на порубежную полосу и разоряли въ ней непокорныя села, мѣстечка и города. На долю кальницкаго полка пришлось такимъ образомъ самая тяжелая доля въ борьбѣ, которую онъ выдержалъ, конечно съ большими жертвами, благодаря стойкости своего народонаселенія. Вслѣдствіе положенія кальницкаго полка Богданъ Хмельницкій и его преемники назначали обыкновенно въ кальницкіе полковники самыхъ даровитыхъ и храбрыхъ изъ своихъ сподвижниковъ. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ Остафія Гоголя, Ивана Богуна, Ивана Сирка и Григорія Дорошенка. Въ смутное время, называемое «руиною», Кальникъ, вмѣстѣ со всѣмъ Пособьемъ, продолжалъ вести до послѣдней возможности борьбу съ Польшею, постоянно придерживаясь «рейменту» Дорошенка, вслѣдствіе чего онъ многократно подвергался нападеніямъ поляковъ. Разъ, въ 1671 г., онъ выдержалъ двухнедѣльную осаду цѣлой польской арміи, состоявшей подъ личнымъ начальствомъ будущаго короля Яна Собѣскаго, который успѣлъ взять и разрушить городъ, но не могъ добыть замка, въ которомъ заперлись кальницкіе козаки. Только въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, подъ натискомъ поочередно разорявшихъ край поляковъ и турокъ, должны были отступить и жители Пособья; они частью погибли въ защитѣ родного края, частью выселились на лѣвый берегъ Днѣпра.

Отъ сорокалѣтней тревожной исторической жизни Кальника остались понынѣ нѣмые ея свидѣтели—возведенныя козаками земляныя укрѣпленія. На углу возвышенности, окаймленной долиною Соба съ одной стороны и рѣчкою Кальничкою съ другой, виднѣются валы кальницкой цитадели, «замка», отразившаго нѣкогда приступы лучшаго полководца своего времени, короля Собѣсскаго. Цитадель эта расположена на горѣ, отдѣленной отъ сосѣднихъ возвышенностей частью естественными оврагами, частью искусственнымъ «перекопомъ»; за нею тянутся въ два ряда валы, оберегавшіе нѣкогда кальницкій посадъ; валы эти обнимаютъ пространство гораздо большее, чѣмъ то, которое занято нынѣшнимъ селомъ; за ними, далѣе къ западу, виденъ невысокій окопъ, возведенный вѣроятно временно одною изъ армій, осаждавшихъ Кальникъ.

Внутри бывшихъ городскихъ фортифкацій нерѣдко образуются обвалы. Одинъ изъ нихъ случился въ началѣ нынѣшней весны въ части села, называемой «Замчисько». Поводомъ къ образованію провала послужилъ длинный подземный ходъ, часть свода котораго упала послѣ одного изъ проливныхъ дождей, выпавшихъ въ началѣ весны. Спустившись въ образовавшееся углубленіе и нѣсколько расчистивъ одну изъ его сторонъ, мы увидѣли ходъ въ подземный извилистый корридоръ, вышиною отъ $^{3}/_{4}$ до 2 аршинъ; корридоръ этотъ, уцѣлѣвшій на пространствѣ около 10 сажень, проложенъ въ желтой глинѣ, на глубинѣ 4—5 аршинъ отъ поверхности земли и направляется изъ внутренней ограды посада къ рѣкѣ Кальничкѣ. Это несомнѣнно крѣпостной потайникъ; такіе потайники въ фортификаціонныхъ работахъ XVII столѣтія сооружались обыкновенно съ цѣлью обеспечить сообщеніе укрѣпленной мѣстности съ ближайшимъ водоемомъ. Подобные ходы замѣчены были въ Кальникѣ разновременно жителями въ разныхъ другихъ частяхъ старыхъ укрѣпленій.

Кромѣ памятниковъ старины, оставшихся отъ исторически извѣстной эпохи процвѣтанія Кальника въ XVII столѣтіи, въ Кальникѣ и ближайшей его окрестности расположена другая группа памятниковъ, гораздо болѣе грандіозныхъ, относящихся къ весьма отдаленной, доисторической старинѣ, къ тому времени, которое обыкновенно называютъ общимъ именемъ «скиѳскихъ древностей». Памятники эти, при тщательномъ изслѣдованіи, откроютъ вѣроятно со временемъ весьма интересныя черты быта пока совершенно невѣдомой намъ, весьма отдаленной эпохи исторіи нашего края. Въ настоящее время они представляютъ слѣдующую группу сооруженій: возвышенность, на концѣ которой расположено село Кальникъ, представляетъ длинный нагорный полуостровъ, отъ 3 до 4 верстъ длиною и около 2 верстъ шириною, окаймленный съ сѣверо-воскока р. Собомъ и широкими лугами, расположенными на его берегу,—съ сѣверо-запада рѣкою Кальничкою и съ юго-востока глубокимъ оврагомъ, въ которомъ протекаетъ безъименный ручей. Пространство это съ югозапада отрѣзано отъ прилегающей мѣстности высокимъ валомъ, тянущимся отъ Кальнички до безъименнаго ручья. На изолированной такимъ образомъ возвышенности расположено до 25 кургановъ, по большей части весьма обширныхъ размѣровъ и, судя

по наружному ихъ виду, аналогическихъ съ тѣми курганами, которые обыкновенно называютъ «скиѳскими». Среди кургановъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ возвышенности, расположены два городища крайне своеобразной и оргинальной формы. Все очертаніе городища представляетъ довольно правильный кругъ насыпи съ 2—3 входами; но насыпь не состоитъ изъ сплошнаго вала, а какъ-бы изъ ряда отдѣльныхъ кургановъ, сливающихся основаніями и постепенно возвышающихся къ сѣверной сторонѣ городища, гдѣ курганы эти достигаютъ высоты 4—5 сажень. Другое кольце, состоящее изъ такихъ-же курганообразныхъ насыпей, только меньшихъ размѣровъ, помѣщается внутри перваго кольца; наконецъ у каждаго входа помѣщены какъ-бы обширные форверки, точно также состоящіе изъ слившихся основаніями отдѣльныхъ коническихъ насыпей.

Въ общей сложности длинный валъ, городища и курганы представляютъ группу памятниковъ, въ высокой степени интересныхъ и указывающихъ на кальницкую возвышенность, какъ на мѣстность, имѣвшую важное значеніе центральнаго поселенія какого-то народа, владѣвшаго берегами Соба въ доисторическую эпоху. Случайныя находки указываютъ на II или III столѣтіе, какъ на время существованія народонаселенія въ данной мѣстности; такъ недавно на кальницкой возвышенности найденъ былъ кладъ римскихъ монетъ эпохи Антониновъ (Марка Аврелія, Элія и Коммода), а въ недалекомъ отъ нея разстояніи, на поляхъ мѣстечка Дашева, обрѣтена была прекрасная бронзовая діадема, хранящаяся въ музеѣ церковно-археологическаго общества при кіев. дух. академіи.

Въ четырехъ верстахъ отъ Кальника, на землѣ села Сороки, мы встрѣчаемъ городище совершенно тождественное съ кальницкими, обыкновенно называемое «могилою Сорокою» и окруженное также группою кургановъ скиѳскаго типа. Самая большая, сѣверная насыпь, входящая въ составъ городища, представляется теперь полуразрушенною. Южная часть этой насыпи вертикально срѣзана. По разсказамъ старожиловъ, раскопка эта была произведена еще въ концѣ прошлаго столѣтія четырьмя французскими эмигрантами, гостившими у тогдашняго владѣльца Кальника гр. Потоцкаго. Результаты раскопки, насколько намъ извѣстно, остались не опубликованными, да врядъ-ли и могли они дать матеріалъ для положительныхъ выводовъ. Намъ кажется, что объясненія значенія горо-

дищъ кальницкихъ и сорокскаго слѣдуетъ искать не путемъ раскопки самыхъ городищъ, которые въ качествѣ укрѣпленій вѣроятно и не заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ никакихъ предметовъ, а путемъ изслѣдованія окружающихъ ихъ кургановъ, опредѣленія ихъ погребальнаго обряда и оцѣнкою вещей, которыя безъ сомнѣнія сопровождаютъ зарытыхъ въ нихъ покойниковъ.

В. Антоновичъ.

„Парубоцтво", какъ особая группа въ малорусскомъ сельскомъ обществѣ.

Малорусская этнографія, такъ много уже сдѣлавшая для изслѣдованія народнаго быта, доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, не касалась еще семейнаго и общественнаго положенія «парубковъ»; между тѣмъ какъ то и другое представляетъ много интересныхъ и заслуживающихъ вниманія сторонъ. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыя удалось мнѣ собрать по этому предмету въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Подоліи, въ винницкомъ и литинскомъ уѣздахъ, даютъ возможность сказать нѣсколько словъ о малорусскомъ «парубоцтвѣ» вообще, такъ какъ коренныя явленія надодной жизни, видоизмѣняясь по мѣстамъ, сохраняютъ свои основныя общія черты на всемъ пространствѣ разселенія народа.

«Парубки» представляютъ собою отдѣльную группу въ малорусскомъ сельскомъ обществѣ, живущую своими интересами, имѣющую свои заботы и удовольствія, свои права и обязанности, свое особое значеніе въ жизни села. По сравненію съ «хлопцами», подростками они пользуются уже нѣкоторымъ (относительнымъ конечно) уваженіемъ общества. Народное сознаніе отмѣтило лестными эпитетами группы молодежи обоихъ половъ и соединило ихъ въ одномъ любимомъ присловьѣ: «честне дивоцтво и славне парубоцтво». «То вже парубокъ»—говорятъ о чьемъ либо сынѣ и съ этимъ именемъ соединяютъ черты, достойныя вниманія. Полнота жизни, отвага, удальство, свѣжесть и сила чувства поднимаютъ сами собою подростающаго человѣка въ мнѣніи общества и влекутъ къ нему его симпатіи, участіе въ дѣлахъ семьи и общества еще болѣе возвышаютъ его, а положеніе жениха окончательно за-

крѣпляетъ его связь съ обществомъ и дѣлаетъ его предметомъ заискиваній и горячихъ пожеланій. Но были особыя историческія причины, которыя выдѣлили малорусскихъ «молодиковъ» въ особую общественную группу, привлекли ихъ къ общественной дѣятельности и создали имъ почетное, по ихъ возрасту, положеніе. Наблюдая «парубоцтво» въ современномъ его состояніи, нельзя не видѣть, что многое изъ того, чѣмъ оно живетъ и обставлено теперь, съ мелочною даже обрядностью, есть остатокъ давно минувшей жизни, гдѣ не рѣдко духъ и смыслъ давно испарились и осталась одна только форма. И дѣйствительно, «парубоцтво» вошло въ кругъ общественный и заняло въ немъ свою, хотя и низшую, ступень еще въ тѣ давно прошедшія времена, когда общественная жизнь въ южной Руси текла широкимъ русломъ, когда, при слабомъ развитіи правительственной власти, общество пользовалось широкими правами самоуправленія и суда, когда на обязанности его, кромѣ обороны внѣшней и охраны имущественыхъ и личныхъ правъ, лежало удовлетвореніе всѣхъ другихъ его потребностей: постройка и содержаніе храмовъ, содержаніе и обезпеченіе причтовъ, устройство школъ, призрѣніе старыхъ, вдовъ и сиротъ, заботы о больныхъ, калѣкахъ, нищихъ и пр. Въ виду столь сложной общественной дѣятельности, предки наши съ самой ранней поры организовались въ различныя ассоціаціи и кружки, сперва въ формѣ цеховъ, а потомъ братствъ. Сюда привлекались всѣ силы общественныя, всѣ слои населенія, полы и возрасты, особливо въ виду наступленія врага, грозившаго свободѣ ихъ совѣсти и правамъ гражданскимъ. Преобладавшій тогда духъ набожности и благочестія, проходившій по всѣмъ сторонамъ жизни, только облегчалъ юношеству вступленіе въ сферу общественной дѣятельности и дѣлалъ оное необходимымъ и какъ бы неизбѣжнымъ, ибо всѣ тогда призывались на служеніе Богу и ближнему: мужіе и жены, старцы, юноши и дѣвы [1]). Вотъ въ это то время «парубоцтво» и получило значеніе общественной группы, подъ названіемъ *молодиковъ*, *молодшого* или *младенческаго* (отъ польскаго młodzieniec, юноша) братства, какъ оно называлось въ уставахъ братскихъ и въ кругу общественномъ. Этими уставами, какъ

[1]) См. грамоту кіевскаго митрополита Гедеона Святополка Четвертинскаго на учрежденіе братства въ м. Срибномъ (полтавской губ.), „Кіев. Стар.“ 1886 г., август. кн.

и записями цеховыми опредѣлялось вступленіе *млоденцевъ* (юношей) въ цехъ или братство и выступленіе изъ нихъ, ихъ права, обязанности, особливо нравственныя качества. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, особливо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, нынѣшнее «парубоцтво» представляется намъ ничѣмъ инымъ, какъ осколкомъ молодшихъ братствъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ намъ приходилось его наблюдать.

«Парубоцтво», какъ отдѣльная общественная группа, строго отличается отъ женатыхъ и «хлопцивъ». Вступленіе въ него послѣднихъ обусловливается ихъ лѣтами и семейнымъ положеніемъ. «Хлопець» можетъ быть «парубкомъ» съ разрѣшенія отца, достигши 16—17 лѣтъ, но только тогда, когда у него нѣтъ старшаго брата, въ противномъ случаѣ онъ долженъ ждать его женитьбы. Если бы онъ самовольно пожелалъ «парубковать», то за это его преслѣдовали бы отецъ и старшій братъ-«парубокъ». Впрочемъ бываетъ, что отецъ позволяетъ младшему сыну «парубковать», но очень рѣдко. Такой случай имѣлъ мѣсто въ с. Лукашевкѣ, литинскаго уѣзда. Произошло это отъ того, что отецъ разгнѣвался на старшаго сына за неуваженіе, которое тотъ ему оказывалъ; потомъ младшаго онъ женилъ, а старшій остался холостякомъ. Въ м. Мизяковѣ парубковало два брата: у нихъ не было отца, который не допустилъ бы до этого. Младшій сынъ (случай въ с. Дашковцахъ, литинскаго уѣзда) дѣлается «парубкомъ» послѣ поступленія старшаго брата въ солдаты, но съ возвращеніемъ его опять стушевывается.

Кромѣ зависимости отъ лѣтъ и семейнаго положенія, «хлопець» для вступленія въ «парубоцтво» долженъ обладать извѣстными нравственными и физическими качествами, которыя дѣлали бы желательнымъ для другихъ вступленіе его въ кругъ «молодиковъ», точнѣе говоря: не долженъ имѣть «худой славы», дурнаго нрава, которые и по принятіи его въ «парубоцтво» могутъ сдѣлать пребываніе его въ немъ невыносимымъ вслѣдствіе попрековъ и насмѣшекъ.

Принятіе въ «парубоцтво» сопровождается нѣкоторыми обрядами и носитъ названіе «коронування». Совершается оно такимъ образомъ: послѣ предварительнаго заявленія подростка о желаніи его «парубковать», парубки собираются въ опредѣленномъ мѣстѣ для вечерняго ли увеселенія, или по поводу какой либо общей

кружковой работы и когда «хлопець» явившись въ ихъ собраніе, отвѣситъ имъ поклонъ, его поднимаютъ на рукахъ вверхъ и при этомъ поютъ ему пѣсню съ повтореніемъ 2-й половины каждаго стиха:

Посіяли дивки ленъ,
    Що за диво, дивки, ленъ!
Посіявши, спололи,
    Що за диво, дивки, ленъ!
А споловши вырвали,
    Що за диво, дивки, ленъ!
Въ Дунай ричку кидали.
    Що за диво, дивки, ленъ!
Дунай ричка не величка,
Перевозець неболшой.
    Що за диво неболшой!
Ишли дивки дорогою,
    Що за диво дорогою!
Дорогою бижить конь,
    Що зо диво бижить конь!
На конику удалець,
    Що за диво удалець!
Що за диво удалець,
Нашъ Иванъ молодець!

«Коронованный» садится въ кругу товарищей и угощаетъ ихъ водкой; этимъ и заканчивается принятіе его въ ихъ среду.

Обрядъ этотъ существуетъ въ Винницѣ на старомъ городѣ и въ селахъ винницкаго уѣзда: Шкурипцахъ, Тютькахъ, Сабаровѣ, Черлинковѣ, Бухоникахъ, Селищахъ, Хижинцахъ, Парпуровцахъ, Лукѣ Мелешковской и въ Гущинцахъ; въ другихъ же селахъ винницкаго уѣзда (Пятничанахъ, Мизяковѣ, Мизяковской Слободкѣ, Супруновѣ, Павловкѣ и въ селахъ литинскаго уѣзда: Воронинцахъ, Дашковцахъ, Лукашевкѣ и въ Пеньковкѣ) для пріема «хпопця» въ «парубоцтво», избирается время, когда парубки собираются идти колядовать, т. е. пѣть колядки въ Рождество Христово, или вырубать крестъ на рѣкѣ на канунѣ Богоявленія, какъ въ с. Шкуринцахъ, либо косить съобща, напримѣръ, на «толоку». Случай, по которому происходитъ пріемъ молодика, не дѣлаетъ никакой разницы; пріемъ

означается допущеніемъ вступающаго къ общей работѣ и затѣмъ угощеніемъ на его счетъ. Стародавній «могоричъ» считается столь существенною принадлежностію, что отказывающаго въ немъ при косьбѣ кладутъ на первый покосъ и бьютъ жгутами изъ травы, или же погружаютъ его въ воду, либо отдаютъ въ залогъ его косу въ шинкѣ и пьютъ на его счетъ, а въ случаѣ согласія опоясываютъ его накрестъ веревками изъ травы и съ пѣснями ведутъ въ корчму.

Въ другихъ мѣстахъ молодой косарь только тогда покупаетъ водку, когда не умѣетъ хорошо косить, въ противномъ случаѣ отговаривается тѣмъ, что коситъ не хуже другихъ.

Не смотря на нѣкоторыя препятствія и затрудненія, завѣтною мечтою хлопцевъ бываетъ вступленіе въ «парубоцтво»; тутъ дѣйствуетъ не одно, присущее человѣку во всѣхъ возрастахъ и на всѣхъ ступеняхъ его развитія стремленіе подняться къ старшимъ, стать выше своего положенія, но прямое сознаніе, что отъ этого ихъ семейное и общественное положеніе измѣнится къ лучшему. И дѣйствительно, хлопецъ въ семьѣ не располагаетъ собою, но подчиняется во всемъ волѣ старшихъ. Отецъ обыкновенно заставляетъ его исполнять мелкія домашнія работы, пасти скотъ и проч., по своему желанію отдаетъ его въ службу и заработанными имъ деньгами пользуется по своему усмотрѣнію; «нарубку» же въ этомъ отношеніи предоставляется болѣе самостоятельности. Если экономическое положеніе семьи требуетъ, чтобы онъ шелъ «въ службу», то выборъ ея предоставляется ему, а заработанныя деньги онъ или употребляетъ для себя на одежу, или сберегаетъ себѣ же на свадьбу, или же помогаетъ ими отцу. Хлопцу воспрещается хожденіе на «музыки», «улыцю» и «вечерныци», «парубку» все это разрѣшается и не ставится въ укоръ. Хлопецъ, особливо въ наймахъ, служитъ «попыхачемъ», получаетъ подзатыльники; парубокъ и самъ можетъ дать сдачи. Достойна замѣчанія та самостоятельность, которая предоставляется «парубку» въ самомъ важномъ случаѣ его жизни—женитьбѣ; по большей части ему принадлежитъ полная свобода выбора невѣсты и когда о своемъ намѣреніи жениться на извѣстной дѣвушкѣ онъ заявляетъ отцу, то всегда почти получаетъ отъ него согласіе и благословеніе. Иногда отецъ самъ объявляетъ сыну, что пора жениться; но и тутъ выборъ невѣсты предоставляется ему, если же отецъ и указываетъ на какую-ни-

будь, то лишь въ видѣ совѣта. Полная свобода въ этомъ отношеніи парубковъ можетъ быть объяснена только упомянутымъ нами выше, исторически развившимся, поднятіемъ ихъ до участія въ общественной дѣятельности прежде, чѣмъ они придутъ въ брачное состояніе. Вся роль отца въ этихъ дѣлахъ ограничивается совѣтомъ, наставленіемъ, разъясненіемъ, но никогда не переходитъ въ приказъ или гнетъ. Возникаютъ иногда разногласія, споръ, но переговорами они всегда и оканчиваются. Въ с. Лукашевкѣ былъ случай, что отецъ предложилъ сыну въ невѣсты одну дѣвушку, но послѣдній не соглашался, такъ какъ далъ слово другой. Отецъ въ свою очередь не былъ согласенъ съ его выборомъ. Борьба между ними длилась три года и кончилась въ пользу сына. Другой случай, года три тому назадъ, имѣлъ мѣсто въ с. Пятничанахъ. «Парубокъ» полюбилъ бѣдную дѣвушку изъ с. Михайловки. Поля у нея не было, былъ только огородъ и хата. Отецъ воспротивился выбору сына, но тотъ настоялъ на своемъ и женился безъ его согласія. Вся свадьба происходила у невѣсты. Случай этотъ въ высшей степени рѣдкій. Въ с. Дашковцахъ въ этомъ году одинъ зажиточный крестьянинъ посваталъ своего сына тоже у зажиточнаго хозяина въ Мизяковскихъ Хуторахъ. Свадьба отложена была на весну. Сватанье происходило противъ воли сына, у котораго на примѣтѣ была другая невѣста. Послѣдній не хотѣлъ жениться на своей невѣстѣ и просилъ отца слать сватовъ къ избранной имъ. Отецъ находился въ недоумѣніи, какъ ему поступить: съ одной стороны онъ боялся стыда, если разойдется со своимъ сватомъ, съ другой—его пугала неизвѣстность будущей жизни сына. Вся вина, еслибы этою женитьбою была испорчена сыновняя жизнь, падала бы на него. По его словамъ, онъ могъ «примусити» сына, но крестьяне отговаривали его отъ этого. Кончилось тѣмъ, что отецъ послушался общественнаго мнѣнія и уступилъ желанію своего сына.

Случаи женитьбы по принужденію родителей очень рѣдки. Бываютъ они по большей части между богатыми. Зажиточный отецъ хочетъ, чтобы и сынъ его былъ женатъ на зажиточной. Принужденіе сопровождается иной разъ и побоями. Про женитьбу по неволѣ говорится въ двухъ пѣсняхъ, записанныхъ мною въ м. Мизяковѣ.

1.

Ой, я въ батька да въ роскоши живъ,
А мене батько по неволи одруживъ;
Узявъ жинку нелюбляну и несудяную,
До роботы непрыкидливую.
. . . .

2.

. . . .
Ой, я въ батька иденъ сынъ, (2)
А мене батько по неволи одруживъ.
По неволи одруживъ, (2)
Не до мысли жинку взявъ.
Не до мысли жинку взявъ, (2)
Такъ я зъ нею жить не ставъ.
Пиду въ висько служити, (2)
Абы зъ нею не жити.
Ой, якъ зъ виська повернусь, (2)
То зъ иншою одружусь.

Вообще въ семьѣ взрослый неженатый сынъ есть ближайшій совѣтникъ и помощникъ отца. При полномъ совершеннолѣтіи онъ можетъ бывать на сходахъ и пользоваться правомъ голоса, заступая отца, или же являясь самостоятельнымъ представителемъ осиротѣлой семьи и хозяйства. Въ случаѣ какой либо провинности, «парубокъ» наказывается по приговору схода, а не отдается, какъ «хлопецъ», на исправленіе отцу.

Въ своей средѣ «парубки» пользуются независимостью и полнымъ равенствомъ; всѣ они называютъ себя, какъ въ прощальной при концѣ свадьбы пѣснѣ, «товаришами». Если и бываютъ между ними старшіе, то только по выбору и при томъ на то только время, когда они цѣлымъ кружкомъ отбываютъ общественную службу. Главнымъ видомъ такой службы является «коляда», т. е. поздравленіе всѣхъ домохозяевъ съ праздникомъ Рождества Христова при пѣніи особыхъ для этого случая пѣсенъ, или колядокъ. Исполняя этимъ, по предковскому обычаю, долгъ почтенія къ старшимъ, «молодики» получаютъ за это отъ поздравляемыхъ благодарность частію деньгами, а больше продуктами домашняго хозяйства въ готовомъ и сыромъ видѣ. Лишь самую незначительную част-

собраннаго (въ видѣ хлѣба, сала и колбасъ) парубки употребляютъ на угощеніе и подкрѣпленіе себя по трудахъ, все остальное переводится на деньги и, вмѣстѣ съ собранными въ наличности деньгами, употребляется на украшеніе церкви (сооруженіе хорувей, крестовъ и т. п.), которое по извѣчному обычаю народному считалось и считается обязанностію «парубковъ». Избираемый на время колядованья старшій носитъ названіе *березы*. Онъ обязанъ руководить пѣніемъ, при чемъ онъ же и запѣвало, собирать пожертвованія на церковь и наблюдать за поведеніемъ колядниковъ, которые въ свою очередь обязаны повиноваться ему.

Когда всѣ счеты съ колядой покончены, «береза» теряетъ свою власть.

Старшій не выбирается, но онъ самъ собою выдѣляется изъ среды найболѣе расторопныхъ, смѣтливыхъ и энергическихъ парубковъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда имъ предстоитъ послужить чѣмъ либо общему дѣлу, какъ напр. во время вырубки креста на льду наканунѣ Крещенія, при очисткѣ пути для процессіи въ этотъ и въ другіе по полямъ крестные ходы, при устройствѣ общественныхъ обѣдовъ, погребеніи бѣдныхъ на общественный счетъ и т. п.

Въ кружокъ близкихъ другъ другу «товаришей» парубки соединяются во время общественныхъ увеселеній на такъ называемыхъ «музыкахъ», на «улыцяхъ» и «вечерныцяхъ», въ которыхъ «хлопци» и женатые не участвуютъ.

«Музыки»—это праздничное времяпрепровожденіе, состоящее въ танцахъ подъ музыку. Танцы устраиваются либо въ самой корчмѣ—въ зимнюю пору и ненастную погоду, или подлѣ корчмы, какъ мѣста общественнаго собранія. Нанимаютъ музыкантовъ парубки. За «танецъ» плотится 1—2 к. Плотитъ тотъ, кто заказалъ играть. Танцуютъ только «парубки» и «дивчата»; прочіе лишь смотрятъ на танецъ.

Весной, послѣ Пасхи, начинаются «улыци», или «грыщи». На извѣстную улицу собирается молодежь обоего пола; здѣсь происходятъ игры и нерѣдко танцы. Иной разъ сюда сходятся смотрѣть на забавы молодежи люди пожилые и дѣти, но участія въ нихъ не принимаютъ.

Послѣ «улыци» многія дѣвушки отправляются спать въ «клуни» или гумна; къ нимъ для совмѣстнаго спанья приходятъ «парубки», но объ этомъ ниже.

«Вечерныци» [1]), вечернія собранія молодежи обоего пола, начинаются осенью и продолжаются до великаго поста. Происходятъ они по большей части у вдовъ, или солдатокъ, которыхъ мужья отсутствуютъ, и рѣдко у молодыхъ бездѣтныхъ супруговъ. Договорить гдѣ либо хату для огбыванія «вечерныцъ» лежитъ на обязанности «дивчатъ»; они же принимаютъ на себя освѣщеніе и приготовленіе ужиновъ; «парубки» приносятъ водку и разныя лакомства.

«Вечерныци»—это самое любимое препровожденіе времени у малорусской молодежи: пойдутъ шутки, пѣсни, веселые разсказы и нерѣдко танцы, если на сцену явится музыка.

Кромѣ веселаго препровожденія времени тянетъ сюда молодежь еще чувство любви, играющее весьма важную роль въ ея жизни. Здѣсь не одинъ «парубокъ» узналъ чары любви и, какъ поется:

Такъ нацилувався,
Такъ намилувався,
Якъ у садку соловей
Тай нащебетався (м Мизяковъ, с. Дашковцы).

Въ пѣсняхъ очень много поется про любовь; нерѣдко она идеализируется. Любовь иной разъ бываетъ сильная и продолжительная; слѣдующее четверостишіе одной пѣсни говоритъ объ этомъ:

Любивъ тебе я дивкою,
Любитиму молодицею,
Ище буду симъ литъ ждати,
Чя не будешъ удовицею (м. Мизяковъ).

Не всегда однако любовь ведетъ къ браку:

Не вси тіи сады цвитуть,
Що весною розвиваються;

---

[1]) Въ Дашковцахъ, Лукашевкѣ и въ м. Мизяковѣ (а можетъ быть и въ другихъ селахъ) существуютъ, на подобіе „вечерныцъ" взрослой молодежи, дѣтскія „вечерныци". Устраиваются они дѣвочками и мальчиками 10—13 лѣтъ. Родители преслѣдують за это дѣтей не энергично. „Парубки", поймавъ на своихъ „вечерныцяхъ" хлопцевъ, сильно наказываютъ ихъ, не обращая вниманія на ихъ лѣта („хлопець" въ силу семейнаго положенія, можетъ быть и 20 лѣтъ); бьютъ ихъ, смазываютъ имъ лице сажей и даютъ пить ее, разведя водой. Въ м. Мизяковѣ смазываютъ виновному лице сажей и щепкой, будто бы бритвой, брѣютъ. Наказаніе посредствомъ сажи существуетъ вездѣ.

Не вси тіи винчаються,
Що любляться та кохаються.
Половина садивъ цвите,
Друга обсыпаеться;
Половина людей винчаеться,
А другая розлучаеться (Въ той же пѣснѣ, гдѣ и приведенное четверостишіе).

«Вечерныци» заканчиваются совмѣстнымъ спаньемъ парубковъ съ дивчатами. Спятъ по-парно. Великое это испытаніе для разгоряченной предварительнымъ увеселеніемъ молодежи. Но такова сила чистой любви, такова твердость вѣры и нравственности въ людяхъ простыхъ, таково наконецъ значеніе вѣковѣчнаго обычая или завѣта предковъ, что такое сближеніе двухъ половъ въ юномъ возрастѣ отнюдь не ведетъ къ разврату и, за рѣдкими исключеніями, остается всегда вполнѣ безупречнымъ. Разгадка этого поистинѣ рѣдкаго явленія заключается въ томъ, что совмѣстное спанье дозволяютъ себѣ тѣ, которые слюбились уже другъ съ другомъ и если не на словахъ, но въ душѣ рѣшили жить другъ для друга, какъ законъ велитъ.

Ой у лузи калинонька,
На ню витеръ віе,
Любить козакъ дивчиноньку,
Заняти не сміе.
Ой, винъ іи не займае,
Бо сватати мае,
Винъ до неи не горнеться,
Неславы боиться... (Мизяковъ, Дашковцы).

Боится «неславы», т. е. худой славы, дурнаго общественнаго мнѣнія, а такое мнѣніе въ сельскомъ обществѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо, и сказывается мѣрами болѣе чувствительными, чѣмъ перешептыванія сосѣдей. Высказанный въ пѣснѣ взглядъ на отношеніе козака въ любимой дѣвушкѣ глубоко проникъ въ народную жизнь и строго примѣняется и въ настоящее не козачее время. Одинъ старый «парубокъ» въ м. Мизяковѣ давалъ такое наставленіе молодымъ «парубкамъ» на счетъ ихъ отношеній къ женскому полу: «зачипайте, коли охота, дивчатъ, котрихъ не думаете сватати; а не зачипайте тыхъ, съ котрыми хочете шлюбъ брати».

Наставленіе это имѣетъ тѣсную связь съ приведенной пѣсней, такъ какъ слова: «зачипати», «займати»—синонимы и на мѣстномъ языкѣ означаютъ: *трогать*, а въ переносномъ смыслѣ *соблазнять*. Изъ этой связи можно заключить, что разсматриваемое явленіе распространено и имѣетъ начало въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошедшемъ.

Честь охраненія чистоты отношеній любящихся пѣсня усвояетъ парубку; но дѣвушки еще крѣпче стоятъ за собственную честь, по чувству стыда и изъ боязни не только «неславы», но и грѣха предъ Богомъ. Парубокъ, увѣренный въ своей твердости и чистотѣ своихъ намѣреній, требуетъ отъ своей избранной совмѣстнаго спанья, какъ должнаго, и отказъ въ этомъ считаетъ большимъ оскорбленіемъ для себя.

Достойно замѣчанія, что парубки являются охранителями дѣвичьей чести и чистоты супружескихъ отношеній; заподозрѣнной въ блудной жизни дѣвушкѣ они вымазываютъ окна или ворота дегтемъ, уличенныхъ въ прелюбодѣйствѣ мужей подвергаютъ публичному осмѣянію и жестокимъ наказаніямъ.

Само собою разумѣется, что никакія убѣжденія и страхи не въ силахъ предотвратить пылкую и слабую молодежь отъ паденія, хотя случаи паденія рѣдко возникаютъ на вечерницахъ. Въ своемъ селѣ «парубки» съ замужними женщинами не заводятъ интригъ, интригуютъ же они большею частію со вдовами и «московками». На увеличившееся, по видимому, въ послѣднее время число случаевъ незаконнорожденности вліяютъ многія другія причины, крестьяне-же отнюдь не ставятъ ихъ въ зависимость отъ вечерницъ. На мой вопросъ по этому предмету одинъ пожилой крестьянинм отвѣтилъ: «и давно те було, якъ и теперъ; заводы и вечерныци якъ бы й ни при чому: одна «дивчина» сдержиться до сивого волосся, а друга бигае вже въ 15 рокивъ—то вже така природа». Въ силу этого взгляда и считая «вечерныци» и «улыци» единственными средствами къ развлеченію молодежи, крестьяне не имѣютъ противъ нихъ ничего; иногда отецъ даетъ сыну для «вечерныцъ» деньги, а мать дочкѣ для того же сыръ, яйца, муку и проч... Что касается молодежи, особенно парубковъ, то они очень дорожатъ своими увеселеніями и къ уничтоженію ихъ относятся

недоброжелательно [1]). Любовь парубковъ къ «вечерныцямъ» ярко высказывается въ слѣдующемъ четверостишіи пѣсни, записанной мною въ Дашковцахъ:

А ни ïвъ бы, а ни пивъ бы,
А на тіи вечерныци тай ходивъ бы. (2)
Ой то тіи вечерныци:
То то вони, то то вони чаривныци! (2)

Выступленіе изъ «парубоцтва» наступаетъ со вступленіемъ парубка въ бракъ и, какъ и вступленіе, сопровождается также нѣкоторыми обрядами, входящими въ составъ свадебнаго ритуала. «Парубоцтво» съ именемъ «бояръ» играетъ, какъ извѣстно, на свадьбѣ выдающуюся роль, распоряжается всѣмъ, что касается жениха и въ заключеніе прощается съ нимъ. Въ противоположность «дѣвичнику», предшествующему свадьбѣ, «боярство», во время котораго молодой прощается съ своими товарищами, заканчиваетъ свадьбу и совершается или въ самый день свадьбы, воскресный, или-же утромъ въ понедѣльникъ. Уже въ обычаѣ «парубковъ» останавливать «молодого» въ то время, котда онъ идетъ къ «молодой» и требовать отъ него на водку, нельзя не видѣть нѣкотораго какъ бы выкупа или того, что они отпускаютъ его изъ своей среды. Но собственно выступленіе молодого изъ «парубоцтва» имѣетъ видъ особой церемоніи, заключающей свадьбу. Прощаясь съ нимъ, «парубки» поютъ:

Бувай же здоровъ, товаришу; вже мы йдемо,
Вже такого товариша, якъ ты, не найдемо;
Хоць найдемо, не найдемо, та не такого,
Що не прыйдеться до серденька мого.

Съ этими словами, заканчивающимми ужинъ, парубки» расходятся и новобрачный выходитъ изъ «парубоцтва» и никогда уже не появляется въ средѣ его.

Валеріанъ Боржковскій.

---

[1]) Уничтоженіемъ „вечерныць“ занимаются нѣкоторые священники и полицейскіе урядники.

Псальма XVIII столѣтія.

Въ нашихъ рукахъ недавно находился рукописный сборникъ разнаго рода актовъ и замѣтокъ, принадлежавшій сначала наказному гетману Полуботку, а впослѣдствіи Якову Марковичу, автору «Дневныхъ записокъ». Въ упомянутомъ сборникѣ, между прочимъ, помѣщена псальма, по содержанію своему весьма похожая на одну изъ тѣхъ, которыя до сихъ поръ распѣваются кобзарями въ харьковской губерніи; отъ послѣднихъ она отличается лишь присутствіемъ нѣсколькихъ церковно-славянскихъ оборотовъ. Надо думать, что современная народная псальма есть только одемократизированное искусственное произведеніе, древнѣйшая редакція котораго относится къ прошлому столѣтію. Судя по расположенію статей сборника и по почерку его, можно полагать, что псальма внесена въ сборникъ между 1710 и 1720 годами.

Бидна моя головонька, я на свити сиротонька:
Ни матуси, ни татуси, до кого-жъ я прихилюся?
Прихилюся до Ісуса, тожъ мни отець и матуся.
Тожъ мни радость и утиха, тимъ позбуду всего лиха.
Але лихо, бида всюди, ненавидять зліе люди.
Ни радости, ни впокою, тилько смутокъ изъ бидою.
Единъ другаго витаеть, а не слави забиваеть;
Еднакъ сего я не дбаю, на Ісуса уповаю:
Тотъ врагъ моихъ вси совѣти вскори можетъ разорити,
Не дасть мини погибати, въ печалехъ унивати.
Теперъ правда лежить въ доли, а неправда въ доброй воли;
Теперъ любви нисть и мало, бо на свити все зле стало.
Боже! дай намъ любовъ мити, а имя Твое хвалити,
Донели на суди страшнимъ узримъ свитъ Твой преясный...
Тамъ намъ, Боже, даруй быти, лицемъ къ лицу Тебе зрити!

Сообщ. **П. Е.**

Указъ Петра І-го о ссылкѣ Забѣлы и Загоровскаго.

Въ исторіяхъ Малороссіи Маркевича и Бантыша-Каменскаго, а также въ статьѣ Костомарова о Мазеповцахъ можно найти кое-какія свѣдѣнія о Данилѣ Забѣлѣ, типичномъ малорусскомъ доносителѣ прош-

лаго столѣтія. Въ упомянутыхъ источникахъ сообщаются подробности о пыткахъ, испытанныхъ Забѣлой въ московскихъ застѣнкахъ за ложный доносъ на гетмана Скоропадскаго, но нѣтъ указаній на то, что собственно онъ доносилъ на Скоропадскаго и на чемъ основывались его обвиненія. Послѣднее обстоятельство выясняется въ приводимомъ при семъ укязѣ Петра I о ссылкѣ Забѣлы съ другимъ лживымъ доносителемъ, Загоровскимъ, въ г. Архангельскъ. О томъ, какъ велъ себя Забѣла въ Архангельскѣ, было сообщено въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 годъ, въ статьѣ нашей «Малороссіяне, сосланные въ прошломъ столѣтіи въ Архангельскую губернію».

Настоящій указъ заимствованъ нами изъ рукописнаго сборника актовъ Якова Марковича.

П. Е.

Указали мы великій государь, по именному нашого царского величества указу, изъ Малой России двохъ козаковъ Данила Забѣлу и Ивана Загоровского за ихъ неправія доношенія на тебя, подданного нашого, жалуя тебя, подданного нашего, сослать въ силку къ городу Архангельскому для того: Данило Забѣла въ доношеніи своемъ писалъ и доносилъ словесно о бившемъ гетмане измѣннике Мазепѣ, что онъ лукавствомъ своимъ едва государства не погубилъ, и примѣняя къ его невѣрности тебе, подданного нашого, для того, что были де ти подданной и генералной писарь Семенъ Савичъ и инніи зъ Мазепою всегда въ совѣте и конфѣренціи, а ниие нѣчего не знаетъ. А Иванъ Загоровскій на тебя, подданного нашого, доносилъ, что какъ онъ въ 1716 году ѣздилъ въ Санктпѣтербурхъ доносить на чернѣговского полковника Павла Полуботка и, не заставъ минѣстровъ нашихъ, возвратился, и за то взятъ былъ по приказу твоему въ Глуховъ, скованъ и воженъ зъ двома разбойниками къ питке, что смертно устрашился и чаялъ, что надъ нимъ будетъ такъ учинено, какъ надъ Кочубеемъ, причитая все то тебѣ, подданному нашому, будто къ невѣрности. А стольникъ нашъ Ѳедоръ Протасіевъ доносилъ, что посилалъ ти, подданной нашъ, по него Загоровского и бралъ въ Глуховъ въ томъ, что онъ, пріѣхавъ зъ Санктпѣтербурха, разглашалъ о тебѣ ругателнія слова. И понеже въ тѣхъ своихъ доношеніяхъ оба доносители, Забѣла и Загоровскій, приличали тебя, подданного нашого, къ невѣрности, а ничего противнаго на васъ не обявили и не доказали, и за такъ лживія ихъ доношенія и за безчестіе твое, подданного нашого, указали мы, великій государь, быть имъ

у города (Архангельского) на вѣчномъ житіи, чтобъ, на то смотря, и инніе съ неправдивими доношеніями къ двору нашого царского величества не приходили. Ежели-жъ кто зъ малороссійскихъ жителей признаетъ подленно за кимъ какое подозрѣніе, или претерпитъ отъ генералной старшини или полковниковъ какіе обыди и разореніе, таковъ би, не опасаясь ничего, доносилъ самую истинну по совѣсти своей и по вѣрности къ нашему царскому величеству, понеже мы, великій государь, по милости нашей къ народу малороссійскому, изволяемъ оній содержать по силѣ даннихъ имъ привилѣевъ, при ихъ правахъ и волностехъ ненарушимо, и явились би зъ доношеніемъ въ Глухове столнику нашому Ѳедору Протасіеву или ѣхали въ Петербурхъ безъ опасенія, и никто-бъ имъ того не возбранялъ, и тебѣ-бъ, нашего царскаго величества подданному, войска запорозскаго обоихъ сторонъ Днепра гетману Ивану Илличу сію нашу царскаго величества милость вѣдать и быть по прежнему къ намъ, великому государу, въ непоколѣбимой вѣрности, и о семъ нашомъ царского величества соизволеніи объявить во всѣхъ полкахъ рейменту твоего. А женамъ тѣхъ козаковъ Забѣли и Загоровского и дѣтемъ дается на волю или къ нимъ туда ѣхать, или въ домѣхъ своихъ жить.

Писанъ въ нашомъ царствующомъ граде Санктпѣтербурхе лѣта отъ Рождества Христова 1718 ноября 30 дня, государствованія нашего 37 году.

Канцлеръ графъ Гаврило Головкинъ.

Къ исторіи пословицъ.

Занимающіеся старинною южно-русскою литературою могли бы оказать услугу наукѣ, если бы дѣлали вымѣтки изъ старинныхъ рукописей и книгъ встрѣчающихся въ нихъ пословицъ и поговорокъ и приводили послѣдиія въ общую извѣстность. По такимъ замѣткамъ можно было бы слѣдить исторію пословицъ, кругъ ихъ распространенія, иногда утраченный смыслъ и первоначальную или старѣйшую ихъ форму.

Для начала этого дѣла привожу 18 пословицъ, вымѣченныхъ мною изъ старинныхъ книгъ, въ надеждѣ, что мой починъ не останется безъ продолженія.

---

1) Якъ песъ сукно стережетъ, а самъ въ немъ не ходитъ (встрѣчается въ Перестрогѣ 1609—1605 гг.).

2) Не все то золото, что блеститъ (въ соч. Кассіана Саковича «Okulary», 2 изд. 1644 г., стр. 5).

3) Что городъ, то норовъ (въ Лиѳосѣ Петра Могилы, 1644 г., стр. 20).

4) Правишь ни къ селу, ни къ городу (тамъ же, стр. 359).

5) Когда-то колбасы и жареные голуби по свѣту летали (тамъ же, стр. 353).

6) Радъ бы ихъ въ ложкѣ воды утопить (въ Lutnie Лазаря Барановича, 1671 г., стр. 423).

7) Что въ печи, то на столъ мечи (Письма Лазаря Бърановича, стр. 22, 103).

8) Свое, какъ свое, мило, хотя и гнило (тамъ же, стр. 32).

9) Съ чужаго коня и въ грязи слѣзаютъ (тамъ же, стр. 32).

10) О времена, о нравы (съ латинскаго языка; тамъ же, стр. 51).

11) Для козака воевода—великая невзгода (тамъ же, стр. 53).

12) Тише ѣдешь, дальше станешь (тамъ же, стр. 74).

13) Капля долбитъ и камень (съ латинскаго яз.; тамъ же, стр. 88).

14) Дѣлу время, а потѣхѣ часъ (тамъ же, стр. 146).

15) Совѣтъ падетъ, какъ горохъ къ стѣнѣ (тамъ же, стр. 179).

16) Не будй бѣды, когда она спитъ (тамъ же, стр. 198).

17) Противъ рожна идешь (тамъ же, стр. 202).

18) Кто людей не слушаетъ, тотъ Бога не боится (тамъ же, стр. 202).

Н. С.

Гадяцкая полковая канцелярія 40-хъ годовъ XVIII ст., ея составъ и содержаніе.

Въ архивѣ полтавской казенной палаты хранится переплетенная въ кожу тетрядь in folio, имѣющая слѣдующее заглавіе: «Книга шнуровая о произвожденіи въ полку гадяцкомъ полковымъ старшинамъ и протчимъ служителямъ годового жалованья и на канцелярскіе расходы, по состоявшому въ минувшомъ 1732 году генералному опредѣленію, за тисяча семьсотъ четире десятъ седмій, осмій и девятій годы».

Книга эта даетъ любопытныя указанія относительно состава войсковаго уряда и полковыхъ служителей въ гадяцкомъ, а слѣдовательно и во всякомъ другомъ полку подъ конецъ автономнаго существованія лѣвобережной Украйны. Тутъ означены почти всѣ полковыя должности и службы, какія существовали въ то время, оклады жалованья, присвоенные каждой изъ нихъ, имена и фамиліи занимавшихъ уряды и даже косвенное указаніе на то, сколько въ личномъ сосвавѣ служащихъ было неграмотныхъ. Приводимъ эти данныя, въ надеждѣ, что они пригодятся кому нибудь при историческихъ изысканіяхъ, помимо простаго любопытства, возбуждаемаго ими.

Годъ 1747-й.

Полковой писарь Яковъ Ситенскій . . . . 80 рублей.
Полковой асаулъ Іосифъ Ситенскій . . . . 50 »
Два полковыхъ хоружихъ—Василій Ковалевскій и Петръ Клецуновъ } по 40 »
Четыре полковыхъ канцеляриста: Стефанъ Данивскій, Іосифъ Пріельскій, Сергій Яновскій и Ѳедоръ Ситенскій по 20 руб.
Полковаго суда писарь Яковъ Колодяжинскій . . . . 30 руб.
Судовой канцеляристъ Григорій Карповъ . . . . 10 »
Два канцеляриста въ Счетной коммисіи—
Кириллъ Щинскій и Яковъ Ковтуновскій } по 10 р.
«Полковой музике»: довбышъ Матвѣй Петровъ . . . . 15 руб.
Три трубача—Михаилъ Красовскій . . . . 20 »
Антонъ Свирскій . . . . и Андрей Бѣлевскій . . . . } по 15 р.
Сурмачъ Максимъ Яковлевъ (неграмотный) . . . . . . 15 руб.
Целюрикъ полковой Иванъ Яковлевъ (неграмотный) . . 15 »
Городничій гадяцкій Леонтій Лисянскій (неграмотный) . 10 »
Два полевыхъ сторожа—Стефанъ Малеваный и Иванъ Конопцевъ (оба неграмотные) } . . . по 30 »
Десять писарей сотенныхъ: первой полковой сотни Василій Кузьменко, второй полковой Давидъ Крамаренко, рашевской Іакимъ Зеленскій, лютеньской Яковъ Данилевскій, второй зеньковской Андрей Григоровскій, ковалевской Іосифъ Андреевъ, опошнянской

Ѳедоръ Покотило, кузьминской Давидъ Оксакъ, груиской Павелъ Донецъ, веприцкой Стефанъ Третяковскій, всѣ по 15 руб.

Два артиллерійскихъ служителя: асаулъ Семенъ Тищенко 10 руб. и хоружій Василь Калинъ (неграмотный) . . . . 6 »

Десять пушкарей и армашей: Василій Исаевъ, Михаилъ Бѣланъ, Семенъ Левоха, Демко Шатравенко, Михаилъ Римаръ, Петръ Мѣняйленко. Ѳедоръ Манотенко, Стефанъ Яковенко, Антонъ Середа и Максимъ Спичаченко, всѣ неграмотные, всѣ по 5 руб.
Коновалъ Кононъ Стеценко, коваль Иванъ Приль, стелмахъ Иванъ Бондаренко, римаръ Павелъ Кондратьевъ, всѣ неграмотные, всѣ по 2 руб.

Въ шнуровой книжкѣ подъ именемъ каждаго изъ урядниковъ и служителей полковыхъ значится собственноручная подпись: «оніе (или которіе) денги получилъ и росписался» такой-то; полковые трубачи Михаилъ Красовскій и Антонъ Свирскій росписались польскимъ письмомъ; за неграмотныхъ росписывался какой нибудь изъ канцеляристовъ.

На канцелярскіе полковые и судовые канцелярскіе расходы въ 1747 году въ гадяцкомъ полку выдано канцеляристу Стефану Данилевскому 77 р. 20 к.; вмѣстѣ съ тѣмъ на канцелярскіе расходы всѣхъ сотенныхъ канцелярій въ полку выдано писарямъ каждой сотни по 5 рублей.

Заслуживаетъ вниманія, что оклады жалованья полковыхъ урядниковъ, канцеляристовъ и войсковыхъ служителей не были устойчивыми даже послѣ генеральнаго опредѣленія относительно этого предмета въ 1732 г. Въ 1748 г., напримѣръ, оклады жалованья служащимъ сравнительно съ 1747 годомъ были значительно уменьшены. Уменьшеніе коснулось главнымъ образомъ тѣхъ, которые получали меньшіе оклады: такъ трубачъ Красовскій получаетъ въ 1748 г. 15 рублей вмѣсто 20; остальные два трубача, сурмачъ, довбишъ и полковой цилюрикъ получили теперь по 10 руб.; городничій гадяцкій въ 1748 г. получилъ 7 рублей годоваго жалованья; жалованье полевыхъ сторожей въ 1748 г. съ 30 руб. пере-

---

[1]) На 47 человѣкъ полковаго штата приходится 20 человѣкъ неграмотныхъ, т. е. всѣ артиллерійскіе служителя, начиная съ хорунжаго; неожиданно неграмотенъ и городничій гадяцкій.

шло на 21 рубль. Изъ артиллерійскихъ служителей асаулъ получилъ 8 вмѣсто 10, а хоружій 4 рубля вмѣсто 6; пушкарямъ и армашамъ пришлось по $3^1/_2$ р., а коновалу, ковалю, римару и стельмаху по $1^1/_2$ р. годоваго жалованья (первымъ вмѣсто 5, а вторымъ вмѣсто 2). Сокращено было въ 1748 г. также жалованье сотенныхъ писарей: они получили по 10 рублей вмѣсто прежнихъ 15. Значительно уменьшились въ этомъ году и расходы на канцеляріи: на полковую и судовую канцеляріи отпущено 42 руб. 20 коп. вмѣсто прежнихъ 77 р. 20 к.; на канцелярскіе расходы по сотнямъ полка выдано было по 4 р. вмѣсто 5. Такими же неустойчивыми являются полковые оклады жалованья и въ 1749 г. Нѣкоторые изъ войсковыхъ служителей получили жалованье въ этомъ году въ размѣрѣ 1747 г.; другіе получили меньше даже противъ 1748 г. Въ спискѣ 1749 г. коваль и римарь не значатся, за то явились службы канцелярскаго сторожа, колодничаго сторожа, получавшихъ по 4 р. въ годъ, и ката (Терентій Ракъ), которому давалось 8 р. въ годъ.

Л. П.

Изъ временъ упадка Запорожья.

Выдвинутое особыми историческими обстоятельствами на арену политической жизни и военной славы Запорожье, съ измѣненіемъ этихъ обстоятельствъ, постепенно теряло свой престижъ, свою политическую роль, свою даже внутреннюю силу и значеніе.

Было время, когда Запорожье успѣшно боролось даже съ тѣмъ государствомъ, въ предѣлахъ котораго находилось, громило татаръ и турокъ, возводило на престолъ и низлагало сосѣднихъ господарей, участвовало въ походахъ на Москву: въ немъ искали поддержки гетманы, на него опиралась вся страна въ самыя тяжкія минуты, въ немъ заискивали или на него оглядывались сосѣди во взаимныхъ столкновеніяхъ, его голосъ былъ рѣшающимъ въ эпоху козацкихъ войнъ и возникавшихъ въ странѣ междоусобій и раздѣленія. Но уже съ присоединеніемъ Малороссіи къ московскому государству ея военныя силы, дѣйствуя съобща, отошли на второй планъ, неудачныя затѣи Мазепы довели и самую Сѣчь до разоренія, а непримиримыхъ сѣчевиковъ до удаленія въ предѣлы турецкіе на цѣлыхъ почти 25 лѣтъ. Возстановленная потомъ во всѣхъ своихъ

правахъ Сѣчь застала страну раздѣленною между двумя государствами, лишенною военныхъ силъ въ одной своей части, сохранявшею едва тѣнь автономіи въ другой, и не имѣя опоры въ исчезнувшемъ политическомъ ея значеніи и внутреннемъ строѣ, утрачивала и сама свою прежнюю роль и значеніе. Самостоятельное нѣкогда сѣчевое товариство, военная въ нѣкоторомъ родѣ республика, самой силой вещей нисходило оно теперь на степень едва примѣтной и едва терпимой части войска, во всемъ, кромѣ внутренняго управленія, огриничиваемое и стѣсненное, жившее мечтою о прежней своей славѣ и не находившее для себя въ дѣйствительности никакой пищи и поддержки, кромѣ мелкихъ ссоръ съ сосѣдями и вооруженныхъ столкновеній, получавшихъ характеръ скорѣе грабежей и разбоевъ, чѣмъ рыцарскихъ подвиговъ. Этотъ естественный упадокъ значенія Запорожья сказывался всегда и во всемъ: его территорія, торжественно за нимъ признанная во время возстановленія Сѣчи, урѣзывалась теперь часть за частью, вдоль ея, по краямъ и въ самомъ центрѣ строились шанцы и ретрантаменты съ военными командами; запорожцы подчинены двойному контролю гетманской власти и кіево-губернской канцеляріи, за ихъ дѣйствіями и сношеніями наблюдали особо командируемые офицеры; ихъ личному составу дѣлался самый строгій учетъ; ихъ движенія ограничены были паспортами; то, что считали они военнымъ ремесломъ, трактовалось уже, какъ разбой. Запорожье слилось съ гайдамачествомъ, а отъ него требовали искорененія гайдамакъ и самихъ запорожцевъ ловили и судили, какъ гайдамакъ. Не удивительно, что къ половинѣ прошлаго столѣтія Запорожье въ глазахъ всѣхъ утратило свое прежнее обаяніе и всякій армейскій поручикъ, или же сотникъ гетманскаго регимента трактовалъ запорожскую старшину почти какъ простыхъ мужиковъ и относительно ея позволялъ самое оскорбительное обращеніе, примѣровъ котораго находимъ огромное число за время послѣдняго существованія Запорожья. Если съ нимъ еще церемонились, то только высшія власти и то на бумагѣ; престижъ его упалъ раньше, чѣмъ оно само о томъ догадалось и почувствовало это, кажется, прежде общество, чѣмъ само правительство.

Случаи оскорбительнаго обращенія съ запорожскою старшиною воинскихъ чиновъ или гетманскихъ урядниковъ возникали по

самымъ пустымъ поводамъ, иногда при торжественной обстановкѣ и кончались ничѣмъ, или же новымъ приниженіемъ оскорбленныхъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ мы нашли въ жалобѣ Коша на высочайшее имп. Елисаветы имя, которую и приводимъ здѣсь. Но прежде нѣсколько словъ о самой жалобѣ и поводахъ къ ней.

Сотникъ Василій Зарудный командированъ былъ въ 1752 г. въ Запорожье, по распоряженію войсковой генеральной канцеляріи, для понужденія сѣчевой старшины къ дѣятельному преслѣдованію гайдамакъ, жилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и, какъ можно догадываться, порядкомъ надоѣлъ гордымъ сѣчевикамъ своими напоминаніями о дѣлѣ, крайне имъ непріятномъ. Въ половинѣ того же года обострившіяся ихъ отношенія разыгрались крупнымъ скандаломъ при самой торжественной обстановкѣ. 29 іюня сѣчевое товариство праздновало день тезоименитства наслѣдника престола. Послѣ литургіи кошевой Павелъ Ивановъ принималъ у себя всѣхъ бывшихъ на молебнѣ духовныхъ и свѣтскихъ, великороссійскихъ и малороссійскихъ чиновъ, а потомъ запросилъ ихъ къ себѣ б. кошевой Якимъ Игнатовичь. Въ Запорожьѣ пили, какъ нигдѣ. На этотъ разъ, хозяева и гости были несомнѣнно въ высокой степени подпитія. За тостами произошли крупные переговоры и ссора, при которой сотникъ всѣ чарки перебилъ, всю сѣчевую старшину и все запорожское войско жестоко избранилъ, называлъ ихъ «ворами и не вѣрно-присяжными», гостепріимнаго хозяина билъ по щекамъ, рвалъ за волосы и пр., а потомъ обжаловалъ ихъ же предъ гетманомъ, который потребовалъ присылки въ Глуховъ за конвоемъ б. кошеваго Якима Игнатовича, писаря Дмитрія Романовскаго и асаула Семена Лебединца. Защищая своихъ, Кошъ выступилъ съ жалобою на высочайшее имя о неслыханномъ оскорбленіи, нанесенномъ всему запорожскому войску и его старшинѣ сотникомъ Заруднымъ. Жалоба передана была тому же гетману и конца оной не находимъ. Для насъ важенъ случай, послужившій къ ней поводомъ и показывающій, какъ сильно упало къ этому времени Запорожье въ мнѣніи общественномъ, если простой сотникъ позволилъ себѣ, хотя бы и въ пьяномъ видѣ, нанести такое безчестіе запорожской старшинѣ. Донесенія Заруднаго мы не нашли; но для оцѣнки факта и опредѣленія по нему положенія, до котораго снизошло въ то время «славное

рыцарство», достаточно и жалобы Коша, которую приводимъ цѣликомъ.

«Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ, імператрицѣ Елисаветъ Петровнѣ, самодержицѣ всеросійской, государынѣ всемилостивѣйшей войска запорожскаго низового отъ кошевого атамана, войсковой старшины, куренних атамановъ и всего войска всеподданнѣйшее доношеніе.

Сего 1752 году прошедшого іюня 29 дня въ тезоименітой его імператорского высочества день, по литургіи божественной и по отправленіи молебного пѣнія, я нижеименованній кошевій атаманъ обикновенно просилъ къ себѣ въ мой курень какъ духовнихъ, такъ и свѣцкихъ, великороссийскихъ и малороссийскихъ разнаго чина людей, такожъ и войска запорожского низового старшинъ и атамановъ для тезоименитства его імператорского высочества выпить по чаркѣ горѣлки, которие въ моемъ куренѣ со всякою учтівостію, по здѣшнему обичаю, и приняти били; по отходѣ-же ихъ ис того моего куреня, бившій здѣсь кошевий Якимъ Игнатовичъ тѣхъ-же разнаго чина людей въ свой домъ для тезоименитства-жъ его імператорскаго высочества запросилъ, и когда подносима била чарками горѣлка, тогда миргородского малороссійского полку сотникъ миргородскій полковій, Василей Зарудній, тѣ чарки всѣ перебилъ, а потомъ и меня, атамана кошевого, старшіну войсковую, куренних атамановъ и все запорожское нізовое войско матерно бранилъ, ворами и невѣрно присяжными вашего імператорскаго величества рабами называлъ и другими непристойными и скверными словами поносилъ; а потомъ здѣшнего писара войскового Димитрія Романовскаго по щекамъ билъ, слѣдователно-же и више писанного бывшого кошевого Якима Ігнатовича въ его домѣ и на его учтѣ за волоса рвалъ, о чемъ и новосѣченской крепости комендантъ, капитанъ полку бѣлевского, Трофимъ Усачевъ и порутчикъ оного полку Андрей Цурыковъ могутъ засвидѣтельствовать, а послѣ того и къ его ясневельможности господину гетману и разнихъ ординовъ кавалеру, Кирилу Григориевичу, его графскому сиятелству, Разумовскому ябедничимъ своимъ доношеніемъ представилъ, яко-би отъ насъ, войска, ему сотнику Зарудному обида приключена, і по тому сотничему доношенію его ясневельможность, господинъ гетманъ, вышеписанного Якима Ігнатовича и войсковихъ писара Димитрія Романовскаго и асаула Семена Лебединца въ Глуховъ подъ конвоемъ ордеромъ велитъ прислать; хотя-же отъ насъ и писано за такіе обиди

его ясневелможности господину гетману, токмо донесенно ль было, или нѣтъ, неизвѣстни; въ чемъ намъ запорожскому низовому войску чрезъ такое бездѣлное и ябедничее реченнаго сотника Заруднаго доношеніе знатная обѣда и крайнее безчестіе слѣдуетъ; какой обѣди ми, запорожское войско, не то отъ штапъ и оберъ-офицеровъ, но и отъ високого генералѣтета, въ походное и мирное времена, нѣкогда не узнавали, а нынѣ отъ сотніковъ поносимъ обѣду.

Того ради вашего імператорскаго величества всеподданнѣйше рабски просимъ отъ такихъ обѣдъ насъ войско запорожское защитить и, кому надлежитъ, повелѣть, даби приѣзжающіе сюда въ Сѣчь по разнимъ дѣламъ сотніки и протчие чины намъ войску никакихъ обѣдъ не приключали, но новѣренное дѣло съ учтивостію исправляли-бъ.

О семъ донося, всеподданнѣйше просимъ вашего імператорского величества, всемилостивѣйшей государынѣ, всеподданнѣйшіе и вѣрноприсяжніе раби и слуги: войска запорожского низового атаманъ кошевой Павелъ Івановъ съ старшіною войсковою, куренними атаманами и со всѣмъ запорожскимъ низовимъ войскомъ. Кошъ, 5 октября 1752 года».

Варіантъ пѣсни о Нечаѣ.

Въ приложеніяхъ къ монографіи Костомарова «Богданъ Хмельницкій» напечатано *одиннадцать* варіантовъ пѣсни о Нечаѣ, записанныхъ въ губерніяхъ екатеринославской, кіевской, харьковской и въ Галичинѣ. Въ варіантѣ, который не давно мнѣ удалось записать, есть существенная прибавка, ради которой я и считаю нужнымъ привести его въ извѣстность. Онъ записанъ мною въ Кіевѣ отъ г-жи Ф. Сама она полька; но у нея въ началѣ шестидесятыхъ годовъ была старушка няня малороссіянка, которая пѣвала своей питомицѣ старинныя пѣсни, въ томъ числѣ и про Нечая. Къ сожалѣнію, г-жа Ф. не помнитъ мѣста рожденія своей няни и потому невозможно опредѣлить, какой мѣстности принадлежитъ записанный отъ нея варіантъ пѣсни о Нечаѣ. Вотъ этотъ варіантъ.

Ище не день, ище не день, ище не свитае,
А вже козакъ, а вже Нечай коника сидлае.
Осидлавши кониченька, пишовъ въ корчму пити;
Зибралося ляшкивъ много, хотять іого вбити.
А вашъ Нечай ма свій звычай, на те не вважае,
Та зъ кумою Мелничкою медъ-вино кружае.

Оглянеться козакъ Нечай, а вже ляшкивъ много,
—Сидлай, хлопче, якъ найшвыдче коня вороного?
Ще не поспивъ козакъ Нечай на коника впасти,
А вже-жъ зачавъ вражихъ ляшкивъ у дви лавы класти.
Оглянеться козакъ Нечай у правую руку,
Не выскоче кинь вороный зъ шляхетьского трупу.
Оглянеться козакъ Нечай на правее плече,
За нимъ, за нимъ кровъ ричками шляхетьская тече.
А якъ зъихавъ козакъ Нечай зъ горы у долину,
Зловивъ его панъ Потоцькій зъ заду за чуприну.
—Чи не той-то хмиль, що на тычци вьеться,
Чи не той-то козакъ Нечай, що зъ ляшками бьеться?
—Не по правди панъ Потоцькій я зъ ляшками бився,
Якъ ударивъ кинь ногою, той мистъ завалився.
. . . .
—Скажи, хлопче, скажи малый, чимъ Нечая вбити?
—Срибнымъ гудзіомъ посвяченымъ рушныцю набити.
Не задовгій часъ, не задовго, за малую хвилину
Качаеться Нечаева головка по рынку.
Качаеться и говорить: «и ще буду жити;
Якъ ся била изъ ляшками, такъ и буду бити».

Какъ могъ замѣтить читатель, въ предложеномъ варіантѣ нѣкоторые стихи опущены, иные даже испорчены; но въ немъ, какъ и въ варіантѣ, записанномъ въ Коломійскомъ Подгорьи, Нечай—«характерникъ»: его не берегъ простая пуля и чтобъ погубить его, надо зарядить ружье освященной серебряной пуговицей, или стрѣлять въ него серебрянной же освященной пулей. Другая особенность нашего варіанта—послѣдніе два стиха, произносимые отрубленной качающейся головой:

Качается и говорыть: „и ще буду жити;
Якъ ся била изъ ляшками, такъ ся буду бити".

Что отрубленная голова качается и говоритъ, это пріемъ старинныхъ народныхъ сказаній и означаетъ высшую степень живучести героя и его желанія мстить врагамъ.

Сообщ. **А. Залѣсскій.**

Русская Старина

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Историческій Журналъ

Сентябрь,
Октябрь, Ноябрь,
Декабрь,

1887 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XI. 1887 г.

За Сентябрь, 1887 г.

Октябрь.

Ноябрь.

Декабрь.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка сія не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногородняго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногородняго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.
